

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **4** *2018*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2018

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, зав. отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Л.Н. Верчёнов** – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН; **И.И. Глебова** – д-р полит. наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН; **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, зам.директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **В.Н. Ефремова** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *зам. главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносов; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **И.А. Чихарев** – канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. Ломоносова

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*
Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*
Ответственный секретарь: канд. полит. наук *В.Н. Ефремова*
Научные редакторы: д-р полит. наук *И.В. Кудряшова*
Литературный редактор: канд. полит. наук *О.А. Толпыгина*
Выпускающий редактор: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*
Корректор: *М.П. Крыжановская*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

DOI: 10.31249/poln/2018.04.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2018
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2018

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia);
Deputy Editor-in-Chief – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Valentina EFREMOVA**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia);

Vladimir AVDONIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Lev VERCHENOV**, Cand. Sci. (Philos.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Irina GLEBOVA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Center of Russian Studies, INION RAN (Moscow, Russia); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting director, INION RAN (Moscow, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher of the Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Ivan CHIHAREV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor of Comparative Political Science Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ТЕМА НОМЕРА: ТЕРРОРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер..... 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Харитонова О.Г.</i> Изучая терроризм: Основные контуры дискуссии	13
<i>Хохлов И.И.</i> Социетальная теория терроризма: Социально- экономические и психологические предпосылки формирования паттернов террористического поведения	34
<i>Кудряшова И.В.</i> Религиозный терроризм: Концептуальные проблемы политического анализа	54

РАКУРСЫ

<i>Морозов И.Л.</i> Терроризм как вид вооруженного политического насилия в условиях глобальной урбанизации	69
<i>Большаков А.Г.</i> Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе	90
<i>Кафтан В.В.</i> Теоретические основания конструирования и репрезентации антитеррористического дискурса в современных социально-политических практиках	107

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Расторгуев С.В.</i> Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики	124
--	-----

<i>Поцелуев С.П., Константинов М.С.</i> Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодежи Дона	146
---	-----

КОНТЕКСТ

<i>Косач Г.Г.</i> Национальное измерение исламского проекта: Движение ХАМАС	179
<i>Пинюгина Е.В.</i> Политические риски институционализации ислама в Европе	203

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Козинцев А.С.</i> Борьба за государство: Сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений.....	223
<i>Захарова Е.А.</i> Современный терроризм в зеркале французской политики	241
<i>Барсегян В.М.</i> Политическая и научная активность молодых политологов: Игра с нулевой суммой?	258

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Обзор журнала «Perspectives on terrorism»	271
---	-----

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Глинчикова А.Г.</i> Мультикультурализм в Европе: Шаг вперед, два шага назад? (Рецензия)	283
<i>Козинцев А.С.</i> Демократизация на мусульманском Западе (Рецензия)	293

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Kharitonova O.G.</i> Researching terrorism: Discussion outline.....	13
<i>Khokhlov I.I.</i> The societal theory of terrorism: How socioeconomic and psychological factors form patterns of terrorist behavior	34
<i>Kudryashova I.V.</i> Religious terrorism: Conceptual problems of political analysis	54

PROSPECTS

<i>Morozov I.L.</i> Terrorism as a type of armed political violence in the context of global urbanization.....	69
<i>Bolshakov A.G.</i> The phenomenon of political terrorism in the era of informational digital revolution in modern society.....	90
<i>Kaftan V.V.</i> Theoretical foundations of creation and representation of counterterrorism discourse in modern social and political practice	107

IDEAS AND PRACTICE

<i>Rastorguev S.V.</i> Extremism among the youth of modern Russia: Types, factors of propagation, soft technologies of prevention	124
<i>Potseluev S.P., Konstantinov M.S.</i> Migratory concepts of right-wing extremism in students' attitude.....	146

CONTEXT

<i>Kosach G.G.</i> The national dimension of Islamic project: Hamas Movement	179
<i>Pinjugina E.V.</i> Political risks of institutionalizing Islam in Europe	203

FIRST DEGREE

<i>Kozintsev A.S.</i> A fight for the state: Syrian crisis through the lens of center-periphery relations	223
<i>Zakharova E.A.</i> Modern terrorism through the prism of French politics	241
<i>Barsegyan V.M.</i> Political and scientific activity of young political scientist: A zero-sum game?	258

INTRODUCING SCIENTIFIC JOURNALS

The scientific journal of «Perspectives of Terrorism»	271
---	-----

FROM THE BOOKSHELF

<i>Glinchikova A.G.</i> Multiculturalism in Europe: Step forward, two steps back? (Review)	283
<i>Kozintsev A.S.</i> Democratization in the Muslim West (Review)	293

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

События последних лет показали, что терроризм по-прежнему устойчиво присутствует на мировой политической сцене. Его новым продуктом стали крупные религиозно мотивированные террористические группировки, способные осуществлять контроль над территориями и населением и вести активное культурное и политическое наступление в виртуальном пространстве.

Новые масштабы вооруженного насилия, глубина проникновения экстремистских идей, умелое использование террористами социальных сетей свидетельствуют об эволюции терроризма. Не следовать за ней, но предотвращать – сложная политическая задача, работа над которой немыслима без участия ученых и экспертов.

Однако не только бороться с терроризмом, но и изучать его очень непросто. Активность террористов питают идеи борьбы за высшие ценности и смыслы, и само освещение этой темы несвободно от политических пристрастий и эмоциональных оценок. Отнесение того или иного вида насилия к терроризму зависит от социально-политического контекста, который не остается неизменным. Терроризм по понятным причинам сложно исследовать эмпирически и столь же сложно операционализировать. Наконец, вокруг его дефиниции и конкретных случаев ее применения продолжают идти не только научные, но и политические баталии.

Почти все материалы предлагаемого вниманию читателей номера «Политической науки» посвящены проблематике терро-

ризма и экстремизма¹. Для авторов характерно восприятие терроризма как политического конфликта, вызванного противоречиями мирового развития, системными ошибками государственных политик, маргинализацией широких социальных групп и сохраняющейся значимостью символических действий.

Рубрику «Состояние дисциплины» открывает статья О.Г. Харитоновой, посвященная методологическим проблемам исследования терроризма, его концептуализации, операционализации и типологизации, определению структурных факторов воспроизводства. Особое внимание уделяется этническому терроризму в разделенных обществах. И.И. Хохлов предлагает свое видение терроризма как явления системного характера, продукта модернизационного сдвига второй половины XX и начала XXI в., следствием которого стало формирование значительного числа десоциализированных индивидуумов, испытывающих острую релятивную депривацию и выражающую ее через крайние формы девиантного поведения. В статье И.В. Кудряшовой предпринята попытка определить истоки и характер связи между терроризмом и религией. Автор представляет критический анализ основных научных подходов к трактовке этой взаимосвязи и показывает, что религия может придавать новое измерение социально-политическому конфликту (статьи О.Г. Харитоновой и И.В. Кудряшовой подготовлены в рамках проекта РФФИ № 16-03-00872).

Материалы, объединенные в рубрике «Ракурсы», подтверждают, что поле исследований современного терроризма исключительно многообразно. И.Л. Морозов считает современный терроризм городским феноменом. Он выделяет две модели терроризма: терроризм как инструмент широко трактуемой национально-освободительной борьбы и терроризм как форму несостоявшейся, закапсулировавшейся гражданской войны. Обращается внимание на то, что в настоящий момент в крупных городах формируется третья модель терроризма, синтезирующая элементы первых двух. Статья А.Г. Большакова посвящена влиянию цифровизации, информационной революции на развитие терроризма. Отмечается, что цифровизация, увеличивая отставание многих обществ, влечет

¹ Террористические организации «Аль-Каида», «Братья-мусульмане», Исламское государство, «Движение Талибан», «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Аум Синрике» запрещены в РФ.

за собой обострение социально-политического конфликта и рост терроризма как его особой разновидности, а также создает условия и для появления новых методов и форм политического терроризма, включая кибертерроризм. В.В. Кафтан раскрывает особенности создания, распространения и переформатирования антитеррористического дискурса. На основе различных концепций дискурса анализируются проявления антитеррористического дискурса в ходе информационно-политического противоборства между современными государствами, приводятся примеры формирования антитеррористического дискурса в целях создания особой «террористической» картины мира.

Рубрика «Идеи и практика» посвящена угрозе распространения радикальных и экстремистских идей, питательного субстрата насилия, среди российской молодежи. С.В. Расторгуев анализирует типологии, а также факторы и географию молодежного экстремизма. На основе данных Министерства юстиции РФ автор провел количественный анализ и классификацию экстремистских организаций и экстремистских материалов, предложил алгоритм применения мягких технологий профилактики экстремизма в студенческой среде. С.П. Поцелуев и М.С. Константинов исследуют феномен миграции идеологических концептов, в особенности концептов праворадикальной идеологии. Этот феномен рассматривается на материале социологического опроса, проведенного авторами среди студентов Донского региона; особое внимание уделяется концептам «русского мира» и «империи».

Рубрика «Контекст» объединяет работы Г.Г. Косача и Е.В. Пинюгиной. Статья Г.Г. Косача посвящена становлению и эволюции палестинского движения ХАМАС, в том числе причинам его обращения к исламской риторике и основанной на ней деятельности. По мнению автора, это движение не только оказалось способным выработать собственный политический проект, но и последовательно эволюционировать в направлении его все более четкой «национализации». В центре внимания Е.В. Пинюгиной находятся такие проблемы институционализации ислама в Европе, как легализация деструктивных мусульманских организаций, деятельность имамов-иностранцев или фундаменталистов, гендерный вопрос, свобода слова и чувства верующих, интеграция мусульманского права в национальное. В качестве механизмов снижения политических рисков рассматриваются новые подходы принимающих

государств к представительству мусульман и к организации их религиозной жизни.

Рубрика «Первая степень» – площадка научного поиска молодых ученых. А.С. Козинцев трактует сирийский кризис как результат нарушения каналов коммуникации между центром и периферией и показывает, что замещение роли центра механизмом многоуровневого посредничества является оптимальной моделью для консолидации сегментированной территории. Е.А. Захарова выявляет основные характеристики французских терактов 2012–2017 гг. и устанавливает связь между антимусульманскими настроениями избирателей и электоральными успехами «Национального фронта». В.М. Барсегян изучает связь политической активности и научной деятельности молодых политологов и на основе социологического исследования делает вывод, что молодые политологи политически активнее своих сверстников с иным профилем образования.

В рубрике «Представляем научные журналы» предложен обзор междисциплинарного журнала «Perspectives on terrorism».

Завершает выпуск наша традиционная рубрика «С книжной полки». Она включает в себя рецензии на монографию А.В. Вере-тевской о европейских практиках интеграции этнокультурных меньшинств (МГИМО-Университет, 2018) и на монографию Дж. Хилла о моделях демократизации в странах Магриба (Edinburgh univ. press, 2018).

Надеемся, что материалы этого выпуска «Политической науки» будут интересны читателям и востребованы в научной дискуссии о политике, вооруженном насилии и сопутствующих им обстоятельствах.

И.В. Кудряшова

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О.Г. ХАРИТОНОВА*

ИЗУЧАЯ ТЕРРОРИЗМ: ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ ДИСКУССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния исследований негосударственного терроризма, методологическим проблемам исследования терроризма, концептуализации, операционализации и типологизации терроризма, структурных факторов и основных причин терроризма, анализу поведения террориста с точки зрения теории рационального выбора и связей между политическими режимами и риском терроризма. Особое внимание уделяется этническому терроризму в разделенных обществах и структурным факторам, способствующим его развитию. Констатируется, что в настоящее время в академических кругах сложился консенсус относительно минималистского определения терроризма как стратегии протеста с использованием насилия или угрозы насилия против гражданских лиц, однако относительно основных причин, факторов и триггеров терроризма согласие не достигнуто.

Ключевые слова: терроризм; террорист; волны терроризма; типология терроризма; факторы терроризма; негосударственный терроризм.

Для цитирования: Харитонova О.Г. Изучая терроризм: Основные контуры дискуссии // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 13–33. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.01

* Харитонova Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Kharitonova Oxana, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

© Харитонova О.Г., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.01

O.G. Kharitonova Researching terrorism: Discussion outline

Abstract. The article analyzes the state of the research of non-state terrorism, methodological research problems of studying terrorism, conceptualization, operationalization of terrorism and typologies of terrorist activities, structural factors and root causes of terrorism, analysis of terrorists' behavior from the rational choice perspective and the relationship between political regimes and the risk of terrorism. Special attention is given to ethnic terrorism in divided societies and structural causes fostering terrorism. At present the academic consensus has been reached about the minimalist definition of terrorism as a protest strategy using the means or threat of violence against civilians, but there is no agreement about main preconditions, factors and triggers of terrorism.

Keywords: terrorism; terrorist; waves of terrorism; types of terrorism; root causes of terrorism; non-state terrorism.

For citation: Kharitonova O.G. Researching terrorism: Discussion outline // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 13–33. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.01

Терроризм пристально изучается сравнительными политологами, международниками, психологами, социологами и юристами с 1970-х годов XX в. Интерес к проблеме вызван увеличением числа наблюдений террористических атак. Так, в глобальную базу данных терроризма (*Global Terrorism Database*) на сегодняшний день занесено 176 313 террористических актов, что свидетельствует о распространенности этого явления [Global]. Чаще всего террористы организуют взрывы и осуществляют вооруженные нападения и убийства.

Таблица

Виды террористических атак

<i>Террористическая атака</i>	<i>Число наблюдений</i>	<i>% наблюдений</i>
Вооруженное нападение	43 372	24,60
Убийство	18 567	10,53
Взрыв	83 559	47,39
Нападение на объекты инфраструктуры	11 136	6,32
Угон самолета	613	0,35
Захват заложников	939	0,53
Похищение людей	10 757	6,10
Невооруженное нападение	942	0,53
Нет информации	6428	3,65
Всего	176 313	100

Источник: Global terrorism database. – Mode of access: <http://www.start.umd.edu/gtd/>
(Дата посещения: 15.07.2018.)

Э. Силке и Дж. Шмидт-Петерсен называют современный этап исследований терроризма «золотым веком»: 63 из 100 самых цитируемых статей, опубликованных после 2001 г., были посвящены терроризму; 13 из них были опубликованы после 2006 г. Они предупреждают, что при огромном количестве публикаций исследователю приходится продираться через шлак, чтобы найти драгоценный камень [Silke, Schmidt-Petersen, 2017].

Но проблему представляет не только огромное количество сюжетов, мнений и позиций: как считает Э. Ричардс, в академических кругах анализ феномена терроризма находится на «дотеоретическом этапе» или, другими словами, является теоретически несостоятельным [Richards, 2014, p. 215]. В чем же проявляется сложность исследований терроризма?

Во-первых, в концептуализации. Концептуализация терроризма необходима для отделения террористических атак от действий повстанцев, убийств, похищений, геноцида, репрессий и гражданских войн. Без концептуализации предмета его сложно операционализировать, а операционализация влияет на выбор кейсов и наблюдений и в конечном итоге – на научные результаты.

Во-вторых, в отсутствии консенсуса относительно сути терроризма. Является ли он целью или средством ее достижения и, соответственно, продолжением политики? Корректно ли разделять терроризм на государственный и негосударственный, внутренний и международный?

По мнению ряда авторов, субъектом терроризма могут быть и государство, и негосударственные акторы [McAllister, Schmid, 2015; Tilly, 2004; Post, 1990; Crenshaw, 1981]. Как отмечают Б. Макаллистер и А. Шмид, государственный терроризм – *sui generis* – не сравним с «маломасштабным терроризмом подпольных революционных ячеек» [McAllister, Schmid, 2015, p. 32]. Исследователи указывают и на возможность проникновения терроризма в государственные структуры, в том числе силовые [Грачев, Гасымов, Стесиков, 2012, с. 95].

В настоящей статье под терроризмом будет пониматься исключительно негосударственный терроризм, хотя автор отдает себе отчет в том, что между государственным и негосударственным терроризмом может быть двусторонняя причинно-следственная зависимость.

В-третьих, в политизированности и эмоциональной окрашенности исследований терроризма. По точному замечанию С. Башерена, «террорист, совершивший преступления с одной стороны границы, после ее пересечения становится борцом за свободу» [Başeren, 2008, p. 2]. Как считал лидер ООП Ясир Арафат, «разница между революционером и террористом заключается в причине борьбы. Тот, кто сражается ради справедливой цели и борется за свободу и освобождение своей земли... не может называться террористом» [цит. по: Shughart, 2006, p. 10]. Четверо бывших «признанных террористов» стали впоследствии обладателями Нобелевской премии мира: Ясир Арафат, Нельсон Мандела, Менахем Бегин и Шон Макбрайд. Многозначность дефиниций терроризма затрудняет формирование международного режима по борьбе с этим явлением. В связи с этим обвинения «в поддержке террористов» могут становиться (и становятся) эффективным инструментом внешней и мировой политики [см.: Terrorism and low intensity conflict... 2003].

В-четвертых, в изменчивости контекста. Так, «террористические группы появляются в результате одного набора условий, но продолжают функционировать по другим причинам, а индивиды могут оставаться в террористической группе по мотивам, отличным от мотивов в момент вступления в группу» [Bjørge, 2005, p. 4]. Таким образом, временной аспект наблюдения имеет большое значение и может повлиять на результаты исследований и на индивидуальном / групповом уровне (характеристики и установки), и на уровне государств (структурные факторы).

В-пятых, в сложности проведения эмпирических кейс-стади исследований. Поэтому большая часть исследований носит описательный характер и анализирует конкретные действия террористических групп, их идеологию, риторику и политико-психологические характеристики лидеров и рядовых членов. Другая часть представляет собой статистические глобальные сравнения, призванные проверить гипотезы о связи между терроризмом и структурными факторами на высоком уровне генерализации / абстракции (в логике Дж. Сартори).

Тем не менее отсутствие универсального определения «не приводит к застою в исследованиях терроризма» [Schmid, 2014, p. 588]. Обобщить состояние бурной научной дискуссии и призвана настоящая статья.

Проблема концептуализации терроризма

Как отмечено выше, «сложность № 1» в изучении терроризма связана с его концептуализацией. На настоящий момент среди исследователей в целом достигнуто согласие относительно субъектов терроризма (это негосударственные организации), целей / объектов (в основном гражданские лица и объекты), тактики (насилие или угроза его применения) и желаемого эффекта (влияние на массовую аудиторию). Согласно А. Шмиду, терроризм сочетает «доктрину о предполагаемой эффективности определенной формы тактики устрашения и политического насилия... и конспирационную практику умышленного, демонстративного прямого насильственного действия без легальных и моральных ограничителей, нацеленную в основном на гражданских и других лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях (некомбатантов), и осуществляемую ради пропагандистского и психологического воздействия на разные аудитории и стороны конфликта» [Schmid, 2014, p. 588].

Большинство авторов указывают на наличие определенного *политического* мотива террористов и использование насилия или угрозы насилия для достижения *политических* целей. Так, Б. Мак-аллистер и А. Шмид считают, что цели террористических акторов заключаются в переопределении и изменении сложившегося статус-кво, однако в отличие от нетеррористов они достигают своих целей нелегальным и насильственным способом и действуют подпольно вследствие социальной маргинализации экстремизма как идеологии [McAllister, Schmid, 2015, p. 59].

Согласно А. Ричардсу, психологическое воздействие террористических действий распространяется шире объекта терроризма, независимо от того, являются ли они гражданскими лицами или комбатантами [Richards, 2014, p. 223, 227]. М. Креншоу подчеркивает, что терроризм всегда направлен против государства с целью политических изменений, причем объекты (жертвы) имеют значение только из-за принадлежности к общей аудитории [Crenshaw, 1981, p. 379]. Дж. Гудвин разграничивает терроризм и повстанческие военные действия (основной целью которых является государство) и говорит, что объектом терроризма могут быть только гражданские лица [Goodwin, 2006, p. 2028].

Оценивая роль насилия в террористических действиях, отметим наиболее распространенные точки зрения. Так, насилие:

- является инструментом достижения политических целей;
- дает террористам преимущества, так как «направлено на цели, которые невозможно определить заранее, которые часто не связаны с ведущейся политической борьбой» [Başeren, 2008, p. 3];
- может способствовать эффективности терроризма;
- является «в первую очередь ресурсом, а не конечным продуктом» и может быть средством для устрашения, деморализации, радикализации, наказания, мобилизации, провокации и пропаганды [Kalyvas, 2004, p. 100].

Однако есть и мнение, что насилие – самоцель террористических групп, поскольку индивиды вступают в террористические группы, чтобы совершать террористические действия, и не могут их прекратить, не допуская организационного самоубийства [Post, 1990, p. 35, 39].

Более широкая трактовка целей террористов присутствует в Глобальной базе данных по терроризму (также не включает государственный терроризм¹), которая определяет террористическую атаку как угрозу или действительное использование насилия негосударственным актором для достижения политических, экономических, религиозных или социальных целей путем устрашения или принуждения. Для включения наблюдения в базу данных оно должно иметь следующие характеристики: а) действие должно быть преднамеренным (результат сознательного расчета актора); б) действие должно включать насилие или угрозу его применения, в том числе и по отношению к собственности; в) действие совершается субнациональными акторами. Кроме этого, действие должно соответствовать как минимум двум из трех следующих критериев: а) действие должно преследовать политические, экономические, религиозные или социальные цели; б) должно быть свидетельство намерения передать сообщение / угрозу более широкой аудитории; в) действие не проводится в рамках военной операции [GTD codebook... p. 9–10].

В целом А. Шмид различает пять акцентов в концептуализации терроризма, при которых терроризм понимается как: а) пре-

¹ Под государственным терроризмом многие авторы понимают государственный «террор», репрессии и насильственные действия со стороны и от имени государства в отношении населения. Однако подобный подход представляет собой растяжение концепта «терроризм», что усложняет сравнительный анализ.

ступление; б) политика; в) война; г) коммуникация; д) религиозный фундаментализм [Schmid, 2004].

Терроризм – преступление, так как действия, совершаемые террористами (атаки на гражданских лиц, бомбовые удары, убийства, нанесение ущерба инфраструктуре, похищения, захват заложников и угоны), являются преступными с точки зрения национального законодательства и международных норм; чтобы стать террористическим действием, такое преступление должно иметь политический мотив [Ibid., p. 197].

Терроризм – разновидность политики, так как террористы определенным способом борются за власть или оказание влияния на нее. Для Ч. Тилли, однако, терроризм «выходит за рамки форм политической борьбы, присущих действующему режиму» [Tilly, 2004, p. 9]. «Не всегда политический» терроризм и для А. Шмида: могут быть чисто «криминальные» и «безумные варианты» [Schmid, 2014, p. 589] (здесь отметим, что сравнительный анализ психотипов террористов Дж. Поста подтвердил тезис об их «нормальности» [Post, 2005]).

Терроризм можно расширительно трактовать как войну – эквивалент военных действий в мирное время или продолжение войны иными (террористическими) средствами.

Терроризм способен быть средством коммуникации: для достижения политических целей террористической группе необходимо рекрутировать сторонников через пропаганду и средства массовой коммуникации. Как отмечает Б. Дженкинс, «терроризм – это театр» [цит. по: Shughart, 2006, p. 9], поэтому для эффективности террористических действий актерам необходимо найти свою аудиторию и удержать ее. Завоеванию аудитории активно способствует Интернет, где, в отличие от телеканалов и других СМИ, нет ограничений, накладываемых внутренней цензурой [Хохлов, 2017, с. 49].

Вопрос о религиозном фундаментализме как ипостаси терроризма мы рассмотрим ниже.

Типологии терроризма

Согласно Ч. Тилли, «террор – стратегия, а не убеждение» [Tilly, 2004, p. 11], однако большинство авторов типологизируют

терроризм в соответствии с убеждениями и заявленными целями террористов. Цели могут варьироваться от автономии и освобождения (с соответствующими прилагательными) до дестабилизации и ликвидации авторитарного режима. Терроризм всегда является отражением явного или потенциального общественно-политического конфликта, и террористы представляют определенную сторону в этом конфликте.

Одна из первых типологий группового терроризма была предложена П. Уилкинсоном, который выделяет субреволюционный, революционный, репрессивный и эпифеноменальный типы. Она не лишена отдельных недостатков. Во-первых, в ней соединяются государственный и негосударственный типы терроризма. Во-вторых, три первых типа имеют свои цели и характеристики, а четвертый является «остаточной категорией». Революционный терроризм ставит целью осуществление революции, фундаментальных изменений социально-экономического порядка; субреволюционный терроризм имеет множество целей, кроме революционного захвата власти; репрессивный терроризм относится к государственному терроризму. Критик типологии Уилкинсона М. Мозаффари доработал ее и выделил субреволюционный / революционный, репрессивный, сепаратистский (за независимость или автономию) и международный типы. Революционный терроризм стремится к реформам и изменениям, репрессивный – к подавлению оппозиции, сепаратистский – к получению автономии или независимости, международный – к изменению мирового порядка [Mozaffari, 1988, p. 185].

Главным преимуществом таких типологий является отход от географических и культурно-этнических критериев при типологизации и выявление идейной связи между нетеррористическими движениями и террористическим методом. Так, сепаратистский терроризм может усиливать влияние сепаратистских движений и проявляться в ходе войн за независимость.

Другие распространенные основания построения типологий терроризма обобщены Ю.И. Авдеевым [Авдеев, 2000].

Наиболее известная периодизация негосударственного терроризма предложена Д. Рапортом, который выделяет четыре его волны [Rapoport, 2004]. Основные критерии для выделения волны – глобальный характер, общая движущая сила и отличные от предыдущей волны цели и стратегия.

Первую волну терроризма (1870–1920-е годы) автор называет волной анархизма, так как доминирующей стратегией было уничтожение, часто показательное, политических противников с использованием риторики революционной борьбы и пропаганды восстания.

Основной мотив второй волны терроризма (1920–1960-е годы) – национализм. Волна была преимущественно национально-освободительной, террористы стремились к получению независимости от метрополии. Они признавали государство как институт, но стремились к собственной государственности; основными объектами их действий были силы безопасности и армия. Террористы второй волны имели большую поддержку населения, которой не было у террористов всех других волн, что обеспечивало им внутреннюю легитимность и международную помощь.

Третью волну (1960–1980-е годы) Д. Рапопорт именует новой левой / марксистской. Террористы-марксисты стремились к театрализации действия [Ibid., p. 56], используя политические убийства и покушения на политиков в качестве видимого наказания за проводимую политику, а стратегию похищения и захвата заложников – для привлечения широкого внимания общественности. В отличие от террористов-националистов, они не имели широкой поддержки, что привело к спаду волны.

Четвертая волна (1970–2020-е годы) – религиозная, в центре которой, по мнению Д. Рапопорта, находится ислам, однако в эту волну активно вливаются и террористические группы, исповедующие другие религии (сикхи в Пенджабе, «Аум Синрикё» в Японии, тамилы в Шри-Ланке). Религиозный терроризм становится глобальным феноменом.

По мнению ученого, терроризм за последние 125 лет стал важной чертой нашего мира. Три фактора повлияли на развитие терроризма: технологии, доктрины и развитие демократических идей. «Крах программы демократических реформ вдохновил первую волну, основным лейтмотивом второй волны стало самоопределение. Доминирующей темой третьей волны была недемократичность существующих систем. Дух четвертой волны – отчетливо антидемократичный, так как демократическая идея немыслима без значительной доли секуляризма» [Ibid., p. 65]. В этом контексте противодействие исламистскому терроризму (джихадизму) особенно сложно. Как отмечает И. Кудряшова, «жесткое разделение

религии и политики неприемлемо для большинства мусульман, которые считают ислам образом жизни как воплощение священной нормы... в случае выбора любой модели развития вопрос в мусульманском сообществе состоит не в том, должна ли религия придавать смысл функционированию государственных и социальных структур, но в том, в какой степени и в каком темпоритме это будет происходить» [Кудряшова, 2003, с. 115].

Подходу Д. Рапопорта частично соответствует периодизация волн современного (1945–2000) терроризма У. Шугарта (национально-освободительный и этносепаратистский, левый и исламистский типы), однако главным фактором развития терроризма, по мнению последнего, является «искусственное государствовроительство» в межвоенный период [Shughart, 2006].

Некоторые авторы предлагают выделить новую, пятую, волну, в ходе которой появляются террористические квазигосударства. Главным контраргументом является региональный, а не глобальный характер этой волны (все террористические квазигосударства сконцентрированы на Ближнем Востоке и в Северной Африке) [Honig, Yahel, 2017].

Большинство исследователей концентрируются на изучении отдельных типов терроризма: идеологического, этнического и т.д. С. Башерен полагает, что идеологический терроризм преследует идеологические цели (часто в рамках антиимпериалистического движения), а этнический является частью или продолжением этнических, сепаратистских конфликтов и войн в качестве ответной реакции на репрессивную политику государства [Başeren, 2008].

Этнический терроризм сфокусирован на этнической идентичности и этнической мобилизации [Byman, 1998]. Он, с точки зрения Ф. Рёдера, имеет много общего с этническими войнами, которые ведутся с целью расширения политических прав определенных этнических групп и получения доступа к процессу рекрутирования должностных лиц, принятия решений и самоуправлению (от автономии до независимости) [Roeder, 2003, p. 512]. Однако имея с этническими войнами общие цели и общую тактику, направленную на мобилизацию и политизацию этничности [подробнее об этнических войнах см.: [Харитоновна, 2016], этнический терроризм расходится с ними в средствах борьбы.

По мнению Д. Баймана, «терроризм является идеальной тактикой сепаратизма в многоэтнических демократиях... для сепаратистов це-

лью выборов является поляризация, а не объединение общества. Терроризм в данном случае еще более разделяет общество, помогая этнической группе достичь своих целей» [Vuman, 1998, p. 162].

В изучении религиозного терроризма можно выделить два подхода: в соответствии с первым религия может вносить смысловую религиозную компоненту в существующий конфликт, со вторым – быть частью конфликта. Логику религиозного терроризма объясняет М. Юргенсмейер: религия привносит в конфликт новые аспекты, которые ранее не были его частью; религия персонализирует конфликт и обеспечивает, кроме социальных наград, еще и персональное вознаграждение участникам конфликта – религиозные заслуги, искупление, обещание небесного наслаждения. Таким образом, религия обеспечивает легитимность и моральное оправдание террористическим действиям и дает моральную санкцию на использование насилия [Juergensmeyer, 2006, p. 142]. Согласно А. Шмиду, религиозная рационализация террористических действий имеет большое значение для истинных верующих: «...Трансформирование бесчеловечных действий в героические представляет собой оборонительный механизм (или механизм нейтрализации), превращающий убийства в жертвоприношения» [Schmid, 2004, p. 212].

Религиозный терроризм, как и этнический, приводит к абсолютизации конфликта и демонизации оппонентов: дихотомия «мы – они» превращает конфликт в «космическую войну» между «силами зла» и «силами добра», поэтому священная война может длиться вечно [Juergensmeyer, 2006, p. 142].

Дж. Пост в своих работах выделяет такой вид терроризма, как терроризм «по отдельному вопросу политики» [Post, 2005, p. 617]. Описаны и другие виды терроризма (например, биологический, технологический). Однако нет типологии, которая учитывала бы все типы и виды террористической активности.

Рационален ли выбор террористов?

В конфликте у оппозиционной группы есть три стратегии – сохранение статус-кво, свержение правительства в результате переворота и терроризм [Blomberg, Hess, Weerapana, 2004]. Если терроризм является стратегией разрешения конфликта, а террористы

являются «нормальными» [Crenshaw, 1981; Post, 1990, 2005; Bjørge, 2005], т.е. рациональными индивидами, можно попытаться объяснить использование определенного террористического метода с помощью теории рационального выбора.

Дж. Пост пишет о «психологике» террористов как осознанном выборе из ряда возможных альтернатив, причем их всех отличает «поляризующая и абсолютистская риторика – мы против них – без нюансов, без оттенков серого... Они – источник зла и проблем и должны быть уничтожены» [Post, 1990, p. 25]. По мнению ученого, большинство террористов не имеют «серьезной психопатологии, однако среди них наиболее широко представлены агрессивные и направленные-на-действие индивиды, отличающиеся сочетанием личного чувства неполноценности и психологическим механизмом экстернализации» [Ibid., p. 31]. В то же время «нет ни уникального профиля террориста, ни единого пути к террористической карьере» [Schmid, 2014, p. 593].

Несмотря на указанные выше мнения психологов, представители теории рационального выбора пытаются моделировать поведение террористов и террористических групп в рамках экономических моделей через стремление к максимизации индивидуальной или групповой полезности. Терроризм рассматривается инструментально как рациональная стратегия, направленная на изменение политики правительства или поведения оппонентов. Террористы своими действиями стремятся достичь коллективного общественного блага, так как все преимущества, в случае успеха, будут распространены и на участников, и на симпатизирующих.

С точки зрения затрат терроризм является менее затратным и более эффективным в экономическом плане, чем гражданская война. Терроризм – стратегия меньшинства, у которого нет других средств противостоять большинству. Однако меньшинство в данном случае действует «от имени, но без консультаций, согласия и одобрения своей группы» [Crenshaw, 1981, p. 384].

Терроризм является коллективным действием, так как террористы выступают от имени определенной группы (этнической, религиозной, идеологической и проч.). Согласно классической теории коллективных действий коллективная выгода группы превышает затраты индивида-участника, тем самым создавая проблему безбилетника, достигающего коллективного блага, не прилагая никаких усилий. Учитывая «затраты», связанные с террористиче-

скими действиями, рациональные индивиды должны отказаться от этой стратегии. Как считает Д. Гупта, рациональный террорист присоединится к коллективным действиям при осознании выгоды коллектива, причем достаточно большого, чтобы компенсировать его личные затраты, однако это будет результатом других факторов, в том числе религии, культуры, социализации или, что наиболее важно, влияния лидера – политического предпринимателя [Gupta, 2005].

В исследовании М. Креншоу выбор в пользу терроризма делают индивиды, слабые по сравнению с режимом, которые хотят «драматизировать идею, деморализовать правительство, получить общественную поддержку, спровоцировать насилие со стороны режима, инспирировать последователей, или доминировать в широком движении сопротивления...» [Crenshaw, 1981, p. 389].

Ч. Тилли выделяет четыре типа террористов в зависимости от выбора ими объектов. Автономные террористы – политические группы, прибегающие к террористическим действиям против властей, символических объектов, противников или населения на своей территории. Фанатики выполняют те же действия на территории противника. Боевики – государственные и негосударственные акторы с действующей структурой насилия на своей территории и конспираторы – на чужой [Tilly, 2004, p. 11]. У каждой из этих групп свои мотивы, цели, обоснование терроризма, поэтому теория рационального выбора не всегда может объяснить их поведение. Есть также альтруизм и акразия террористов-смертников [McAllister, Schmid, p. 59].

Условия и факторы терроризма

Поскольку терроризм понимается как одна из форм протеста, исследователи предпосылок и факторов терроризма начинают проверять гипотезы, подтвержденные при исследованиях протестных действий или гражданских конфликтов. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском терроризма. Такие связи понимаются как структурные предпосылки терроризма.

Рассматривая условия терроризма, М. Креншоу выделяет содействующие и побуждающие причины [Crenshaw, 1981]. Большинство исследователей с помощью статистических моделей пытаются выявить «основные причины» (*root causes*) терроризма, которые включают и благоприятные факторы, создающие возможности для терроризма, и катализаторы – непосредственно стимулирующие терроризм события [Noricks, 2009]. При исследованиях терроризма в качестве зависимой переменной рассматриваются риск и вероятность террористических действий, совершаемых зачастую независимо от заявленных целей субъектов. За независимые переменные принимают набор объективных условий, круг которых довольно ограничен: уровень социально-экономического развития, уровень стабильности, наличие дискриминации, тип политического режима и его легитимность, демографические и географические характеристики, а также идеологические и культурные факторы, определяющие отношение к использованию насилия.

Событием-триггером терроризма может стать любое действие или угроза действия по отношению к группе, которое будет воспринято как значительный «экзогенный шок» [Ibid.]. Развитие конфликта и действия сторон часто могут стать таким событием. Как отмечает У. Шугарт, терроризм не появляется в вакууме, а является следствием межгруппового конфликта – за землю, ресурсы, власть [Shughart, 2006]. Поэтому все исследователи терроризма начинают свой анализ с исследования факторов конфликтов.

Еще в 1960-е годы Т. Гурр выдвинул тезис о связи депривации и фрустрации с насилием: чем сильнее депривация, тем больше вероятность политического насилия. По его мнению, «у насилия всегда есть аперитив – эмоциональная база, а масштабы насилия зависят от степени ярости мобилизованных» [Gurr, 2015, р. 14]. С точки зрения ученого, разрыв между ожиданиями и достижениями в экономической и политической областях приводит к недовольству и поддержке оппозиционных политических действий, включая радикальные террористические [Gurr, 2006]. Исследователи развивают эту логику, изучая факторы, вызывающие чувство депривации и, как следствие, обращение к терроризму в качестве метода решения проблем.

Главным фактором депривации традиционно считается бедность, поэтому авторы говорят о связи между риском экстремизма в целом и терроризма в частности и бедностью, необразованно-

стью, безработицей и большим разрывом между бедными и богатыми. Однако большинство исследователей не смогли выявить значимой связи между этими факторами и участием в террористических действиях [Abadie, 2004; Krueger, Laitin, 2007; Piazza, 2006; Krueger, Malekčová, 2003] и сделали вывод о важности изучения политических, а не социально-экономических факторов. Дж. Пьяцца считает, что теория социального конфликта лучше объясняет терроризм, чем экономические гипотезы [Piazza, 2006].

А. Крюгер и Д. Лейтин в статье «Кто кого...» показывают, что уровень экономического развития является значимым только для страны-цели, так как страны с большим ВВП на душу населения чаще становятся объектом терроризма. Таким образом, субъекты терроризма (кто) – политически угнетенные, а объекты (кого) – богатые: «Кто» – фактор политический, а «кого» – фактор экономический [Krueger, Laitin, 2007, p. 25]. Т. Гурр считает, что главным условием терроризма является неравенство, а не бедность [Gurr, 2006, p. 87].

В свое время С. Хантингтон показал, что модернизация не способствует стабильности. Исследователи терроризма демонстрируют, что модернизация может вести к терроризму. По мнению Т. Гурра, урбанизация и социальная мобильность приводят к дискриминации, а изменение традиционных схем жизнедеятельности – к массовой дезориентации; в итоге больше людей могут быть подвержены новым идеологиям и новым формам политической организации, в том числе террористической, предлагающей четкую программу действий [Ibid., p. 89]. Как считает М. Креншоу, модернизация облегчает терроризм в инфраструктурном плане. Поэтому многие авторы называют терроризм «городской партизанской войной» [Crenshaw, 1981, p. 381–383].

По мнению Д. Норикса, «насильственное поведение является следствием социализации насилия» [Noricks, 2009, p. 38]. Следовательно, независимо от социально-экономических условий обращение к насильственной тактике связано с нормативным пониманием насилия внутри общества или группы. В этом случае важную роль будут иметь идеологическое и религиозное обоснование конфликтов.

Терроризм и политические режимы

Политические режимы могут создавать институциональные условия для террористических действий, так как от типа режима зависят гарантии политических и экономических прав, возможности для артикуляции и представительства интересов, а также введение ограничений, которые ведут к фрустрации и лишениям определенных групп населения. Демократические режимы дают больше возможностей для политического участия, выражения интересов и разрешения конфликтов в институциональных рамках, поэтому терроризм будет ответом на ужесточение такого режима [Schmid, 2004; Windsor, 2003]. Исключение отдельных групп из процесса принятия решений, по мнению многих авторов, является значимым политическим фактором терроризма, особенно этнополитического [Choi, Piazza, 2016, p. 41].

В демократиях при наличии дискриминации отдельных групп уровень терроризма в среднем составляет 8,31 наблюдения в год по сравнению с 1,49 в автократиях и 5,69 наблюдения в год в анократиях. Уровень терроризма значительно сокращается при отсутствии дискриминации в демократиях (до 2,41 набл. / год) и автократиях (до 0,86), но увеличивается в анократиях (до 6,71 набл. / год) [Ghatak, Gold, Prins, 2017, p. 7].

С точки зрения М. Креншоу, терроризм – продукт стабильного общества, а не симптом хрупкости и распада [Crenshaw, 1981, p. 384], поэтому он часто может применяться для разрушения стабильности при отсутствии или неэффективности других способов режимных изменений. Опасным для возникновения терроризма является наличие нелегитимного и слабого политического режима – в этом случае проводимые режимом репрессии будут неэффективны [Noricks, 2009, p. 20, 22].

Таким образом, хотя терроризм и может появиться в любой стране, чаще его источником являются развивающиеся общества, переживающие ускоренную модернизацию и страдающие от отсутствия политических прав [Abadie, 2004; Krueger, Malekčová, 2003]. Крюгер и Лейтин также показывают, что страны с низким уровнем политических прав чаще являются источниками терроризма, а не целями [Krueger, Laitin, 2007]. В более богатых странах с сильным оборонным потенциалом терроризм как метод будет считаться предпочтительнее, чем попытка переворота [Blomberg,

Hess, Weerapana, 2004]. Терроризму в демократических режимах будут способствовать: правила демократической игры (свобода прессы обеспечит широкое освещение терактов, признание гражданских свобод облегчит мобилизацию террористической группы), особенности институционального дизайна (мажоритарная электоральная система, не обеспечивающая представительство меньшинства, взаимоблокирование исполнительной и законодательной ветвей власти) и наличие большого числа вето игроков [Ghatak, Gold, Prins, 2017].

По мнению Л. Вайнберга, террористическое насилие также может быть связано с демократическим транзитом, когда определенные группы могут не признать переход к новому порядку, идентифицируя себя с порядком прежним. Террористические действия в этом случае станут символизировать отказ от признания изменений и станут сигналом серьезности намерений [Weinberg, 2006, p. 46]. В работе А. Абадье наглядно продемонстрировано увеличение терроризма в странах на этапе транзита от авторитаризма к демократии [Abadie, 2004].

Консолидированные демократические режимы чаще становятся объектом террористических действий, а в недемократических режимах чаще появляются субъекты терроризма. На основе исследования террористических действий в 16 странах Л. и Дж. Гамильтоны пришли к выводу, что в более открытых, богатых и образованных обществах сложнее эффективно бороться с терроризмом, чем в обществах автократических, репрессивных, бедных и необразованных [Hamilton, Hamilton, 1983].

Некоторые авторы исследуют предпосылки определенных типов терроризма и показывают, что появление революционного терроризма имеет видимую связь с авторитарным прошлым; этот тип терроризма практически не имеет шансов в консолидированных демократиях [Sánchez-Cuenca, 2006, p. 80].

Демократические институты и процедуры способствуют мирному разрешению конфликта и преодолению групповых лишней, но исследования демонстрируют отсутствие линейной связи между демократией и терроризмом. Как отмечает Дж. Уиндзор, в репрессивных режимах может не быть террористических движений, в то время как в зрелых демократиях появляются исламские экстремистские группировки [Windsor, 2003, p. 44].

Дж. Пьяцца приходит к выводу, что более разнородные по составу населения общества с многопартийными системами чаще испытывают террористическое воздействие, чем гомогенные страны с небольшим числом партий или без партий [Piazza, 2006, p. 171]. Однако в исследовании А. Крюгера и Д. Лэйтина этнолингвистическая и религиозная фракционализация и уровень политической стабильности не связаны с появлением терроризма [Krueger, Laitin, 2007].

Наибольший риск с точки зрения террористической опасности представляют консолидированные и новые демократии, гибридные режимы и режимы на этапе транзита. Консолидированные демократии институционально не способствуют терроризму, если институциональный дизайн соответствует демографическому составу населения, но могут стать объектом антидемократического и антизападного терроризма.

* * *

В настоящий момент в академических кругах сложился консенсус относительно минималистского определения терроризма как стратегии протеста с использованием насилия или угрозы насилия против гражданских лиц. Однако согласие относительно причин и условий возникновения терроризма не достигнуто. Структуралисты работают над обнаружением причинно-следственных связей между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском терроризма и приходят либо к противоречивым и незначимым результатам, либо констатируют лишь наличие психологических мотивов. Как представляется, отчасти такая ситуация является следствием агрегирования всех типов терроризма в одну категорию без учета различий в политических целях, определяющих тип, объект и риторику террористических группировок.

Политический терроризм часто является продолжением определенной модели протеста (гражданской войны, этнического конфликта, народного восстания и пр.), поэтому условия возникновения терроризма будут варьироваться в зависимости от модели протеста. Подход на основе рационального выбора хотя и может моделировать поведение террористов и их сторонников, не может объяснить иррациональные формы их поведения.

Мы видим, что в течение «золотого века» террологии исследователи собрали большой объем данных по случаям терроризма. Теперь, очевидно, должен наступить этап их обработки, анализа и систематизации. Многие авторы пришли к пониманию необходимости дезагрегирования собранных данных по типу терроризма, по типу субъектов и объектов, по стратегиям. При таком подходе для каждого типа терроризма можно выявить основные причины и стимулирующие факторы, рациональные и иррациональные мотивы, сравнить структурный и институциональный контексты, а также стратегию и тактику действий террористов. Представляется целесообразным проводить анализ этнического терроризма в контексте этнических конфликтов и этнических войн, религиозного терроризма – в логике культурной конфронтации, «столкновения цивилизаций», а государственного – в рамках исследований политических режимов. Корректировка подхода позволит повысить и практическую эффективность исследований терроризма, выработать эффективные контртеррористические меры для его конкретных типов.

Список литературы

- Авдеев Ю.И. Типология терроризма // Современный терроризм: Состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 54–71.
- Грачев С.И., Гасымов О.А., Стесиков И.А. Особенности современного терроризма и проблемные аспекты в системе антитерроризма // Власть. – М., 2012. – № 7. – С. 94–96.
- Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. – М.: РАН. ИНИОН, 2003. – № 2. – С. 87–117.
- Харитонова О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 1. – С. 30–59.
- Хохлов И.И. Идеологическое обоснование терроризма как инструмента // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2017. – Т. 61, № 1. – С. 47–52.
- Abadie A. Poverty, political freedom, and the roots of terrorism. – Cambridge, MA, 2004. – (Working Paper; N 10859). – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w10859> (Дата посещения: 1.07.2018.)
- Başeren S.H. Terrorism with its differentiating aspects // Defence against terrorism: review. – Ankara, 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 1–11.
- Bjørge T. Introduction // Root causes of terrorism / Ed. by T. Bjørge. – L.: Routledge, 2005. – P. 1–15.

- Blomberg S.B., Hess G.D., Weerapana A.* An economic model of terrorism // Conflict management and peace science. – L.; Thousand Oaks, 2004. – Vol. 21. – P. 17–28.
- Byman D.* The logic of ethnic terrorism // Studies in conflict & terrorism. – N.Y., 1998. – Vol. 21, N 2. – P. 149–169.
- Choi S.-W., Piazza J.A.* Ethnic groups, political exclusion and domestic terrorism // Defence and peace economics. – N.Y., 2016. – Vol. 27, N 1. – P. 37–63.
- Crenshaw M.* The causes of terrorism // Comparative politics. – N.Y., 1981. – Vol. 13, N 4. – P. 379–399.
- Ghatak S., Gold A., Prins B.S.* Domestic terrorism in democratic states: Understanding and addressing minority grievances // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 2017. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/0022002717734285> (Дата посещения: 12.06.2018.)
- Global terrorism database codebook. – 2017. – June. – Mode of access: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Codebook.pdf> (Дата посещения: 01.07.2018.)
- Goodwin J.* A Theory of categorical terrorism // Social Forces. – Oxford, 2006. – Vol. 84, N 4. – P. 2028–2046.
- GTD codebook: Inclusion criteria and variables. – 2018. – July. – Mode of access: https://1pdf.net/gtd-codebook-national-consortium-for-the-study-of-terrorism_59c343f7f6065d432b267072 (Дата посещения: 20.09.2018.)
- Gupta D.K.* Exploring roots of terrorism // Root causes of terrorism: Myths, reality and ways forward / Ed. by T. Bjørge. – L.: Routledge, 2005. – P. 16–32.
- Gurr T.* Economic factors // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 85–101.
- Gurr T.* Political rebellion. Causes, outcomes and alternatives. – L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 291 p.
- Hamilton L.C., Hamilton J.D.* Dynamics of terrorism // International studies quarterly. – Oxford, 1983. – Vol. 27, N 1. – P. 39–54.
- Honig O., Yahel I.* A fifth wave of terrorism? The emergence of terrorist semi-states // Terrorism and political violence. – N.Y., 2017. – DOI: 10.1080/09546553.2017.1330201
- Juergensmeyer M.* Religion as a cause of terrorism // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 133–144.
- Juergensmeyer M.* Terror in the mind of God. The global rise of religious violence. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 2001. – 320 p.
- Kalyvas S.* The paradox of terrorism in civil war // The journal of ethics. – Springer, 2004. – Vol. 8, N 1. – P. 97–138.
- Krueger A.B., Laiitin D.D.* Kto kogo?: A cross-country study of the origins and targets of terrorism. – 2007. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/5190/95d72f1656ea72ed3fe8f1f72eee4d102358.pdf> (Дата посещения: 1.07.2018.)
- Krueger A.B., Malekčová J.* Education, poverty and terrorism: Is there a causal connection? // Journal of economic perspectives. – Pittsburgh, PA, 2003. – Vol. 17, N 4. – P. 119–144.
- McAllister B., Schmid A.P.* Theories of terrorism // Terrorism studies freebook. – N.Y.; L.: Routledge, 2015. – P. 28–156. – Mode of access: https://s3-us-west-2.amazonaws.com/tandfbis/rt-files/docs/FreeBooks+Opened+Up/Jan+18/Terrorism_Studies_FreeBook_Final_New.pdf (Дата посещения: 1.07.2018.)

- Mozaffari M.* The new era of terrorism: Approaches and typologies // Cooperation and conflict. – L.; Thousand Oaks, 1988. – Vol. 23. – P. 79–196.
- Noricks D.* The root causes of terrorism // Social science for counterterrorism putting the pieces together / P.K. Davis, K. Cragin (eds.). – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – P. 11–70.
- Piazza J.A.* Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism // Journal of peace research. – L.; Thousand Oaks, 2011. – Vol. 48, N 3. – P. 339–353.
- Piazza J.A.* Rooted in poverty?: Terrorism, Poor economic development, and social cleavages // Terrorism and political violence. – N.Y., 2006. – Vol. 18. – P. 159–177.
- Post J.M.* Terrorist psycho-logic: Terrorist behavior as a product of psychological forces // Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, states of mind / Ed. by W. Reich. – Washington, D.C.: Woodrow Wilson center, 1990. – P. 25–40.
- Post J.M.* When hatred is bred in the bone: Psycho-cultural foundations of contemporary terrorism // Political psychology. – Columbus, NC: ISPP, 2005. – Vol. 26, N 4. – P. 615–636.
- Rapoport D.C.* The four waves of modern terrorism // Attacking terrorism: Elements of a grand strategy / Ed. by A.K. Cronin, J.M. Ludes. – Washington, D.C.: Georgetown univ. press, 2004. – P. 46–73.
- Richards A.* Conceptualizing terrorism // Studies in conflict and terrorism. – N.Y., 2014. – Vol. 37, N 3. – P. 213–236.
- Roeder P.G.* Clash of civilizations and escalation of domestic ethno-political conflicts // Comparative political studies. – L.; Thousand Oaks, 2003. – Vol. 36, N 5. – P. 509–540.
- Sánchez-Cuenca I.* The causes of revolutionary terrorism // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 71–82.
- Schmid A.P.* Comments on Marc Sageman's polemic «The stagnation in terrorism research» // Terrorism and political violence. – L.; N.Y., 2014. – Vol. 26. – P. 587–595.
- Schmid A.P.* Frameworks for conceptualizing terrorism // Terrorism and political violence. – N.Y., 2004. – Vol. 16, N 2. – P. 197–221.
- Shughart W.F.* An analytical history of terrorism, 1945–2000 // Public choice. – N.Y., 2006. – Vol. 128. – P. 7–39.
- Silke A., Schmidt-Petersen J.* The Golden Age? What the 100 most cited articles in terrorism studies tell us // Terrorism and political violence. – L.; N.Y., 2017. – Vol. 29, N 4. – P. 692–712.
- Terrorism and low intensity conflict in South Asia region / Ed. by O. Mishra, S. Ghosh. – New Delhi: Manak publications, 2003. – 568 p.
- Tilly Ch.* Terror, terrorism, terrorists // Sociological theory. – L.; Thousand Oaks, 2004. – Vol. 22, N 1. – P. 5–13.
- Weinberg L.* Democracy and terrorism // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 45–56.
- Windsor J.* Promoting democratization can combat terrorism // Washington quarterly. – N.Y., 2003. – Vol. 26, N 3. – P. 43–58.

И.И. ХОХЛОВ*

**СОЦИЕТАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ТЕРРОРИЗМА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ ПАТТЕРНОВ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Аннотация. Автор исходит из понимания феномена терроризма как явления системного характера, в основе которого лежит комплекс взаимообусловленных и дополняющих друг друга переменных. Одной из них является сочетание исторического и культурного фонов общества, или системы с факторами среды (социальной, экономической и политической): определенное сочетание этих факторов, свойственных периоду модернизации второй половины XX и начала XXI в., приводит к формированию значительного числа десоциализированных индивидуумов, испытывающих острую релятивную депривацию и выражающих ее через крайние формы девиантного поведения.

На широком фактическом материале 1960–2010-х годов автор демонстрирует, каким образом модернизация и сопровождающее ее разрушение экономических, политических и социальных институтов, свойственных традиционным обществам, способствуют распространению террористических идей и формированию паттернов террористического поведения.

Ключевые слова: терроризм; социетальная теория; структурный функционализм; модернизация традиционных обществ.

***Хохлов Игорь Игоревич**, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова (Москва, Россия), e-mail: igor.igorevich.khokhlov@gmail.com

Khokhlov Igor, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (Moscow, Russia), e-mail: igor.igorevich.khokhlov@gmail.com

© Хохлов И.И., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

Для цитирования: Хохлов И.И. Социетальная теория терроризма: Социально-экономические и психологические предпосылки формирования паттернов террористического поведения // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 34–53. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

I.I. Khokhlov

The societal theory of terrorism: How socioeconomic and psychological factors form patterns of terrorist behaviour

Abstract. The author understands the terrorism as a complex phenomenon, based on interconnected factors, which can be understood at different levels of analysis.

In the article the societal level of analysis is used to explain terrorism through the historical development and cultural background of the society which is viewed as a large and complex system, including its political, social and economic environments as well as its historic development as it undergoes the modernization process.

The author tries to identify casual relationship between features of a distinct society and the occurrence of terrorism in that society.

Keywords: terrorism; societal theory; structural functionalism; modernization of traditional societies.

For citation: Khokhlov I.I. The societal theory of terrorism: How socioeconomic and psychological factors form patterns of terrorist behavior // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 34–53. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

Социетальный подход к анализу истоков террористической деятельности предполагает изучение исторического и культурного фона общества, а также его современных социальных, экономических и политических характеристик и факторов среды. Исследователи пытаются установить, возможно ли определить системную взаимосвязь между определенными характеристиками общества и возникновением терроризма.

В рамках данной статьи автор рассматривает терроризм как социально-политический феномен современного общества на всех его уровнях: глобальном, институциональном и индивидуальном. Анализ низшего уровня с позиции политической теории акцентирует важность понимания мотивации и психики отдельных террористов. Хотя многие использующие насилие радикальные группировки обладают эффективно действующим пропагандистским аппаратом, однако именно предрасположенность индивидуума к воздействию на сознательное, сверхсознательное и подсознатель-

ное оказывается решающим фактором вовлечения в террористическую деятельность.

В научном сообществе есть сложившееся представление об относительной роли разных уровней в формировании паттернов террористического поведения, главными из которых являются:

– социальная среда, включающая экономические условия, отношения в общинах мигрантов, столкновение традиционных ценностей с ценностями западного мира, проникающими через СМИ, и т.д. [Li, Schaub, 2004, p. 230–258; Lai, 2006];

– психические процессы формирования склонности к девиантному поведению, в том числе связанному с насилием в организованной группе [Lai, 2004].

Вместе с тем интеграция этих двух уровней анализа (индивидуального и социального) традиционно представляет большие сложности в исследованиях терроризма. Сложившаяся практика предполагает, что влияние психологических факторов принимается по умолчанию, без дальнейшего учета степени их влияния.

Авторы часто различают триггеры¹ (или непосредственные мотивы) и предпосылки терроризма [см.: Eckstein, 1972]. Одним из примеров триггера является убийство немецкой полицией 26-летнего студента-активиста Бенно Онезорга 2 июня 1967 г. во время демонстрации – именно этот эпизод побудил группу левых радикальных студентов взять оружие и сформировать «Фракцию Красной армии» (RAF). Сообщается, что Гудрун Энслин, впоследствии ставшая соучредителем RAF и одним из его ключевых лидеров, заявила на студенческой встрече вскоре после смертельных столкновений следующее: «Это фашистское государство намерено убить всех нас. Мы должны организовать сопротивление. Насилие – единственный способ ответить на насилие. Это поколение освенцимов, и с ними нет споров!»

Еще одним примером действия триггера можно назвать восстание студентов 17 ноября 1973 г. в Афинах, которое было жестоко подавлено греческой военной хунтой. Это привело к образо-

¹Триггеры – это конкретные события или явления, которые непосредственно предшествуют вступлению в террористическую организацию или совершению теракта, в то время как предпосылками являются обстоятельства, которые в долгосрочной перспективе заложили основу для терроризма [Eckstein, 1972].

ванию «Революционной организации 17 ноября», одной из самых активных террористических организаций Европы в 1980-х годах.

Вместе с тем было бы опрометчивым считать триггеры первопричинами террористической деятельности или рассматривать их в контексте выработки рекомендаций для работы с молодежью с целью профилактики радикального девиантного поведения.

Предпосылками создания террористических организаций, прежде всего, являются такие факторы:

- глобальные процессы, сделавшие современные общества более уязвимыми в силу их открытости в отношении террористического насилия, доступности физических возможностей организации террористических ячеек;

- долгосрочные мотивационные факторы, такие, как недовольство правящей элитой, наличие жалоб среди подгруппы, дискриминация и отсутствие возможностей для участия в полноценной политической жизни.

Модернизация, девиантное поведение, насилие

К исследованиям взаимосвязи модернизации и политического насилия ученые часто обращались во второй половине XX в. Автор сразу хочет оговориться, что не рассматривает процессы модернизации и глобализации как тождественные и, в частности, не разделяет мнения Энтони Гидденса и Бьёрна Утвика, фактически утверждающих тождественность данных понятий в рамках западноцентричной парадигмы.

Так, к примеру, Э. Гидденс определяет модернизацию как «формы общественной жизни и организации (таковой жизни. – *Прим. авт.*), которые сформировались в Европе с XVII в. и по настоящий момент и которые постепенно стали доминирующими в мире в смысле своего влияния» [Giddens, 1990, р. 1]. В своей работе по исламизму Б. Утвик предлагает исходить из двух различных пониманий последствий технологических и экономических изменений, происходивших в некоторых регионах Европы с XVI в. и на Ближнем Востоке с XIX в., поскольку эти изменения способствовали формированию различных обществ. В первых рыночные отношения определяют процессы не только производства и обмена, но и социальные приоритеты. Во-вторых, на Ближнем Востоке,

они лишь сопутствуют «общественно-политическим изменениям: на социальном уровне это распад крепко спаянных традиционных сообществ, основанных на семейных и патрон-клиентских отношениях в пределах городского квартала, деревни или родственного объединения; на политическом уровне – растущая мобилизация населения, быстрый рост и централизация государственного аппарата» [Utvik, 2003, p. 44]. Теории модернизации в большей или меньшей степени восходят к трудам социолога Эмиля Дюркгейма и его классической теории перехода от органической солидарности к современному механистическому обществу [см.: Deutsch, 1953; Gellner, 1994, p. 55–63; Huntington, 1968; Horowitz, 1985].

В понимании Дюркгейма общество представляет собой надындивидуальное бытие, закономерности существования которого не зависят от действий отдельных индивидов. Однако, объединяясь в сообщества, люди сразу начинают подчиняться нормам и правилам, которые он называл «коллективным сознанием». Каждая социальная единица должна выполнять определенную ей функцию, которая необходима для существования общества как единого целого.

Основной классический аргумент в этой традиции состоит в том, что функционирование составных частей социального целого может быть нарушено, в частности, в ходе модернизации, и тогда эти части превращаются в плохо функционирующую форму социальной организации.

Модернизация и ее влияние на изменение таких форм привлекали внимание Э. Дюркгейма, в особенности в части изучения видов поведения, отклоняющихся от общепринятых правил и норм. Термин «аномия», введенный исследователем в научный оборот, используется для объяснения причин девиантного поведения, дефектов социальных норм и позволяет подробно классифицировать типы такого поведения. По мнению автора, модернизация может ослаблять легитимность государства и провоцировать политическое насилие. Учение об обществе Э. Дюркгейма легло в основу теории структурно-функционального анализа, что дало ему право считаться классиком в области социологии.

Позже возникшая на основе учения бихевиоризма Э. Дюркгейма школа зависимости связала бедность и отсталость в «третьем мире» с глобальными экономическими эксплуататорскими структурами, чья деятельность привела к распространению хищнических режимов и гражданских войн. Критики глобализации выдвигали

нули аналогичные аргументы в отношении причинно-следственной цепочки от экономической глобализации до недостаточного развития, нищеты и насильственных конфликтов. Далее я буду называть этот подход *научным структурализмом*¹.

Альтернативная теория, которую принято называть *либеральной*, в меньшей степени ориентирована на переходные проблемы модернизации и в большей на ее потенциально положительные конечные эффекты. Согласно либеральной парадигме, модернизация, основанная на свободной торговле и открытой экономике, будет способствовать высокому уровню экономического развития, что само по себе снижает потенциал для насильственных конфликтов.

Процветающая, развитая экономика также заложит основу для демократического правления, что, опять же, наряду с высоким уровнем экономического развития, окажет стабилизирующее воздействие на внутренние дела и в конечном итоге будет способствовать социальному миру.

Другими словами, мнение либеральной школы заключается в том, что модернизация ведет к процветанию, что, в свою очередь, снижает шансы на насильственные конфликты либо напрямую, либо посредством политических реформ и демократизации. Изначально либеральная теория была всего лишь парадигмой, объяснявшей частные случаи и отдельные механизмы в межгосударственных отношениях, однако под влиянием Эрика Вида и других видных исследователей она также показала свою действенность для понимания внутривнутриполитических процессов [Weede, 1995, p. 519–537; Gissinger, Gleditsch, 1999, p. 274–300].

Следует отметить, что в литературе о причинах терроризма больше поддерживается структурный подход, нежели либеральная школа. Автор связывает это с тем, что авторитетные исследователи в рамках либеральной теории не уделяют достаточного внимания несистемным выражениям протеста, в том числе насильственным, и, в основном, оперируют понятиями в рамках сложившихся внутривнутриполитических систем.

¹ Интересную научную дискуссию на эту тему см.: [Hegre, Gissinger, Gleditsch, 2003, p. 252–271].

Быстрый экономический рост и терроризм

Опираясь на постулаты структурно-функциональной школы, можно отследить причины политического насилия и терроризма как произрастающие из процесса экономической модернизации. В логике предлагаемой ею модели индустриализация и экономическая модернизация влияют на общество таким образом, что значительное количество его членов оказываются исключенными из процессов экономического обмена, не имеют возможности полноценного включения в социальную ткань общества с тем статусом, которого, по их мнению, они достойны. Как полагают структуралисты, не сумевший социализироваться индивидuum бежит от разочаровавших его последствий модернизации, отказывается подчиняться существующим социальным нормам и структурам. Его поведение более не сдерживается социальными связями, нормами морали и какими-либо формами организации общественной жизни, что приводит к желанию выразить свое разочарование через террористическую деятельность. Такая линия рассуждений свойственна не только сторонникам структурно-функциональной школы, но и последователям классических психосоциологических теорий разочарования и относительной депривации.

Взаимосвязь между быстрой модернизацией и насилием смоделирована в классическом исследовании Сэмюэля Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах». Так, он пишет: «Мало того, что социальная и экономическая модернизация рождает политическую нестабильность, уровень нестабильности зависит от темпов модернизации». В истории Запада есть огромное количество свидетельств в пользу этого наблюдения. «Быстрый приток большого числа людей во вновь развивающиеся городские районы, – отмечает Корнхаузер, – стимулирует массовые движения». Опыт европейских (особенно Скандинавских) стран показывает, что там, где «индустриализация проходила быстро, порождая резкие разрывы между доиндустриальной и индустриальной стадиями, возникавшее рабочее движение носило более экстремистский характер» [Kornhauser, 1959, p. 143–144; Lipset, 1960, p. 68]. Сходным образом корреляция комбинированного индекса скорости изменений, рассчитанного по шести из восьми индикаторов модернизации (начальное и среднее образование; потребляемое число калорий; стоимость жизни; охват ра-

диосвязью; детская смертность; урбанизация; грамотность; национальный доход) для 67 стран в период 1935–1962 гг., с политической нестабильностью в этих странах в период с 1955 по 1961 г. составила 0,647. Чем выше темпы изменений в направлении современности, тем выше уровень политической нестабильности, в статике или динамике. Возникающий обобщенный образ нестабильной страны таков. Это – страна, «открытая влиянию современного мира; социально оторванная от традиционного уклада; испытывающая давление в направлении изменений, экономических, социальных и политических; соблазняемая новыми, “лучшими” способами производства товаров и услуг; фрустрированная процессом модернизации вообще и неспособностью правительства удовлетворить растущие ожидания в особенности» [Хантингтон, 2004, с. 63].

Как считает С. Хантингтон, усиление стремления к социально-экономическим изменениям и развитию напрямую связано с растущей политической нестабильностью и насилием, которые и характеризуют Азию, Африку и Латинскую Америку в годы после Второй мировой войны. Таким образом, прослеживается причинно-следственная связь между появлением и масштабами гражданского насилия и темпами экономического роста. В странах с самыми высокими темпами экономического роста нестабильность и политическое насилие принимали самые жестокие формы.

Свое понимание взаимосвязи модернизации и коллективного насилия предлагает Чарльз Тилли в классическом исследовании «От мобилизации к революции» [Tilly, 1978]. Он объясняет, что голодные бунты и другое коллективное насилие в ранней европейской истории были защитной реакцией на индустриализацию и вызванные ею быстрые социальные изменения.

Исследование Ч. Тилли интересно тем, что построено на большом объеме фактического материала в широком контексте разнообразных форм протеста: от условно легитимного протеста до экстремального, выражающегося в революции и терроризме. Ученый выделяет четыре основных компонента коллективной деятельности, нацеленной на свержение существующего общественного строя.

1. Организация группы или нескольких групп участников. Террористическая группа может быть сформирована различными

способами, начиная от спонтанного формирования толпы и заканчивая строго дисциплинированными революционными группами.

2. Мобилизация – процесс, посредством которого приобретаются эффективные ресурсы, делающие коллективные действия возможными. К таким ресурсам относятся: материальная база (деньги, логистическая помощь, вооружения и иные технические средства), политическая поддержка и рекрутинг.

3. Общие интересы лиц, привлекаемых к совместной деятельности, возможность разрешения этими лицами своих проблем (в том числе психологических). В основе мобилизации на коллективные действия всегда лежат какие-то общие цели: именно поэтому эффективные террористические группы всегда построены вокруг общей идеологии, а группы разной направленности редко сотрудничают друг с другом.

4. Возможность. Определенные события внутри- или внешнеполитического свойства открывают «окно возможностей» для реализации революционных целей: ошибки властей во внутренней политике, насильственная экономическая модернизация, внешнеполитические и военные неудачи – все это создает питательную почву для превращения малочисленных и слабых ячеек в мощные террористические организации.

По мнению Ч. Тилли, общественные движения возникают как следствие мобилизации ресурсов группы в тех случаях, когда группа не имеет институционализированных средств защиты своих интересов в рамках существующей политической системы, когда потребности данной группы игнорируются властью или общностью.

В какой степени эти теории эффективны для объяснения терроризма? Автору неизвестны научные работы, в которых явным образом изучается влияние быстрой модернизации на международный терроризм, что открывает большое поле деятельности для новых поколений исследователей.

Как представляется, следует разделять терроризм, имеющий социально-экономическую мотивацию, и этнически и религиозно мотивированный терроризм. Быстрая экономическая модернизация, измеряемая ростом реального ВВП, оказывает сильное и значительное влияние на уровень социально и экономически мотивированного терроризма, когда часть общества не успевает вскочить в «вагон модернизации». Частным проявлением такого терроризма

следует признать теракты последнего времени, осуществленные вторым поколением мигрантов из стран «третьего мира», которые не смогли интегрироваться в западноевропейское общество. По мнению автора статьи, многие случаи проявления так называемого «исламского терроризма» на самом деле имеют социальную и экономическую мотивацию и хорошо объяснимы с точки зрения парадигм релятивной депривации.

Вместе с тем автору не удалось найти взаимосвязи между идеологически и религиозно мотивированным терроризмом с модернизацией и экономическим неравенством.

Природные ресурсы как фактор внутриполитического конфликта

Процессы модернизации сильно отличаются от страны к стране, но тем не менее некоторые траектории экономического развития имеют большую склонность к усилению конфликта, чем другие.

Так, американский исследователь политического конфликта в развивающихся странах Гюнтер Бэчлер указывает, что экспорт природных ресурсов, особенно углеводородного сырья, металлов и других минеральных ресурсов, замедляет полноценное экономическое развитие страны, укрепляет авторитарный режим и препятствует созданию демократического порядка, а также увеличивает вероятность гражданской войны [Baechler, 1998].

Это, в первую очередь, касается слаборазвитых стран, где политические институты слабы, коррупция широко распространена, а элитные группы борются за доступ к единственной высоко rentабельной отрасли экономики. Такие режимы нестабильны по своей сути, хотя и выглядят устойчиво до тех пор, пока одна группа удерживает власть. Изучая такие режимы в ретроспективе, можно сказать, что *это было навсегда, пока не закончилось*.

Суть внутреннего конфликта состоит в том, что, пытаясь удержаться у власти, режим подавляет политические и экономические свободы и делает невозможным разностороннее развитие экономики. Возникающий перекоп приводит к тому, что доступ к единственному доходному ресурсу – добыче и экспорту полезных ископаемых – определяется политической властью. У групп, ли-

шенного доступа к политическому ресурсу, не остается иного выбора, кроме свержения существующей власти или подрыва всей системы политических институтов.

Ранее в научной литературе высказывалась точка зрения, что основным фактором, создающим конфликт, является дефицит ресурсов, однако теперь все чаще признается, что обилие некоторых природных ресурсов более опасно, чем дефицит.

Приток нефтяных долларов, доходов от добычи драгоценных камней или от вырубки тропических лесов с редкой древесиной создают дисфункциональную экономику («голландская болезнь») и способствуют формированию клептократических режимов, которые выкачивают из страны сырьевые ресурсы, не используя их для развития собственной экономики, и размещают полученную валютную выручку в развитых странах. Такие режимы связаны с более высокой вероятностью насильственного конфликта [Luciani, 1994; Looney, 2003].

Разные природные ресурсы оказывают различное воздействие на формирование внутривнутриполитического конфликта. Нефтяные и минеральные ресурсы, по-видимому, повышают вероятность гражданской войны, особенно сепаратистских конфликтов [Ross, 2004, p. 337–356].

Экспорт товаров, более удобных для контрабанды в силу более высокой удельной стоимости, таких, как драгоценные камни и наркотики, в менее развитых странах не обязательно вызывает гражданские войны, так как для получения доходов от этих ресурсов нет необходимости контролировать политическую власть и иметь доступ к легальному экспорту. Однако конфликты, в ходе которых конфликтующие стороны получают финансирование от контрабанды драгоценных камней, металлов и наркотиков, как правило, более затянуты, поскольку такие доходы легко могут быть использованы повстанческими армиями. Наглядным примером таких конфликтов являются Центральная Африка и Латинская Америка, где небольшие по численности, но хорошо вооруженные и профессионально подготовленные группы контролируют районы компактной добычи природных ресурсов или выращивания коки. Такие товары также играют определенную роль в финансировании международного терроризма. Так, незаконная торговля алмазами и героином использовалась для финансирования ряда террористиче-

ских организаций, включая «Аль-Каиду» и «Талибан» [For a few dollars more... 2003].

«Ресурсное проклятие» не ограничивается Ближним Востоком, где во всех богатых нефтью странах установились авторитарные или полуавторитарные режимы и где многие из этих стран испытывают периодические волны гражданского насилия и терроризма [Lia, 2006]. Богатая нефтью Нигерия давно входит в число ведущих стран с точки зрения воздействия терроризма, связанного с нефтью [Lia, Kjøk, 2004]. Нигерия также страдает от большинства недугов, связанных с модернизацией стран Юга.

Крошечная провинция Огонилэнд в Нигерии, местонахождение шести нефтяных месторождений, представляет собой, возможно, один из самых явных примеров: последние полвека нефтедобычи были названы американским антропологом Майклом Ваттсом «историей террора и слез», «экологической катастрофой, социальной депривацией, политической маргинализацией и проявлением корпоративного капитализма, где бесчисленные иностранные транснациональные корпорации получают иммунитет от органов государственной власти» [Watts, 2001, p. 196].

Нефтяное богатство также стало фактором недавнего всплеска исламистского терроризма. Хотя «кража» нефтегазовых ресурсов Ближнего Востока западными ТНК и является любимой темой ряда террористических организаций на протяжении многих лет, «Аль-Каида» специально сосредоточилась на этом вопросе в своей идеологической литературе и, кроме того, выделила значительные ресурсы для разрушения поставок ближневосточной нефти из Ирака и Саудовской Аравии в Европу, Японию и США. В исследовании типичных схем террористических нападений на цели, связанные с нефтью, политолог Эшид Кьюк указывает, что почти 2% террористических актов, осуществленных транснациональными террористическими группами с 1968 г. и зафиксированные в базе данных ITERATE¹, были нацелены на объекты инфраструктуры нефтяной промышленности [Lia, Kjøk, 2004].

¹ITERATE (The International Terrorism: Attributes of Terrorist Events) – международный научный проект по сбору данных о транснациональных террористических группах, их составе и деятельности; в рамках проекта все виды террористической активности систематизированы по нескольким десяткам параметров.

Основными мотивирующими факторами выступали оппозиция режиму, иностранным компаниям, использующим природные ресурсы, и «ресурсное вымогательство» (когда террористические группы получают систематические платежи от нефтяных компаний в обмен на сохранность своих объектов, в первую очередь трубопроводов, охранять которые из-за их протяженности сложнее всего).

От племенных обществ до смешанных рыночно-клиентских экономик

Видный исследователь политического конфликта в странах «третьего мира» Мишель Муссо выдвигает интересную и хорошо обоснованную теорию объяснения причин насилия модернизационного характера [Mousseau, 2002–2003, p. 5–29]. Он связывает социальное одобрение терроризма со сложным переходным процессом от племенных обществ к обществам с современными рыночными демократиями.

Авторитарные государства в развивающемся мире (М. Муссо называет их «клиентелистскими») сегодня все чаще сталкиваются с давлением, принуждающим их принять ценности либеральных демократических стран, что порождает «смешанную рыночную экономику развивающегося мира», вызывая интенсивное антирыночное возмущение, направленное прежде всего на воплощение рыночной цивилизации: на Соединенные Штаты [Ibid., p. 6].

Клиентелистские экономики характеризуются коллективизмом, интенсивными внутригрупповыми связями и недостатком эмпатии к внешним группам, в то время как рыночная экономика, благодаря своей широко распространенной практике предпринимательства и обмена на основе договорных отношений и фиксированных законов, поощряет ценности индивидуализма, универсализма, терпимости и уважения к равным правам. Переход от первого к последнему часто влечет за собой гражданское насилие и нестабильность; по мере разрушения патрон-клиентских отношений роль покровительства в политической элите снижается, а рента перераспределяется в пользу новых элит, извлекающих доход из экономической эффективности, а не из злоупотребления политической властью.

Другие авторы указывают, что клиентелистские политико-экономические системы, в которых распространена коррупция, не обязательно способствуют конфликту, если они стабильны и предсказуемы. Так, известный исследователь политического конфликта Филипп Ле Биллон отмечает, что насильственные конфликты могут быть вызваны изменениями в структуре коррупции, а не существованием самой коррупции [Le Billon, 2003, p. 413–426]. Внезапные изменения в таких системах приводят к нарушению традиционного распределения ренты и генерируют мотивацию для восстания против системы.

Теория М. Муссо может объяснить то широкое одобрение и даже прямую поддержку, которую теракты, организованные «Аль-Каидой» в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., получили далеко за пределами радикальных джихадистских движений.

Экономическое неравенство и терроризм

Неравенство в доходах является еще одним фактором, связанным с модернизацией, который, как принято считать, способствует политическому насилию как в развитых, так и в менее развитых странах. Еще в 1835 г. Алексис де Токвиль утверждал, что «почти все революции, которые изменили аспект наций, совершались во имя консолидации или разрушения социального неравенства» [Токвиль, 2001, с. 302]. Он выделил два способа, посредством которых неравенство может влиять на революцию: оно может усиливать неравенство или уничтожать его. Теоретический аргумент коренится в теории относительной депривации и связанных с ней гипотезах.

Что касается насилия неполитического характера, то экономическое неравенство является основным объяснением. Основываясь на Глобальном докладе о преступности и правосудии, обобщившем исследования и данные, собранные Центром ООН по предотвращению международной преступности, Майра Бувиник и Эндрю Моррисон выяснили, что «социальное и экономическое напряжение, вызываемое безработицей, неравенством и неудовлетворенностью доходами, представляет собой основной фактор в объяснении “контактных преступлений” (таких, как разбой, угро-

зы, сексуальное насилие, харассмент) среди стран мира» [Buvinić, Morrison, 2000, p. 65].

Межстрановые исследования насильственных преступлений обнаружили существенную корреляцию между преступностью и социально-экономическим неравенством [Fajnzylber, Lederman, Loayza, 2002, p. 1–40]. Однако в отношении политического насилия картина менее понятна: в ходе ряда исследований было выявлено, что существует положительная корреляция между неравенством и вооруженными конфликтами, т.е. можно наблюдать устойчивую тенденцию к тому, что страны с высоким уровнем внутреннего неравенства более подвержены внутренним вооруженным конфликтам [Bornschier, Chase-Dunn, 1985; Muller, Seligson, 1987, p. 425–451; Boswell, Dixon, 1990, p. 540–559].

В ходе других исследований такой корреляции выявлено не было. В целом в этой области существует разнообразный и неоднозначный диапазон выводов, и представлено намного больше доказательств взаимосвязи между средним доходом на душу населения в разных странах и гражданским конфликтом, чем между неравенством доходов внутри страны и гражданским конфликтом.

Существуют также свидетельства того, что многие страны терпят растущее неравенство, не встречаясь с сильным конфликтом до тех пор, пока в стране наблюдается экономический рост. Однако в условиях замедления экономического роста, стагнации, вызванной изменением мировой экономической конъюнктуры или режимом санкций, уровень внутреннего конфликта в обществе возрастает, подрывая устойчивость режима [Hegre, Gissinger, Gleditsch, 2003].

Кажется очевидным, что значительное социально-экономическое неравенство в большей степени порождает конфликт, если перспективы экономического роста отрицательные и если они подкрепляются другими жалобами более политического характера, такими, как этническая дискриминация.

Недавние исследования подчеркивают центральную роль «постоянных горизонтальных неравенств» в объяснении насильственных конфликтов. Горизонтальное неравенство относится к неравенству между культурно определенными группами в таких категориях, как доход, занятость, а также доступ к политическому участию и тому подобное [Stewart, 2000]. И наоборот, страны, где культурные и классовые различия выражены меньше и где отсут-

ствуется сильная имущественная дифференциация по культурным и классовым признакам, гораздо менее подвержены насильственному конфликту [Lacina, 2004, p. 197–198].

Изучая восстание маоистов в Непале, Мансуб Марсхед и Скотт Гейтс обнаружили, что «горизонтальное или межгрупповое неравенство имеет большое значение» в объяснении конфликта [Murshed, Gates, 2005]. При этом в конфликт оказалось вовлеченным не только население наиболее экономически обездоленных регионов – характер повстанческого движения также отражал этнические и кастовые характеристики непальского общества.

По-видимому, взаимосвязь терроризма с типом политического режима сильнее, чем с вертикальным социально-экономическим неравенством. В случае Латинской Америки Андреас Фельдман и Майя Пералья находят существенные связи между факторами политического управления и масштабом внутреннего терроризма, но не «между масштабами терроризма и экономической эффективностью и структурным экономическим неравенством» [Feldmann, Perälä, 2001].

Это похоже на выводы Брайана Лая, который провел кросс-страновой анализ террористических групп по всему миру, используя базы данных ITERATE. В ходе исследования он установил заслуживающие доверия факты прочной взаимосвязи между политической депривацией групп и уровнем терроризма, направленного против государства, в то время как экономические показатели индивидуальной депривации, такие как низкий уровень ВВП на душу населения или отрицательное процентное изменение ВВП, мало сказывались на уровне террористической опасности [Lai, 2004].

Вместе с тем в исследовании Б. Лая используются данные о транснациональном (ITERATE), а не о внутригосударственном терроризме, которые могли бы объяснить результаты его анализа. В важном исследовании внутреннего политического терроризма в Западной Европе в период с 1950 по 2004 г. Ян Оскар Энгене находит явную тенденцию к более высоким уровням идеологического (несепаратистского) терроризма в тех странах, где доходы были распределены неравномерно [Engene, 2004, p. 194].

Однако в своем исследовании Я.О. Энгене указывает на политические, а не на экономические факторы при объяснении моделей терроризма в Западной Европе. Следовательно, вполне вероятно, что социально-экономическое неравенство играет определенную

роль, но, в основном, в сочетании с другими факторами политического характера.

* * *

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать осторожные выводы относительно эффективности социетального уровня анализа девиантного поведения в целом и террористического поведения в частности.

При изучении теорий социетальной направленности обращает на себя внимание тот факт, что до недавнего времени наиболее применимыми для исследования терроризма считались национальные и системные уровни анализа. Вместе с тем, по мнению автора, более высокий уровень анализа имеет, в первую очередь, то преимущество, что он не ограничивается слишком большим количеством ситуационных и частных факторов и может обеспечивать релевантные обобщающие объяснения. Есть основания полагать, что объяснения более широкого толка, включающие в себя взаимодействие социальных, политических и экономических отношений в обществе, и особенно в обществе, находящемся в переходном состоянии от традиционного к современному, могут быть интегрированы в более всеобъемлющую и прогностическую модель терроризма и позволяют моделировать риски терроризма с большей полнотой и степенью вероятности.

На социетальном уровне анализа объяснения терроризма следует, прежде всего, стремиться к пониманию исторического пути общества и его культурного фона, а также его современных социальных, экономических и политических характеристик и условий. Вопросы исследования часто фокусируются на том, можно ли выявить причинную связь между определенными характеристиками общества и возникновением терроризма в этом обществе.

В рамках изложенной парадигмы системные объяснения могут включать практически все события в глобальной системе, такие, как конфликты и сотрудничество, международная торговля и инвестиции, а также распределение богатства и власти.

Список литературы

- Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Весь мир, 2001. – 560 с.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Baechler G. Why environmental transformation causes violence: A synthesis // Environmental change and security project / The Woodrow Wilson center. – Washington, DC, 1998. – Iss. 4, Spring. – P. 24–44.
- Bornschier V., Chase-Dunn Ch. Transnational corporations and underdevelopment. – N.Y.: Praeger, 1985. – 189 p.
- Boswell T., Dixon W. Dependency and rebellion: A crossnational analysis // American sociological review. – Menasha, 1990. – Vol. 55, Iss. 4. – P. 540–559.
- Buvinić M., Morrison A. Living in a more violent world // Foreign policy. – Washington, DC, 2000. – N 118. – P. 58–72.
- Deutsch K. Nationalism and social communication: An inquiry into the foundation of nationality. – Cambridge, MA: MIT Press, 1953. – 358 p.
- Eckstein H. On the etiology of internal wars // Anger, violence and politics: Theories and research / I.K. Feierabend, R.L. Feierabend, T.R. Gurr (eds). – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972. – P. 133–163.
- Engene J. Terrorism in Western Europe: Explaining the trends since 1950. – Northampton, MA: Edward Elgar publishing limited, 2004. – 200 p.
- Fajnzylber P., Lederman D., Loayza N. Inequality and violent crime // Journal of law and economics. – Chicago, IL, 2002. – Vol. 45, Iss. 1. – P. 1–40.
- Feldmann A., Perälä M. Nongovernmental terrorism in Latin America: Re-examining old assumptions. – Notre Dame, Indiana: The Kellogg Institute, 2001. – June. – (Working paper; N 286). – Mode of access: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/286_1.pdf
- For a few dollars more: How al Qaeda moved into the diamond trade: A report. – L.: Global Witness, 2003. – April. – 98 p. – Mode of access: <https://www.bellingcat.com/wp-content/uploads/2015/02/00010304-9f8e39cf710a2cbf1349645dc9e998.pdf> (Дата посещения: 27.05.2018.)
- Gellner E. Nationalism and modernization // Nationalism / J. Hutchinson, A. Smith (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 1994 [1964]. – P. 55–63.
- Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity press, 1990. – 186 p.
- Gissinger R. Does an open economy lead to civil war?: Paper for International Studies Association Conference. – Minneapolis, 1998. – 17–21 March.
- Gissinger R., Gleditsch N. Globalization and conflict: Welfare, distribution, and political unrest // Journal of world-systems research. – Pittsburgh, 1999. – N 5 (2), Summer. – P. 274–300.
- Hegre H., Gissinger R., Gleditsch N. Globalization and internal conflict // Globalization and armed conflict / G. Schneider, K. Barbieri, N. Gleditsch (eds). – Lanhan: Rowman & Littlefield, 2003. – P. 251–275.
- Hezbollah and the West African diamond trade // Middle East Intelligence Bulletin. – 2004. – Vol. 6, N 6/7, June/July.

- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. – 711 p.
- Huntington S.* Political order in changing societies. – New Haven, Connecticut: Yale univ. press, 1968. – 499 p.
- Kant I.* Perpetual peace: A philosophical sketch // Kant: Political writings / Ed. by H. Reiss. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1991 [1795]. – P. 93–130.
- Lacina B.* From side show to centre stage: Civil conflict after the Cold War // Security dialogue. – Oslo, 2004. – Vol. 35, Iss. 2. – P. 191–205.
- Lai B.* An empirical examination of religion and conflict in the Middle East, 1950–1992 // Foreign policy analysis. – Oxford, 2006. – Vol. 2 (1), January. – P. 21–36.
- Lai B.* Explaining terrorism using the framework of opportunity and willingness: An empirical examination of international terrorism // Research paper. – Iowa, 2004. – April. – P. 610–638.
- Le Billon Ph.* Buying peace or felling war? The role of corruption in armed conflict // Journal of international development. – Hoboken, NJ, 2003. – Vol. 5, Iss. 4. – P. 413–426.
- Li Q., Schaub D.* Economic globalization and transnational terrorism: A pooled time-series analysis // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 48, N 2. – P. 230–258.
- Lia B.* Globalisation and the future of terrorism: Patterns and predictions. – L.: Routledge, 2005. – 278 p.
- Lia B., Kjøk A.* Energy supply as terrorist targets? Patterns of «petroleum terrorism» 1968–99 // Oil in the Gulf: Obstacles to democracy and development / D. Heradstveit, H. Hveem (eds.). – Aldershot, Hampshire: Ashgate, 2004. – P. 100–124. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/281274751_Energy_Supply_as_Terrorist_Targets_Patterns_of_Petroleum_Terrorism_1968-1999 (Дата посещения: 4.05.2018.)
- Looney R.* Iraqi Oil: A gift from God or the devil's excrement? // Strategic Insights. – Monterey, CA, 2003. – Vol. 2, Iss. 7. – Mode of access: <https://www.hsdl.org/?view&did=444569> (Дата посещения: 23.08.2018.)
- Luciani G.* The oil rent, the fiscal crisis of the state and democratisation // Democracy without democrats? The renewal of politics in the Muslim world / Ed. by G. Salamé. – N.Y.: I.B. Tauris, 1994. – P. 130–155.
- Mousseau M.* Market civilization and its clash with terror // International security. – Cambridge, MA, 2002–2003. – Vol. 27 (3). – P. 5–29.
- Muller E., Seligson M.* Inequality and insurgency // American political science review. – Washington, DC, 1987. – Vol. 82, Iss. 2. – P. 425–451.
- Murshed M., Gates S.* Spatial-horizontal inequality and the Maoist insurgency in Nepal: Research paper / Review of Development Economics. – N.Y., 2005. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 121–134.
- Ross M.* What do we know about natural resources and civil war? // Journal of peace research. – L.; Thousand Oaks, 2004. – Vol. 41, Iss. 3. – P. 337–356. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/0022343304043773> (Дата посещения: 1.06.2018.)

- Stewart F.* The root causes of humanitarian emergencies // War, hunger and displacement: The origins of humanitarian emergencies / E.W. Nafziger, F. Stewart, R. Vayrynen (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – Vol. 1. – P. 1–41.
- The politics of territorial identity: Studies in European regionalism / S. Rokkan, D. Urwin (eds). – N.Y.: Sage, 1982. – 436 p.
- Tilly Ch.* From mobilization to revolution. – N.Y.: McGraw-Hill College, 1978. – 349 p.
- Urvik B.O.* The Modernizing force of Islamism // Modernizing Islam: Religion in the public sphere in the Middle East and Europe / J. Esposito, F. Burgat (eds). – L.: Hurst Publishing, 2003. – P. 43–68.
- Watts M.* Petro-Violence in Nigeria and Ecuador // Violent environments / N.L. Peluso, M. Watts (eds). – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. – P. 189–212.
- Weede E.* Economic policy and international security: Rent seeking, free trade, and democratic peace // European journal of international relations. – L., 1995. – Vol. 1, Iss. 4. – P. 519–537.
- Kornhauser W.* The politics of mass society. – Glencoe, Ill.: Free press, 1959. – 256 p.
- Lipset S.M.* Political man. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960. – 432 p.

И.В. КУДРЯШОВА*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье предпринята попытка определить истоки и характер связи между религией и терроризмом, которая явственно проступает и в многочисленных террористических актах во имя и от имени Бога, и в повсеместно используемом выражении «религиозный терроризм». Обращено внимание на сложность дефиниции этого феномена, представлен критический анализ основных научных подходов к трактовке взаимосвязи религии и терроризма, отмечены особенности религиозного терроризма и его разновидности. Показано, что религия может придавать новое измерение социально-политическому конфликту, подчеркнута необходимость исследовать религиозный терроризм в контексте проблем и противоречий процессов модернизации и глобализации, а также с учетом особенностей религиозной традиции.

Ключевые слова: терроризм; религия и насилие; джихадизм; модернизация; секуляризация.

Для цитирования: Кудряшова И.В. Религиозный терроризм: Концептуальные проблемы политического анализа // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 54–68. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.03

***Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: kudryashova23@yandex.ru

Kudryashova Irina, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: kudryashova23@yandex.ru

© Кудряшова И.В., 2018

DOI: 10.31249/2018.04.03

I.V. Kudryashova
Religious terrorism:
Conceptual problems of political analysis

Abstract. The article undertakes to identify the roots and nature of a link between religion and terrorism, which is highlighted in both numerous terroristic acts in the name and on behalf of the God and often cited notion of «religious terrorism». It states the phenomenon is hard to define, critically analyses main scientific approaches to treating the interlinkage between religion and terrorism, discusses the traits of religious terrorism and its kinds. The author shows that religion can give a new dimension to social and political conflict and underscores the necessity to study religious terrorism in the context of problems and contradictions of the modernization and globalization processes and accounting for the specificity of religious traditions.

Keywords: terrorism; religion and violence; jihadism; modernization; secularization.

For citation: Kudryashova I.V. Religious terrorism: Conceptual problems of political analysis // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 54–68. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.03

Словосочетание «религиозный терроризм» закрепилось и в выступлениях политиков, и в СМИ, и в научных исследованиях. По мнению Д. Рапопорта, автора концепции волнового развития международного терроризма, основной движущей силой его текущей четвертой волны выступает именно энергия религии [Rapoport, 2004, p. 47]¹.

Самым зримым воплощением подъема этой волны стали террористические акты 11 сентября 2001 г., которые лидеры «Аль-Каиды» нарекли «походом на Манхэттен», породив ассоциативную связь с арабскими завоеваниями времен Халифата. В свою очередь, президент Дж. Буш-мл. в обращениях и интервью по следам этих событий ввел в антитеррористический дискурс теологический элемент, неоднократно называя деяния террористов «новым видом зла» (*a new kind of evil*), а их самих – «зло чинящими» (*evil-doers*). В 2002 г. такое видение было распространено и на международную политику: государства, которые, по мнению США, спонсировали

¹ Д. Рапопорт различает в современном терроризме четыре последовательные волны и характеризует их как «анархистскую», «антиколониальную», «новую левую» и «религиозную».

терроризм или разрабатывали оружие массового поражения, были причислены к «оси зла» (Иран, Ирак, КНДР).

Масштабное наступление сил международной коалиции во главе с США на позиции «зла» в Афганистане и Ираке не привело к их ослаблению: в 2006 г. после слияния с другими террористическими группировками в Ираке начало свой разрушительный путь «Исламское государство» (ИГ). Продолжение «четвертой волны» фиксируют и аналитические доклады *Pew Research Center*: в 2016 г. было отмечено, что число стран, где имели место случаи «связанной с религией террористической активности», возросло с 73 в 2013 г. до 82 в 2014 г. и что страны Ближнего Востока и Северной Африки отличались самым высоким уровнем социальной враждебности с религиозным компонентом [Trends in global restrictions... 2016]. Индекс глобального терроризма подсказывает, что в настоящее время самые смертоносные в прямом смысле слова террористические организации – это ИГ, «Боко харам», «Талибан» и «Аль-Каида» (74% всех жертв) [Global terrorism index 2017, p. 72; Global terrorism index 2016, p. 49–50].

Очевидно, что противодействие религиозно мотивированному терроризму требует глубокого изучения природы этого феномена. И исследований на эту тему много. Однако в них, как и в исследованиях терроризма в целом, проявляются теоретические и методологические проблемы, обусловленные трудностями концептуализации терроризма, использованием различных «дисциплинарных линз», крайней политизированностью темы, быстрыми изменениями социально-политического контекста, сложностью проведения эмпирического анализа и др.¹

Вопрос о взаимодействии религии и терроризма непросто анализировать и из-за эмоциональной заряженности этого термина. Существует мнение, что терроризм не имеет и не может иметь к религии никакого отношения: те, кто убивают невинных «во имя Бога», намеренно дискредитируют священное послание мира и добра. Такой подход, часто озвучиваемый на форумах и в изданиях, близких к религиозным или околорелигиозным организациям, перекликается с не менее популярным, но также не очень содержательным «светским» объяснением действий террористов: «Они

¹ Подробнее о сложностях исследования терроризма см. статью О.Г. Харитоновой в этом выпуске журнала [Харитонова, 2018].

ненавидят наш образ жизни и нашу свободу» [Kueger, 2018, p. 2]. Распространена и чисто инструменталистская интерпретация предполагаемого взаимодействия: религиозные смыслы и нормы рассматриваются как средство, применяемое лидерами террористов или теми, кто стоит за ними, для вербовки и мобилизации сторонников или легитимации насилия в попытке реализовать свои социально-экономические задачи.

Ряд исследователей, наоборот, видят в религиозно окрашенных террористических актах проявление присущего вере эсхатологического фанатизма – стремления избавить мир от скверны на пути к «новой эре» и утвердить собственную избранность [см., например: Hoffman, 2006, p. 81–130]. В такой логике (условно ее можно назвать секуляристской) любая попытка группы верующих заявить о своих интересах в сфере политики представляет собой непреходящий вызов миру и безопасности. Ярким примером такой позиции является непрекращающаяся борьба с религиозным фундаментализмом, концепт которого неоправданно растягивается [см.: Кудряшова, 2013].

Есть авторы, которые полагают, что понятие религии относится к идеологическим категориям, отражающим западный взгляд на общественное развитие. В случае, когда религиозные феномены осмысливаются в контексте локальных символических систем или ритуальных институтов, «религиозное» растворяется в антропологическом, политическом и социологическом [см., например: Cavanaugh, 2009]. Следовательно, сама постановка вопроса о религиозном терроризме не имеет под собой научных оснований.

Однако, по нашему мнению, религиозно мотивированный терроризм все-таки есть. Поэтому в настоящей статье предпринята попытка определить и проанализировать основные концептуальные проблемы исследования взаимосвязи между религией и терроризмом. Некоторые из этих проблем следовало бы рассматривать в русле междисциплинарного подхода – терроризм легко пересекает границы не только государств, но и дисциплин. Другие имеют ценностный компонент, и их непросто оценивать объективно. Наконец, рамки статьи не позволяют рассмотреть многочисленные нюансы феномена, называемого религиозным терроризмом (например, театрализацию мифов или мифологическую роль террористов-смертников). Тем не менее мы постараемся хотя бы отчасти решить поставленную задачу.

И вновь о проблеме определения терроризма

Всюду, где появляется слово «терроризм», встает вопрос о том, что оно обозначает. Ч. Тилли справедливо относит его к ряду политически мощных, но аналитически неуловимых терминов, которые «превосходно служат политическим и нормативным целям, но препятствуют описанию и объяснению социальных явлений, на которые указывают» [Tilly, 2004, p. 5].

Широко известную попытку систематизации дефиниций терроризма предприняли А. Шмид и А. Йонгман. Проанализировав 109 определений, они смогли выделить 22 смысловых элемента, которые по частоте употребления расположились в следующем порядке: «насилие, сила» (83,5%), «политический» (65%), «страх, ужас» (51%), «угроза» (47%), «(психологические) эффекты и (ожидаемые) реакции» (41,5%), «различение жертвы и цели» (37,5%), «целенаправленное, спланированное, систематическое, организованное действие» (32%) и т.д. [Schmid, Jongman, 1988, p. 5–6]. Однако разработать четкое и непротиворечивое определение, собрав все эти элементы воедино, исследователям не удалось.

Самые распространенные дефиниции терроризма на удивление просты и одновременно многозначны. Так, по мнению авторитетного терролога В. Лакёра, он представляет собой «нелегитимное использование силы для реализации политической цели путем угрозы невинным людям» [Laqueur, 1987, p. 72]. Не менее известный специалист Б. Хоффман определяет его как «насилие или, что не менее важно, угроза насилия на службе у политической цели или на пути к ней» [Hoffman, 2006, p. 2–3].

При попытке уточнить такие определения сразу обнажаются уязвимые места предлагаемых дефиниций. Например, М. Креншоу делает попытку разграничить терроризм, борьбу за свободу и революционное насилие. Терроризм в ее трактовке – социально и политически неприемлемое насилие, направленное на гражданский объект для достижения психологического эффекта [Crenshaw, 1983, p. 4–8]. Но кто в этом случае имеет возможность определять, что приемлемо и, следовательно, легитимно, а что нет? Кто решает, что называть терроризмом?

Очевидно, что определение религиозного терроризма (с точки зрения формы – террористических актов, совершаемых во имя и от имени религии) также может либо быть «простым», либо ста-

новится все более спорным в результате попыток его уточнения. По аналогии с приведенными выше дефинициями оно могло бы звучать следующим образом: «Религиозный терроризм – насилие или угроза насилия ради достижения религиозно мотивированной политической цели». Однако, как уже отмечалось, сама формулировка вопроса о взаимосвязи религии и насилия способна вызывать не только эмоциональную, но и научную критику, прежде всего со стороны культурологов и религиоведов. Верно ли идентифицирована «четвертая волна» терроризма?

Религия как источник насилия: Да

Во всех религиозных традициях есть символы и образы насилия. Исследуя историю формирования коллективных идентичностей, Р. Шварц отмечает, что с распространением Библии в западной культуре ее нарративы стали основанием преимущественно негативного понимания этнической, религиозной и национальной идентичности, поскольку она определяется через противопоставление себя Другому. По ее мнению, монотеизму изначально присуще не только исключение, но и насилие: поклонение одному легитимному божеству подразумевает воздвижение и защиту сакральных границ.

Из этого положения следует другое: монотеизм порождает недостаток ресурсов. Во многих библейских повествованиях Бог присутствует не как бесконечно дающий, а как удерживающий и отнимающий: блага и права, которые он может предоставить, получают не все. Дефицит ресурсов закодирован в Библии в принципе единственности (одна земля, один человек, один народ) и в монотеистическом мышлении (одно Божество), что влечет за собой требование исключительной верности сообществу, нарушение которой угрожает насильственным исключением. Трансляция этого представления в светские формы порождает не столько безопасность, сколько угрозу.

Взяв за основу тезис Шварц о дефиците ресурсов в монотеистических системах, Г. Авалос разрабатывает собственную концепцию религиозного насилия. В его логике оно имманентно присуще всем религиям; мир – это только название набора условий,

благоприятных для группы адептов, а не абсолютное отрицание насилия. В частности, он утверждает:

- большинство социальных и политических конфликтов происходит из-за недостатка ресурсов, реального или воображаемого;
- религия производит сакральные ресурсы (благоволение Бога, благословение и спасение);
- за эти ресурсы идет конкуренция, их нужно зарабатывать и защищать;
- воображаемый дефицит ресурсов (например, отсутствие божественного благоволения к стране или народу) часто порождает насилие ради восполнения этого дефицита;
- предпосылки религиозного насилия встроены в структуру религиозной веры (искупление в христианстве, мученичество в исламе и др.) [Avalos, 2005].

Основное противоречие концепции Авалоса в том, что в современном мире акты насилия, несмотря на их религиозную окраску, редко происходят из-за религиозных ценностей как таковых. Сами верующие прежде всего видят в практикуемой религии призыв к добру и милосердию и приобретают «сакральные ресурсы» через мирное служение Богу. Тем не менее нельзя не признать и факт растущей исламофобии, и распространенность выражения «исламский терроризм» – даже пророка Мухаммада карикатуристы зачастую изображают как террориста.

Виноват ли в терроризме ислам? Как отмечает Д. Рапопорт, «исламские группы провели самые значительные, смертоносные и в высшей степени интернационализированные атаки», а их успехи «оказали влияние на религиозные террористические группы за пределами мусульманских территорий» [Rapoport, 2004, p. 61].

По мнению А. Игнатенко, эндогенные факторы радикализации есть в самом учении ислама. Поскольку система *иджтихада* (как нормотворчества на основе Корана и Сунны) является результатом человеческой интерпретации результатов Божественного Откровения, ее можно подвергать сомнению. Сомнение оставляет мусульманину один путь веры – непосредственное обращение к Корану и практике общины времен Пророка и его сподвижников и борьба с «неверием» [Игнатенко, 2004, с. 14–15].

Безусловно, в исламе присутствует выраженная социально-политическая составляющая – ему свойственен универалистский подход к мусульманскому обществу [см.: Кудряшова, 2012, с. 158–

159]. Но взаимосвязь между религией и политикой была характерна и для других религиозных систем. В большинстве традиционных обществ до начала модернизации разделения на религиозное и светское не было, а в других «религиозное» еще предстояло создать (см. ниже). Только в XVI–XVII вв. в Европе монополия на насилие и лояльность населения были переадресованы возникающему территориальному государству, а церкви был оставлен приватный мир духовной жизни.

Однако в 1980-х годах в мире обозначился процесс возвращения религии из политической маргинальности, который получил название «религиозного возрождения». Он не обошел и Запад. В «старых» демократиях можно нередко столкнуться с христианской риторикой в речах публичных политиков, открытым озвучиванием религиозными деятелями своих позиций по широкому спектру социально-политических проблем, попытками воинствующих религиозных активистов материализовать библейские принципы и т.д. По мнению О. Руа, религия весьма активно заново формулирует себя «в секуляризованном пространстве, которое дало ей автономию и, следовательно, условия для экспансии» [Roy, 2014, p. 2].

Джихадизм (термин, которым многие исследователи стараются заменить выражение «исламский» или «исламистский» терроризм, вызывающее негативные ассоциации с исламом в целом) в качестве ценностной установки и разновидности политического насилия не может рассматриваться в отрыве от порождающей его социальной структуры. Модернизация мусульманских обществ проходила неравномерно и противоречиво, вызывая острые социальные, политические и культурные конфликты. Как отмечают Ю. Почта и Т. Оберемко, «осознание трагического противоречия между идеалом и действительностью приводит фундаменталистов к желанию отыскать виновных и вернуть общество в прежнее состояние» [Почта, Оберемко, 2014, с. 8]. В этом контексте джихадизм – продукт неотрадиционалистской идентичности¹, в которой религиозность соединена с непримиримым протестом против современности и глобализации или против их отдельных проявле-

¹ О пересечении различных направлений (традиционализма, фундаментализма, модернизма) в исламской общественной мысли и проблемах типологизации см.: [Кудряшова, 2003, с. 133–136].

ний. Священные символы и мифологические конструкции могут восприниматься носителями такой идентичности буквально и трансформироваться в общественно-политические проекты¹, что продемонстрировал феномен ИГ.

Религия как источник насилия: Нет

В свою очередь, многие исследователи считают «мифом» тезис об особой склонности религии к насилию. У. Кавано выделяет в нем три логически взаимосвязанных элемента:

- религия обладает трансисторической и транскультурной сущностью, которая отличает ее от таких светских феноменов, как рациональность, политика и экономика; соответственно, христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии существенно отличаются от национализма, консьюмеризма, марксизма, либерализма и т.д.;

- религия имеет большую склонность к насилию, чем секулярные феномены, она иррациональна и разделяет людей;

- религия должна быть отделена от публичной власти и ограничена в пользу секуляризма.

По мнению ученого, миф о религиозном насилии свойственен секулярным социальным порядкам. Для его возникновения необходимо выделение религии в отдельную сферу, т.е. разделение религиозного и светского. Это разделение произошло только в результате борьбы за власть между церковными и гражданскими властями в Европе в период раннего Модерна.

Обособление религиозной сферы позволило обособить и политическую. Политика стала производить насилие не менее, а даже более активно, чем религия: войны за природные богатства, территорию, флаг, свободные рынки, демократию, этничность, как и репрессии тоталитарных режимов, принесли огромное количество жертв.

Руководное разделение мира на светское и религиозное было экспортировано Западом в другие страны мира в процессе ко-

¹Механизм ложной интерпретации мифа через повседневный язык показан в работах Дж. Кэмпбелла по сравнительной мифологии и религиоведению (см., например: [Campbell, 2002]).

лонизации, хотя не все местные культурные системы было легко трансформировать в религии (таковы конфуцианство, буддийская школа Тхеравады и др.). Во внешней сфере миф о религиозном насилии активно используется им для оправдания политики по отношению к несекулярным социальным порядкам, особенно мусульманским [Cavanaugh, 2017].

Выступая против превращения религии в «козла отпущения» (Р. Жирар), К. Армстронг поддерживает позицию Кавано аргументами из области религиозной истории. Среди ее выводов:

- впервые в истории системное насилие стало реальностью благодаря аграрной цивилизации, а не религии;
- милитаризм – практика, необходимая для развития государств и империй;
- национальное государство имеет свою религиозную «ауру»;
- философия секулярного проекта не всегда предлагала мирную альтернативу идеологии религиозных государств [Армстронг, 2016].

В целом, по мнению сторонников такого подхода, преданность светским идеологиям и практикам может иметь такой же абсолютистский, конфликтный и иррациональный характер, как и преданность религии. Следовательно, у религиозного терроризма нет никакой особой сути.

Религия как источник насилия: Нет, но ее влияние надо учитывать

Нужно ли при осмыслении сложной взаимосвязи между религией и насилием занимать однозначную позицию? С точки зрения М. Юргенсмейера, нет. Религиозный язык и образы важны для понимания генезиса насилия, но сами по себе преимущественно являются не источником, а формой конфликта: «В какой-то момент в конфликте, обычно в период фрустрации и отчаяния, политический контекст принимает религиозную форму» [Juergensmeyer, 2017, p. 18].

Наблюдая многочисленные случаи подъема религиозного насилия в различных культурных ареалах, ученый отмечает, что все они содержали в себе общий идеологический компонент: осознание моральной и социально-политической ущербности идеи светского национализма. В деятельности ряда группировок (Дви-

жение ополчения в США, «Аль-Каида») ярко выражена открытая ненависть к глобальному мировому порядку и к государству как его проводнику.

Неудачи государства в экономике, политике, культуре переживаются некоторыми верующими как унижение, оскорбление, потеря собственной идентичности. Эти чувства выплескиваются в религиозно мотивированный терроризм, который представляет собой не просто тактику политической борьбы, но воплощение гораздо более масштабной духовной конфронтации.

Юргенсмейер отмечает, что религия придает новые черты насильственному конфликту, а именно:

- персонализирует конфликт, обеспечивая персональную награду – заслуги перед Богом, искупление, счастье на небесах;
- дает средства социальной мобилизации тех, кого нельзя объединить на общей социально-политической платформе;
- во многих случаях обеспечивает организационные сети (местные церкви, мечети, религиозные ассоциации и т.д.);
- предоставляет моральное оправдание актов насилия;
- создает образ космической войны, распространяя ее на весь мир;
- абсолютизирует конфликт, делая войну длительной, возможно, даже вечной [Ibid., p. 18–22].

Такой подход отталкивается от понимания религии как когнитивной структуры и позволяет преодолеть ограничения оценки религиозного терроризма как иррационального явления. Религиозный терроризм может быть и разнообразен, и по-своему рационален. Например, среди джихадистских движений есть как транснациональные группы («Аль-Каида», ИГ), так и национально ориентированные. На их поведение влияют многочисленные компромиссы между интересами безопасности, соображениями эффективности и задачами организационного контроля. С точки зрения большинства лидеров террористов, считают А. Хасенклевер и В. Риттбергер, целесообразность той или иной стратегии борьбы в значительной мере определяется перспективой достижения успеха, который, в свою очередь, зависит от мобилизации рядового состава и поддержки более широкого круга сторонников. В связи с этим они указывают на четыре детерминанты стратегического выбора элит:

- природа конфликта: несправедливое распределение благ / социальных позиций или конфликт ценностей. В последнем случае

вероятность использования насилия и его масштабы значительно выше, чем в первом, а компромисс практически исключен;

- индивидуальная готовность членов организации к самопожертвованию;

- характер отношений между конфликтующими сторонами;

- публичное оправдание применения насилия со стороны тех, кто прямо не вовлечен в конфликт [Hasenclever, Rittberger, 2003, p. 117–120].

Влияют на террористов и структурные изменения на макроуровне, которые трансформируют внешнюю среду их действий. Решение США войти в Афганистан и Ирак после терактов 11 сентября и события «арабской весны» изменили идеологический тренд салафитского джихада, его организационную структуру и отношение к внешнему окружению [Drevon, 2017].

Признание факта разнообразия и изменчивости религиозного терроризма имеет важное значение для поиска эффективного ответа на террористическую угрозу. Очевидно, что если в случае экзистенциального / апокалиптического терроризма прежде всего востребована стратегия силового ответа, то в случае насилия во имя установления в стране «исламского правления» необходимо сочетание репрессивных мер с политикой развития и профилактической работой.

Заключение

Мир сегодня встречается с большим разнообразием политических конфликтов, порождающих религиозно мотивированное насилие, – последняя волна терроризма названа Д. Рапопортом «религиозной». В то же время, при невероятно большом количестве работ по теме терроризма, существует недостаток систематических исследований о воздействии на терроризм религиозных убеждений. В сфере террорологии продолжает доминировать секулярная парадигма, позволяющая «не замечать» религиозно обусловленные факты политической жизни или субъективно интерпретировать их.

Другой концептуальной проблемой является восприятие религиозного терроризма как монолитной иррациональной силы, «слуг дьявола», сеющих зло.

Встает вопрос: нужно ли при осмыслении сложной взаимосвязи между религией и насилием занимать категорическую позицию? Очевидно, нет. Как считает М. Юргенсмейер, терроризм произрастает не из религии – религия лишь способна в определенный момент придать политическому контексту конфликта религиозное измерение. Вместе с тем это религиозное измерение нельзя не учитывать как в научном анализе, так и в практической деятельности.

Религиозный терроризм, как и светский, не может быть «схвачен» четкой дефиницией. Он точно так же вызывает непрекращающиеся споры о своей природе и имеет много разновидностей. Для изучения религиозного терроризма важен учет характера религиозной традиции и типа политической власти в местах его «обитания».

Религиозно мотивированный терроризм как открытый конфликт не может не зависеть от мировой политической динамики, процессов модернизации, секуляризации и глобализации. Неудачи модернизации, коррупция элит привели к снижению авторитета государства на Востоке; чуть позднее эффекты глобализации стали вызовом государству на Западе.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов безальтернативная секуляризация стала сопровождаться «религиозным возрождением». Известные события (исламская революция в Иране, подъем объединения «Солидарность» в Польше, роль католицизма в сандвингской революции и других латиноамериканских конфликтах и возвращение протестантского фундаментализма в американскую политику) позволили Х. Казанове сказать, что религия вновь обрела «глобальную публичность» [Casanova, 1994]. В новых условиях она вынуждена заново формулировать себя в значительно секуляризованном пространстве, что повышает риски насилия. К тому же глобализация ведет к расширению каналов, усилению давления и увеличению числа агентов, через которых различные религиозные нормы и практики распространяются и взаимодействуют.

Список литературы

Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. – 538 с.

- Изнатенко А.А. Ислам и политика. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.
- Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 4. – С. 132–147.
- Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – С. 155–184.
- Кудряшова И.В. Фундаментализм и «фундаментализмы» // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4. – С. 92–105.
- Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2014. – № 1. – С. 5–19.
- Харитоновна О.Г. Изучая терроризм: Основные контуры дискуссии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2018. – № 4. – В печати.
- Avalos H. Fighting words: The origins of religious violence. – N.Y.: Prometheus books, 2005. – 444 p.
- Campbell J. The inner reaches of outer space: Metaphor as myth and as religion. – Novato, CA: New world library, 2002. – 148 p.
- Casanova J. Public religions in the modern world. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1994. – 320 p.
- Cavanaugh W.T. Religion, violence, nonsense, and power // The Cambridge companion to religion and terrorism / Ed. by J.R. Lewis. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. – P. 23–31.
- Cavanaugh W.T. The myth of religious violence: Secular ideology and the roots of modern conflict. – N.Y.: Oxford univ. press, 2009. – 296 p.
- Crenshaw M. Introduction: Reflections on the effects of terrorism // Terrorism, legitimacy and power / Ed. by M. Crenshaw. – Middletown, CT: Wesleyan univ. press, 1983. – P. 1–37.
- Drevon J. The Jihadi social movement (JSM): Between factional hegemonic drive, national realities, and transnational ambitions // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 55–62.
- Fitzgerald T. The ideology of religious studies. – N.Y.: Oxford univ. press, 2003. – 276 p.
- Global terrorism index 2017 / Institute for Economics & Peace. – 2017. – 117 p. – Mode of access: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (Дата посещения: 4.07.2018.)
- Global terrorism index 2016 / Institute for Economics & Peace. – 2016. – 105 p. – Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> (Дата посещения: 4.07.2018.)
- Hasenclever A., Rittberger V. Does religion makes a difference? // Religion in international relations: The return from exile / P. Hatzopoulos, F. Petit (eds). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 107–145.
- Hoffman B. Inside terrorism. – Revised and expanded ed. – N.Y.: Columbia univ. press, 2006. – 456 p.

- Juergensmeyer M.* Does religion cause terrorism? // The Cambridge companion to religion and terrorism / Ed. by J.R. Lewis. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. – P. 11–22.
- Krueger A.B.* What makes a terrorist: Economics and the roots of terrorism. – Princeton: Princeton univ. press, 2018. – 232 p.
- Laqueur W.* The age of terrorism. – Boston: Little, Brown, 1987. – 385 p.
- Rapoport D.C.* The four waves of modern terrorism' // Attacking terrorism: Elements of a grand strategy / A.K. Cronin, J.M. Ludes (eds). – Washington, DC: Georgetown univ. press, 2004. – P. 46–73.
- Roy O.* Holy ignorance: When religion and culture part ways. – N.Y.: Oxford univ. press, 2014. – 259 p.
- Schmid A.P., Jongman A.J.* Political terrorism: A new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, & literature. – New Brunswick; L.: Transaction publishers, 1988. – 700 p.
- Schwartz R.M.* The curse of Cain: The violent legacy of monotheism. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1998. – 228 p.
- Tilly Ch.* Terror, terrorism, terrorists // Sociological theory. – N.Y., 2004. – Vol. 22, N 1. – P. 5–13.
- Trends in global restrictions on religion / Pew research center. – 2016. – June, 23. – Mode of access: <http://www.pewforum.org/2016/06/23/trends-in-global-restrictions-on-religion/> (Дата посещения: 2.07.2018.)

РАКУРСЫ

И.Л. МОРОЗОВ*

ТЕРРОРИЗМ КАК ВИД ВООРУЖЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье терроризм рассматривается как особый вид вооруженного политического насилия, активизированного системными проблемами и противоречиями современной цивилизации. Считая терроризм городским феноменом, автор предполагает, что современные тенденции урбанизации, модифицирующие городскую среду, ведут к изменению характера террористических организаций, а также их структуры и механизмов рекрутинга.

Автором выделяются две модели терроризма: терроризм как инструмент широко трактуемой национально-освободительной борьбы (или сепаратизма, этнической и культурной экспансии) и терроризм как форма не состоявшейся, закапсулировавшейся гражданской войны. Обращается внимание на то, что в настоящий момент в крупных городах формируется третья модель терроризма, синтезирующая элементы первых двух. Ее формирование является следствием взаимного «прорастания» цивилизаций в их внутренние пространства под влиянием глобализации.

*** Морозов Илья Леонидович**, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», e-mail: politkon@mail.ru

Morozov Ilya, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd, Russia), e-mail: politkon@mail.ru

© Морозов И.Л., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.04

Сделан вывод о том, что современная цивилизация не может искоренить политический терроризм ввиду многофакторности этого феномена, имеющего как внутреннюю, так и международно-политическую природу. Террористические организации превратились в самостоятельных участников мировой политики.

Ключевые слова: терроризм; вооруженное политическое насилие; глобализация; город; урбанизация.

Для цитирования: Морозов И.Л. Терроризм как вид вооруженного политического насилия в условиях глобальной урбанизации // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 69–89. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.04

I.L. Morozov

Terrorism as a type of armed political violence in the context of global urbanization

Abstract. The article sees terrorism as a special kind of armed political violence, intensified by systemic problems and contradictions of modern civilization. Considering terrorism as a city phenomenon, the author assumes that modern tendencies of urbanization that modify the urban environment lead to changes in the nature of terrorist organizations, the structure of terrorist groups, and mechanisms for recruiting personnel for terrorist activities.

Two models of terrorism are presented: terrorism as an instrument of broadly defined national liberation struggle (or separatism or ethnic and cultural expansion), and as a form of a frozen at the embryotic stage civil war. Focus is drawn to the fact that nowadays a third model of terrorism is being formed in cities, synthesizing the first two. It is based on the mutual spread of civilizations into their internal spaces under the influence of globalization.

The author concludes that modern civilization cannot eradicate political terrorism in view of the multifaceted nature of the phenomenon, which stems from internal and international political processes. Terrorist organizations have evolved into independent players on the global scale.

Keywords: terrorism; armed political violence; globalization; city; urbanization.

For citation: Morozov I.L. Terrorism as a type of armed political violence in the context of global urbanization // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 69–89. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.04

Вооруженное насилие как метод воздействия на политического антагониста тысячелетиями выступало в качестве неизменного компонента развития человеческой цивилизации. Одной из его форм был терроризм, известный уже в древних государствах (например, действия иудеев-зилотов против римских завоевателей на Ближнем Востоке). В XIX–XX вв. сформировались основные идейно-политические направления террористической деятельно-

сти: леворадикальное, праворадикальное, этнополитическое, религиозно-политическое (часто – этнорелигиозное). В конце XX в. к ним добавляются новые разновидности, вызванные «болезнями цивилизации», – экологическая («защита» природного мира и окружающей среды [Malkki, 2018]) и более специализированные локальные формы, например агрессивные действия противников абортот.

Рубеж XX–XXI вв. охарактеризовался аномально высокой интенсивностью деятельности террористических организаций, численность которых увеличивалась, а географические масштабы приобрели глобальный характер. Террористические акты современного периода стали характеризоваться высокой технологичностью¹ и запредельной безжалостностью, когда объектом террористических атак сознательно выбирались дети, как в случае с захватом зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост» в октябре 2002 г. в Москве и школы в г. Беслан в сентябре 2004 г. Не случайно Ж. Бодрийяр охарактеризовал современный терроризм как immoralный ответ на immoralную глобализацию [Бодрийяр, 2016, с. 6].

Нарастание террористической активности закономерно завершилось тем, что впервые в истории террористическому движению удалось не просто захватить действительно значительные территории, но и создать на них квазигосударственные структуры, функционировавшие несколько лет – это случай Исламского государства [Todenhöfer, 2015]. Наблюдается и другой эффект: термин «терроризм» в медийном пространстве превратился в пропагандистский штамп, в политический маркер, которым правящие элиты как авторитарных, так и демократических государств склонны обозначать любые формы вооруженного политического протеста. По идеологическим причинам из российских СМИ и научных публикаций практически исчезли столь характерные для советского периода термины, как «национально-освободительная борьба», «революционная война», «повстанцы» и т.д.; теперь практически все они замещены на «терроризм» и «террористы».

¹ Использование японской сектой «Аум Синрикё» самостоятельно изготовленного нервно-паралитического газа при теракте 20 марта 1995 г. в токийском метро, использование исламистами авиалайнеров при разрушении Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.

Что же представляет собой вызов терроризма в эпоху глобализации? Какие факторы определяют новое состояние террористической активности?

Терроризм как политический феномен: Проблема дефиниции

Терминологическая дискуссия относительно понимания терроризма активизировалась во второй половине XX в. и продолжается до сих пор, так и не выработав определения, которое стало бы в политической науке общепринятым. Двумя точками соприкосновения мнений, разделяемых большинством политологов, были (а) наличие политических мотивов [Ward, 2018] в действиях преступников и (б) создание ими атмосферы страха как основной стратегии воздействия на политического оппонента [Этнорелигиозный терроризм, 2006, с. 11]. Далее предлагаемые трактовки начинали расходиться, в том числе и в зависимости от политических предпочтений авторов. Вместе с тем стремление уйти от трактовки современного терроризма как одного из проявлений развернувшегося в современном мире «столкновения цивилизаций» весьма заметно в политологическом дискурсе [Гуторов, Ширинянц, 2017, с. 30]. Логически это понятно: приняв подобную точку зрения, придется подвергнуть ревизии картину понимания политического мироустройства, характерную для современной мировой и российской элиты.

Значительное число исследователей сошлись во мнении и относительно роли информационного фактора в терроризме: сам террористический акт трактуется ими не как самоцель (уничтожение людей или материальных объектов), но лишь в качестве информационного повода, когда действия «актеров-террористов» этого своеобразного социального «театра» подчинены закону максимизации зрелищности для генерации впечатлений «зрителей» [Кенен, 2004]. Эксперт корпорации RAND (американский стратегический исследовательский центр «Исследования и разработка») Б. Хоффман отмечал: «Терроризм можно рассматривать как акт насилия, задуманный с целью привлечения внимания и последующей передачи послания посредством огласки, которую он получает» [Хоффман, 2003, с. 160]. Соответственно, следовал вывод: чем меньше освещаются деяния террористов в СМИ, тем меньше сила

воздействия теракта; в демократических странах с независимыми СМИ, благодаря информационной подпитке, терроризм распространен максимально, в тоталитарных государствах он отсутствует. Информационная стратегия противодействия терроризму до недавнего времени строилась согласно данному подходу. Однако сейчас, в условиях массового распространения Интернета, это правило уже не работает, более того, тактика замалчивания чрезвычайных происшествий и сокрытия реального числа жертв может нанести удар по авторитету властей¹.

В то же время отметим, что правоведы разных стран, не дожидаясь единства мнений исследователей, вводили нормативно-правовое определение терроризма, руководствуясь запросами системы органов поддержания правопорядка. Но здесь возникала проблема иного рода – если научный подход диктовал ученым-теоретикам стремление выработать относительно «узкое» определение терроризма, максимально точно отражающее сущность предмета изучения для последующего поиска его первопричин и методов их устранения, то специалисты-практики, работающие в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, предпочитали расширительное толкование, позволяющее подвести под обвинение в террористической деятельности разные формы активного политического протеста. Например, согласно действующему российскому законодательству, терроризмом является не только практика (действия), но и идеология, оправдывающая применение вооруженной борьбы против государственной власти [Федеральный закон... 2006]².

¹ 25 марта 2018 г. в торгово-развлекательном комплексе г. Кемерово «Зимняя вишня» произошел пожар, унесший жизни 60 человек. Эта трагедия техногенного рода не была терактом, но информационная пауза, взятая в те дни федеральными и региональными властями, привела к циркуляции провокационных слухов относительно причин и масштабов трагедии, которые якобы скрываются от населения. В Кемеровской области прошли стихийные митинги, начало формироваться протестное движение вокруг фигуры И. Вострикова, потерявшего в «Зимней вишне» семью. Лишь последующими решительными действиями самого широкого спектра, от предоставления родственникам погибших подробнейшей технической информации о пожаре до отставки губернатора А. Тулеева, власть смогла нейтрализовать социальный протест и не дать ему перерасти в политический.

² Еще сложнее ситуация с правовым определением экстремизма, которое по факту в российском законодательстве отсутствует, заменяемое понятием «экс-

Вооруженное насилие, совершаемое в политических целях, является одной из ключевых черт терроризма, выделяющих его из других форм экстремистской деятельности. Учитывая изложенное, можно предложить следующее рабочее определение рассматриваемого предмета: терроризм – вид вооруженного политического насилия, который характеризуется деструктивными действиями негосударственного актора против государственных структур, осуществляемыми методом запугивания в основном гражданского населения через создание угрозы жизни, здоровью, безопасности граждан.

Эффективность воздействия террористических актов напрямую зависит от политической воли и твердой позиции правящей элиты атакуемой страны. Так, С. Хантингтон описывает эффект, противоположный тому, которого хотели добиться террористы, – вместо атмосферы паники и страха, ожидаемых после терактов в Нью-Йорке, «Аль-Каида» получила в качестве противника сплоченное и агрессивное в своем стремлении защититься государство: «Трагические обстоятельства 11 сентября 2001 г. вернули Америке ее идентичность. До тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной» [Хантингтон, 2004, с. 15–16].

Модели терроризма

Сложность определения терроризма и даже самого понимания его сущности на современном этапе обусловлены многофакторностью генезиса этого явления. Исторически можно выделить две базовые смысловые модели терроризма:

тремистская деятельность». Единственное четкое определение собственно экстремизма как социально-политического феномена содержится в Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, подписанной в Астане 9 июня 2017 г.: «Экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, 2017].

– терроризм как элемент тактики национально-освободительной борьбы, сепаратистских движений, агрессивной этнической и культурной экспансии на новых землях. В этом случае наблюдается противостояние народов, культурно-религиозных и политических систем. Эта модель терроризма отличается крайней формой жестокости в отношении оппонента, конечной целью выступает его уничтожение или изгнание с определенной территории. Примерами является деятельность таких террористических группировок, как «Иргун» и «Лехи» против британского господства в Палестине, Фронт национального освобождения против французского господства в Алжире;

– терроризм как несостоявшаяся, закапсулировавшаяся гражданская война в рамках одной социально-политической системы, когда у одной из конфликтующих сторон не хватает ресурсов для полноценного военного сопротивления, а уровень политического антагонизма не позволяет использовать ненасильственные методы. В этом варианте террористы все же стараются избегать излишних жертв, соблюдать некоторые принципы «гуманности» при проведении актов вооруженного политического насилия. Например, член Боевой организации эсеров И.П. Каляев 2 февраля 1905 г. отказался от теракта, поскольку при взрыве бомбы неизбежно погибли бы дети, находившиеся в карете Великого князя Александра Николаевича, бывшего целью покушения. Боевики западногерманской «Фракции Красной армии», одной из наиболее активных террористических группировок 70–80-х годов XX в., целью своих атак выбирали работников правоохранительных органов, глав крупных финансовых и промышленных корпораций, военнослужащих.

Впрочем, говорить о каком-либо «кодексе чести» террористов не приходится: история показала, что любая террористическая группировка, какими бы идеалистическими политическими мотивами она ни обосновывала свою деятельность, в итоге неизбежно вырождается в компанию безжалостных социопатов, отрицающих все нормы и условности. Не случайно известные теоретики и практики «революционных войн» партизанского типа считали необходимым особо подчеркнуть нежелательность и даже пагубность проведения террористических актов. Если герой кубинской революционной герильи 1956–1961 гг. Эрнесто Че Гевара отрицал систематическое применение терроризма, но допускал практику

целенаправленного политического убийства «одного из главарей диктаторского режима» [Гевара, 2005, с. 347] (индивидуальный террор), то лидер мексиканских повстанцев 90-х годов XX в. субкоманданте Маркос был уже более последователен в этом вопросе: «Наша борьба обладает кодексом чести, унаследованным нами от наших воинов-предков, который среди прочего содержит в себе следующее: не покушаться на жизнь гражданских лиц (даже если они занимают посты в правительствах, которые нас угнетают), не совершать преступлений для обеспечения себя ресурсами (мы не грабим даже продуктовые лавки) и не отвечать пулями на слова (пусть даже самые лживые и ранящие из слов)» [Маркос, 2005, с. 439–440].

С конца XX в. под воздействием процессов глобализации формируется третья модель терроризма, синтезирующая первые две и являющаяся результатом «прорастания» цивилизаций в их внутренние пространства. Глобализация все сильнее стирает понятия Запада и Востока в крупных городах современного мира, а терроризм, особенно современный, – феномен городской.

Терроризм в контексте социально-политических и экономических изменений

На эволюцию терроризма как формы вооруженного политического насилия исторически влияло два блока факторов:

- мегатренды социально-политических и экономических изменений на уровне международных систем и национальных политий;
- эволюция городского пространства.

Первый блок факторов во многом сформирован процессами глобализации, значимые для исследования аспекты которых мы рассмотрим ниже.

Массовая демократизация / псевдодемократизация национальных политических режимов. Глобализация способствует появлению режимов переходного / гибридного типа с вестернизированной правящей элитой, допускающей авторитарные политические практики по отношению к подконтрольному населению. Еще в 90-е годы XX в. казалось неоспоримым, что диктатура повсеместно проигрывает спор демократии, не выдерживая конкуренции ни по экономическим позициям, ни в плане устойчивости политического ре-

жима. Крушение Советского Союза и ликвидация биполярной системы международной безопасности открыла возможность западным демократиям для прямой военной (Югославия 1999 г., Афганистан 2001 г., Ирак 2002 г.) и опосредованной подрывной (Ливия 2011, Сирия с 2012 г. по н. вр.) деятельности против светских и религиозных авторитарных режимов. Однако на месте разрушенных политий возникли не новые демократии, а неконтролируемые территории «несостоявшихся государств», т.е. идеальные условия для рекрутинга и подготовки членов террористических организаций.

Ослабление режимов пограничного контроля вплоть до эффекта транспарентности национальных границ. Одним из ключевых компонентов в системе безопасности суверенных государств времен господства вестфальских принципов организации международных систем являлся прямой и в идеале всеобъемлющий контроль над собственной государственной границей, пересечение которой пресекалось самыми жесткими методами, вплоть до уничтожения нарушителей. Глобализация подвергла ревизии данные принципы: договариваться с правительством «закрытого» государства о свободном движении капиталов и товаров на его территорию было возможно, но рискованно – национальная политика может измениться. Гораздо более надежным представлялось распространение самой идеологии глобализма «вглубь», внедрение в массовое сознание и культуру таких ее компонентов, как толерантность, естественность этнорелигиозного многообразия в рамках одной территории, мультикультурализм, разрушение дихотомического мышления по принципу «свой – чужой», ослабление национальной идентичности и укрепление общечеловеческих ценностей.

В результате нелегальное массовое пересечение границы европейских демократических государств стало делом относительно безопасным в том смысле, что пограничные войска и полиция теперь по моральным и правовым соображениям не решаются применять оружие против нелегальных мигрантов, которым в худшем случае грозит депортация на историческую родину. Правительства демократических государств уже не столь охотно выделяют ассигнования на материально-техническое обустройство государственной границы, а общественность настороженно относится к возведению заградительных укреплений (примером может служить информационная кампания, развернутая против строительства

«Стены Трампа» на границе США и Мексики). Однако вместе с переселенцами на территорию государства неизбежно попадают и склонные к экстремистским воззрениям люди.

Современная Россия по экономическим причинам даже не пытается создать сплошную полосу пограничных укреплений вдоль государственной границы с Казахстаном (9144,7 км), считая данную задачу неразрешимой, и сосредоточилась на сохранении добрососедских отношений с постсоветскими государствами Центральной Азии. Подобная политика позволила России снять потенциальную геополитическую угрозу на данном направлении, но не ликвидировала угрозы инфильтрации потенциальных террористов, которые пользуются безвизовым режимом между этими государствами и Россией. 29 февраля 2016 г. гражданка Узбекистана Г. Бобокулова совершила жестокое убийство четырехлетней москвички А. Мещеряковой, после чего выкрикивала исламистские лозунги на улицах российской столицы, потрясая отрезанной головой ребенка. Власти сочли преступление столь чудовищным, что не решились на поиск политической мотивировки преступления, предпочтя версию о сумасшествии. 3 апреля 2017 г. уроженец Киргизии (гражданин России с 2011 г.) А. Джалилов совершил подрыв взрывного устройства в метро Санкт-Петербурга, что было признано террористическим актом.

Эволюция технических систем и тактик обеспечения безопасности. Становление современной системы антитеррора началось с 1972 г., когда захват палестинскими боевиками израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене и неудачная попытка освобождения заложников выявили уязвимость не только ФРГ, но и всего западного мира перед атаками политических террористов. Пришло осознание того факта, что для эффективного противодействия врагу, остающемуся невидимым до самого момента начала теракта и прицельно атакующему мирных граждан и наиболее уязвимые гражданские объекты, требуется тактическая подготовка иного рода, чем для военнослужащего или полицейского, патрулирующего улицы города. Западная Германия, США, а затем другие европейские страны и СССР создают специализированные антитеррористические подразделения, ориентированные на действия в городской инфраструктуре (включая аэродромы, вокзалы, порты и другие объекты гражданской транспортно-логистической систе-

мы) по точечному подавлению очагов сопротивления боевиков с целью максимального сохранения жизней гражданских лиц.

Под данные задачи адаптировались и военно-технические средства. Например, если до конца 70-х годов XX в. излюбленным тактическим приемом террористов был захват гражданского авиалайнера и выдвижение своих политических требований под угрозой лишения жизней пассажиров и членов экипажей¹, то далее совершать подобные акции становилось все сложнее и бессмысленнее. В 1977 г. западногерманское антитеррористическое подразделение GSG-9 провело успешную операцию в г. Могадишо по уничтожению захвативших авиалайнер террористов и освобождению удерживаемых ими заложников, показав, что подобные задачи тактически уже не являются неразрешимыми. Операция внесла серьезный вклад и в решение назревавшего политического кризиса – захватившие авиалайнер террористы требовали от ФРГ освобождения знаковых фигур международного террористического движения (А. Баадер, Г. Энслин, Я.-К. Распе и др.), на что власти дать согласие не могли. Далее тактическая подготовка бойцов спецподразделений только нарастала, их технические возможности расширялись [Попов, 2011].

Развитие систем массового контроля за поведением граждан, государственный кибершпионаж за частными лицами, формирование метаданных путем автоматизированного аккумулирования информации о частной жизни конкретного человека существенно снизили ресурс выживаемости террористических группировок с традиционной централизованной иерархической системой управления. На смену последним стали приходить террористические сети, элементы которых отличаются слабой соподчиненностью, а действия каждого конкретного элемента – автономностью и непредсказуемостью. Поэтому добиться победы над терроризмом силовыми методами не удалось, более того, проблема значительно усложнилась [Яшлавский, 2017; Рогожина, 2016].

Изменение методов противоборства за лидерство между великими державами и понимание ими формулы победы. Создание

¹ Преимущественно эти требования заключались в освобождении из тюрем арестованных соратников в сочетании с действиями символического рода с целью привлечения внимания мировых СМИ (например, символический облет на захваченном гражданском авиалайнере территории занятых израильянами палестинских земель) [Парфрей, 2002, с. 149].

ядерного оружия и формирование международного клуба владеющих им великих держав, закрепивших свое право глобального влияния через Совет Безопасности ООН, исключило из практики межгосударственного противоборства прямые широкомасштабные военные действия между ними [Арбатов, 2018, с. 8–9], а понимание формулы победы трансформировалось от уничтожения противника на поле боя с последующей диктовкой своих условий к постепенному истощению ресурсов противника в целях склонения его к переговорам [Цымбурский, 1996, с. 38–40]. Одновременно происходит усложнение конфигурации международной системы в целом, «в основном за счет появления новых и исчезновения старых ячеек межгосударственной сети» [Ильин, 2016, с. 35]. Начались поиски альтернативных способов подавления геополитического конкурента, и в связи с этим оказались востребованы иррегулярные силы комбатантов, формально не связанных с государством, не подпадающих под конвенциональное право регулирования войн. Не сразу политическое руководство великих держав пришло к пониманию того, что заигрывание с негосударственными акторами вооруженного политического насилия рано или поздно неизбежно оборачивается против их покровителей. Например, один из основателей «Аль-Каиды» Усама бен Ладен и лидер талибов Мухаммед Умар (мулла Омар) в 80-е годы XX в. сражались с просоветским режимом в Афганистане под покровительством США, а уже в 90-х годах стали главной угрозой для американской национальной безопасности.

Использование негосударственных комбатантов, практикующих террористические методы, органично вписалось и в основанные на концепции «мягкой силы» [Най, 2014] различные стратегии дестабилизации социально-политической ситуации в современных авторитарных или переходных политиях, получивших обобщенное название «управляемый хаос». Интерес к данному феномену в российской политологии возник на волне падения власти в целом ряде стран Ближнего Востока, Центральной Азии, Восточной Европы и вызвал вполне понятные опасения и экстраполяции на российскую действительность.

Терроризм и современная городская среда

Второй блок факторов, повлиявших на современную эволюцию терроризма, связан с особенностями городской среды. На какие процессы здесь следует обратить внимание?

Надгосударственная межгородская интеграция. Глобализация не только ускорила процесс урбанизации как перемещения населения из сельской местности в городскую среду, но и изменила экономическое, политическое и культурное значение города. Возникает эффект надгосударственной межгородской интеграции, глобальной городской сети, которая, в отличие от национального государства, склонна не защищать суверенные границы, а взламывать, «размывать» их [Фрост, 2018, с. 25]. Экономическая структура современного успешного города нацелена на постоянный приток качественной рабочей силы, интенсификацию товарооборота с городами других государств. На протяжении XX в. село, будучи оплотом традиционализма, в целом верно поддерживало консервативно-государственническое начало. Но село, повсеместно отдающее демографическую массу либо по естественным экономическим причинам, либо под давлением государственных централизованных кампаний (индустриализация в СССР), все ошутимее утрачивало политическое значение, уступая место перенаселенным сперва националистическим, а затем и современным интернационализированным глобальным городам.

Эволюция социальной городской среды. Современный мегаполис предоставляет террористам широкие возможности для деструктивной деятельности как из-за большого количества уязвимых объектов, так и благодаря возможности затеряться, стать невидимыми для органов безопасности, растворившись в атмосфере разреженных социальных связей, коммерциализации и коррупции. В августе 2004 г. смертницы-исламистки А. Нагаева и С. Джебиханова обошли систему безопасности московского аэропорта Домодедово, воспользовавшись услугами перекупщиков билетов, в чей незаконный бизнес были вовлечены и работники аэропорта. В итоге взятка в две тысячи рублей позволила террористам проникнуть на борт двух воздушных судов и унесла жизни 89 человек. В декабре 2013 г. один из двух смертников-исламистов, прибывших в Волгоград, избежал ареста, сумев за взятку без регистрации переночевать в гостинице недалеко от железнодорожного вокзала, взорванного накануне его сообщни-

ком, благодаря чему своевременно не попал в поле зрения правоохранительных органов. На следующий день он совершил теракт в городском троллейбусе, в результате которого погибли 16 человек.

Против тактики «живых бомб» городская система безопасности пока не разработала эффективных мер противодействия – не случайно ей столь большое значение придают современные террористические организации религиозной направленности. Как отмечают израильские эксперты, «Аль-Каида приняла самоубийство в качестве высшего воплощения глобального джихада и подняла исламское мученичество (*истишхад*) до статуса символа веры. Руководители “Аль-Каиды” культивировали дух организации, строя ее этос вокруг приверженности самопожертвованию и воплощения этой идеи в атаках смертников» [Schweitzer, 2005, p. 26].

«Социальная анонимность» и связанные с ней эффекты (в том числе пониженное чувство социальной ответственности, должностная халатность, готовность пренебречь правилами безопасности ради материальной выгоды) характерны для жителей мегаполисов. В малых городах, где еще сохраняются стабильная социальная структура и отчасти территориально-общинный тип социальных соседских связей, она проявляется слабее. Показательна судьба террористической группировки так называемых «Приморских партизан» (2010). Ведя свою преступную деятельность в сельской местности, хорошо им известной с детства, они находили поддержку у части знакомых местных жителей и оставались неуловимыми для российских антитеррористических подразделений и других силовых структур, безуспешно блокировавших район действий боевиков. Но стоило «партизанам» перебраться в Уссурийск на съемную квартиру в многоквартирном доме, как на их след органы правопорядка немедленно навел сосед, озадаченный появлением незнакомых ему молодых жильцов [Антонов, 2011, с. 112].

Городской ландшафт. В западной криминологии традиционно принято выделять три блока факторов, объективно влияющих на уровень городской преступности [Шнайдер, 1994, с. 201–203]:

– географический (пространственно-временной), выявляющий городские районы с повышенной социальной тревожностью, перерастающей в девиантное поведение;

– экологический (средовой), выявляющий воздействие на девиантное поведение горожан окружающей среды, особенностей местности, климата, растительного и животного мира и т.д.;

– топографический (локационный), анализирующий устройство конкретного места преступления, будь то здание, квартира, магазин, пространство между двумя домами и т.д.

На основе анализа этих факторов европейская и американская урбанистика вывела множественные закономерности организации городского социального пространства, минимизирующие склонность к девиантному поведению граждан. Например, была признана нежелательной массовая застройка городского пространства высотными (в несколько десятков этажей) зданиями жилого назначения, поскольку это не только приводило к дискомфорту и «скученности» населения, но и способствовало социальной самоизоляции граждан в границах личного проживания при малом интересе к тому, что происходит за дверью квартиры. Многие из выявленных негативных закономерностей удалось учесть и нейтрализовать в современных стратегиях развития городов, что потенциально ведет к снижению криминальных действий в социуме, но, к сожалению, не защищает от политически мотивированного вооруженного насилия.

Уязвимость инфраструктуры. Российские специалисты в сфере современной урбанистики констатируют: «Анализ различных данных в области защиты городов показал, что на сегодняшний день проблема влияния терроризма и военных конфликтов на городское пространство слабо изучена, архитекторы не готовы дать адекватных решений по защите населения архитектурно-градостроительными средствами. Исходя из этого, реального прорыва в области защитной архитектуры можно ждать только в будущем» [Каримуллин, 2011, с. 28]. Террористическая опасность будет нарастать и по мере неизбежной компьютеризации и автоматизации управления городской инфраструктурой и промышленностью [Jones, 2006, p. 14–24]. С 2004 г. по настоящее время общие экономические потери европейской экономики от действий городских террористов составили 185 млрд евро, из них расходы, непосредственно связанные с гибелью или ранениями граждан, повреждением инфраструктуры, составили 5,6 млрд евро [Balle-gooij, 2018, p. 3].

В городе террористов интересуют зоны высокой концентрации беззащитных людей. Поэтому, в зависимости от тактических

задач, они либо совершают атаки на больницы, школы, театральные центры и другие объекты, подходящие для быстрого захвата большого числа заложников и последующего их удержания, либо размещают взрывные устройства на объектах общественного транспорта, вокзалах, в аэропортах, не останавливаясь перед собственной гибелью. Статистика показывает, что в 85–90% случаев террористических актов в городской черте объектом становится именно транспортная инфраструктура [Frolov, 2006, p. 35]. В последние годы Западная Европа и Россия столкнулись с новой террористической тактикой: террористы-одиночки с помощью подручных средств нападают на горожан в местах их массового скопления, направляя грузовые машины на пешеходные зоны, нападая с холодным оружием на людей на улицах, вокзалах, в торговых центрах.

Если готовящийся традиционными методами террористический акт (наличие группы с заказчиком, помощниками, исполнителями, источниками и каналами финансирования, изготовлением взрывчатых веществ и огнестрельного оружия) в ряде случаев успешно выявляется и предотвращается органами правопорядка, то против описанной выше новой тактики городского терроризма политически мотивированных одиночек системы противодействия пока выстроить не удалось.

Среди современных факторов риска террористической опасности в мегаполисе эксперты называют неконтролируемые миграционные потоки, пребывание в городе лиц, причастных к деятельности террористических организаций, наличие сети религиозных учебных заведений в том случае, если имеется вероятность их скрытого перехода под идеологический контроль экстремистов [Федоров, 2012, с. 143–144].

Ресурсная база для боевиков. Гражданские войны в Ливии и Сирии последних лет выявили еще одну тактическую линию террористов. Когда численность боевиков возрастает хотя бы до нескольких сотен человек, они проникают в город под видом мирных жителей, затем захватывают целый квартал, район или другую локацию, используя находящиеся там ресурсы (продовольствие, медикаменты, технику и т.д.) и прикрываясь местными жителями как заложниками. Бои в городской застройке, при большом количестве мирного населения и необходимости причинения минимума повреждений материальным объектам показали неэффективность действий сил защиты правопорядка. Столкнувшись с наличием бое-

виков в городе, власть вынуждена была пытаться их уничтожить либо «при помощи отрядов, специализировавшихся на внезапном нападении на неподготовленного или несистемного противника» [Набиев, 2016, с. 99], либо с использованием полноценных военных подразделений с тяжелым вооружением. В первом случае большие потери несут сами штурмующие подразделения, во втором – армии приходится разрушать жилую застройку, в которой укрываются боевики, способные в решающий момент смешаться с беженцами и покинуть район контртеррористической операции, чтобы через некоторое время взять под контроль другую зону города.

* * *

Демократия, как способ политической организации социума, пока не способна полностью исключить терроризм как политическую практику, несмотря на возможность оппозиционно настроенных граждан легально включаться в политический процесс. Эта проблема была подробно исследована американскими политологами под руководством профессора Калифорнийского университета Д. Рапопорта. Обобщая свои наблюдения за политическими режимами переходного типа, исследователь замечает: «Политическое насилие резко возросло в большинстве современных государств сразу после введения демократических форм правления» [Rapoport, 2001, p. 3], а наличие современного института политических выборов, изначально призванного обеспечить ненасильственное разрешение конфликтов, не гарантирует, к смущению «добрых демократов», от всплеск терроризма [Ibid., p. 16].

Не только «молодые», но и «старые» демократии Европы и Америки не могут выстроить гарантированной системы защиты от современного терроризма. Его истоки отличаются от тех, с которыми Запад имел дело во второй половине XX в., когда он в целом справился с поставленной задачей, подавив террористические движения как ультралевого, так и ультраправого националистического толка. К успеху привело сочетание программ государственной социальной поддержки материально уязвимых страт социума, создание разветвленной системы антитеррористических служб и мировоззренческая эволюция, последовавшая вслед за формированием общества потребления. Консьюмеризм, ставший жизненной

философией Запада, маргинализировал протестные формы политического поведения, популярные в молодежной среде 60–70-х годов XX в., обозначив в качестве основных ценностей умение адаптироваться к окружающей среде, построить карьеру, добиться материального успеха, социального признания, сохранить здоровье и активное долголетие. Все эти жизненные ценности плохо сочетались с психологией терроризма, стремительно утрачивающего кадровую базу.

Положительную тенденцию изменила глобализация, вошедшая в последние десятилетия XX в. в фазу массового перемещения населения из бедных регионов планеты в богатые, из политически нестабильных и опасных для проживания – в безопасные и комфортные. По трагическому для западной цивилизации совпадению эта фаза синхронизировалась с так называемым «исламским возрождением», превращением его в одну из ведущих политических сил современности, включая и неизбежные на каком-то этапе проявления религиозного радикализма. Необустроенная, голодная и религиозная «Глобальная Деревня» пришла в сытый, благополучный и аполитичный «Глобальный Город», вызвав острейший конфликт ценностей, к которому Город оказался не готов.

Исследователи отмечают общий тренд радикализации политического сознания молодежи как европейских, так и восточных стран [Bizina, 2014, p. 79], причем глобализация способствует взаимопроникновению и смешению этих страт, порождая феномен коренного европейца-исламиста. Городская среда неизбежно воздействует на традиционные религиозные общества, создавая в том числе простор для широкого участия женщин в террористических движениях в прямой или опосредованной форме: «Женский джихад означает, что женщины оказывают сильное влияние на нынешнее и следующее поколение террористов, поддерживая своих мужей и братьев, содействуя организациям и террористическим атакам и воспитывая своих детей, чтобы они следовали идеологии» [Nolen, 2016, p. 37].

Ошибкой было бы оценивать возникшую ситуацию как дихотомию Запад – Восток, как противостояние христианства и ислама. Вызов, с которым столкнулась западная цивилизация, гораздо сложнее – социальные, политические, конфессиональные проблемы современного Востока стали частью проблем Запада в рамках глобализовавшегося мира. Каков должен быть ответ на

этот вызов, пока неизвестно. Но уже понятно, что это не изоляция от Востока и тем более не война против него.

Список литературы

- Антонов Р. Приморские партизаны. – М.: Фонд развития и поддержки гражданского общества «РОД», 2011. – 152 с.
- Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные // Полис. Политические исследования. – М., 2018. – № 3. – С. 7–29.
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: Рипол-Классик, 2016. – 224 с.
- Вэйг Т. Телемечтатели. Фракция Красной армии 1963–1993. – Гродно: ГОУПП «Гродн. тип», 2004. – 128 с.
- Гевара Э. Эпизоды революционной войны (сборник). – М.: АСТ, 2005. – 571 с.
- Гуторов В.А., Шириянц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: Некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. – М., 2017. – № 3. – С. 30–54.
- Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. – М., 2016. – № 4. – С. 22–42.
- Каримуллин Т.А., Айдарова Г.Н. Безопасный город в экстремальном мире. Постановка проблемы. Модель // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – Казань, 2011. – № 2 (16). – С. 26–37.
- Кенен Г. Веспер, Энслин, Баадер: Немецкий терроризм: Начало спектакля. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. – 480 с.
- Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. – Mode of access: [http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20\(русский\).pdf](http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20(русский).pdf) (Дата посещения: 24.06.2018.)
- Маркос С.И. Четвертая мировая война. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 695 с.
- Набиев Р.Ф. Некоторые особенности силового противодействия вооруженным экстремистским подразделениям в городских условиях // Вестник Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2016. – № 2 (24). – С. 99–100.
- Най Дж. Будущее власти. – М.: Аст, 2014. – 444 с.
- Оганян Р. Театр террора. – М.: Грифон, 2006. – 336 с.
- Парфрей А. Аллах не любит Америку. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 432 с.
- Попов Ю.И., Тягоненко Ю.И. Использование специальных подразделений по борьбе с терроризмом в городских условиях // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – СПб., 2011. – № 5. – С. 39–44.
- Рогожина Н. «Исламское государство» – угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 2. – С. 5–14.

- Федеральный закон от 06.03.2006 № 35–ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/ (Дата посещения 24.06.2018.)
- Федоров И.В. Система правового регулирования антитеррористической безопасности мегаполиса (социально-философский аспект) // Управление мегаполисом. – М., 2012. – № 2. – С. 140–144.
- Фрост И., Подкорытова М. Политический аспект глобализации постсоветского пространства: Города и государства // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2018. – № 4. – С. 25–34.
- Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 635 с.
- Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 264 с.
- Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 3. – С. 27–55.
- Шнайдер Г. Криминология. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1994. – 504 с.
- Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 318 с.
- Яшлавский А. «Аль-Каида»: Старое зло в новом обличье // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2017. – № 7. – С. 27–34.
- Ballegooij W., Bakowski P. The fight against terrorism. Cost of Non-Europe Report (PE 621.817) // EPRS: European Parliamentary Research Service. – Brussels, 2018. – May. – Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU\(2018\)621817_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU(2018)621817_EN.pdf) (Дата посещения: 20.06.2018.)
- Bizina M., Gray H. Radicalization of youth as a growing concern for counter-terrorism policy // Global security studies. – Oxford, 2014. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 72–79.
- Frolov K. Problems of urban terrorism in Russia // Table of contents for Countering urban terrorism in Russia and the United States: Proceedings of a workshop. – Washington, DC: National Academies press, 2006. – P. 34–49.
- Jones A., Wells L., Wolin M. Cybersecurity and urban terrorism – Vulnerability of the emergency responders // Table of contents for Countering urban terrorism in Russia and the United States: Proceedings of a workshop. – Washington, DC: National Academies press, 2006. – P. 14–24.
- Malkki L., Sallamaa D. To call or not to call it terrorism: Public debate on ideologically-motivated acts of violence in Finland, 1991–2015 // Terrorism and political violence. – L., 2008. – June, 4. – Mode of access: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1447191> (Дата посещения: 21.06.2018.)
- Nolen E. Female suicide bombers: Coerced or committed? // Global security studies. – Oxford, 2016. – Vol. 7, Iss. 2. – P. 30–40.
- Rapoport D.C., Weinberg L. The democratic experience and political violence. – Portland, OR: Frank. Cass, 2001. – 387 p.
- Schweitzer Y., Goldstein S. Al-Qaeda and the internationalization of suicide terrorism: Memorandum N 78. – Tel Aviv, 2005. – 95 p.

Todenhöfer J. Inside IS – 10 Tage im «Islamischen Staat». – München: Bertelsmann Verlag, 2015. – 288 S.

Ward A. Terrorism remains a contested term, with no set definition for the concept or broad agreement among academic experts on its usage // The National interest. – N.Y., 2018. – May, 31. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/how-do-you-define-terrorism-26058?page=2> (Дата посещения: 20.06.2018.)

А.Г. БОЛЬШАКОВ*

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье исследовано влияние цифровизации, информационной революции на развитие политического терроризма в современный период. Отмечено, что цифровизация увеличит отставание многих обществ, что повлечет за собой обострение социально-политического конфликта и рост терроризма как его особой разновидности. Одновременно она создает условия и для появления новых методов и форм политического терроризма, включая кибертерроризм. Показана взаимосвязь между современным политическим терроризмом и медийными структурами: интерес СМИ к освещению деятельности террористов и новые возможности использования СМИ террористами в цифровом обществе. Освещен вопрос о пересмотре информационной политики по проблемам терроризма и о мерах по его эффективной профилактике в целом.

Ключевые слова: политический терроризм; исследования конфликта; «цифровое общество»; кибертерроризм; сетевой терроризм; средства массовой информации и терроризм; противодействие терроризму.

Для цитирования: Большаков А.Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 90–106. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.05

* **Большаков Андрей Георгиевич**, доктор политических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Bolshakov Andrey, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia), e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

© Большаков А.Г., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.05

A.G. Bolshakov
The phenomenon of political terrorism
in the era of informational digital revolution in modern society

Abstract. The article examines the influence of digitalization (informational revolution) on development of political terrorism in the present day. It is stated that digitalization would make many societies lag further and further behind, which would deepen the social and political conflict and empower terrorism as a special kind of such conflict. At the same time, it would create conditions for the rise of new methods and forms of political terrorism such as cyberterrorism. The author shows the relationships between political terrorism and media structures, namely the interest of the media to follow the terrorists' activities and new ways terrorists can use media in a digitalized society. The article goes on to discuss how the informational policy is changing in respect to terrorism and in general terms the measures to efficiently prevent it.

Keywords: political terrorism; conflict studies; «digital society»; cyberterrorism; network terrorism; media and terrorism; counter-terrorism.

For citation: Bolshakov A.G. The phenomenon of political terrorism in the era of informational digital revolution in modern society // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 90–106. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.05

В современном обществе политический терроризм обычно понимается как радикальная форма социального протеста. На сегодняшнем этапе эта проблематика входит в сферу интересов многих политических и иных дисциплин, включая исследования конфликта и мира. Учитывая сенсационную динамику распространения терроризма и развитие информационных технологий, она требует постоянного мониторинга, анализа, прогнозирования, поиска путей ограничения влияния терроризма на современное общество. Появилась даже особая междисциплинарная отрасль научного знания – террология, которая претендует на особый статус в политических науках. Предметом ее внимания являются многочисленные проявления и аспекты политического терроризма.

Терроризм – сложнейший социально-политический феномен. Он динамичен, подвержен изменениям, и его сложно определить. Многие концептуальные аспекты политического терроризма не разработаны, многие имеющиеся разработки быстро устаревают. В научной литературе терроризм обычно понимается весьма широко – как политика систематического применения силы или угрозы ее применения с целью достижения политических изменений. Согласно наиболее распространенному определению американского тер-

ролога У. Лакера, он представляет собой «незаконное использование силы против невиновных людей для достижения политических целей» [Laquer, 1987, p. 97].

Политический терроризм известен человечеству много веков. Систематическое применение террора в массовом масштабе со стороны государства исследователи связывают с Великой французской революцией 1789 г. Она же сделала возможным его первое рациональное осмысление в политических теориях.

До 1970-х годов политический терроризм рассматривался в качестве маргинального общественного явления. После этого его значение стало неуклонно возрастать, но только в современную информационную эпоху он превратился в явление глобального масштаба [Rubin, Rubin, 2008]. Политический терроризм считают конфликтогенным фактором формирования современного «цифрового общества», по крайней мере в двух аспектах: как угроза власти большинства и принципам плюралистического управления и как сила, способная овладеть новыми видами вооружения или смертоносными технологиями и применить их против международного сообщества. К сожалению, цифровизация, искусственный интеллект, роботизация в современном социуме могут только способствовать этому.

Концепции безопасности, в рамках которых традиционно изучается политический терроризм, существенно дополняются и модернизируются таким научным направлением, как исследования конфликта. В соответствии с характерной для этого направления методологией политический процесс рассматривается как феномен, порождаемый конкуренцией и эксплуатацией. Предметом анализа выступают борьба различных групп за ограниченные ресурсы и механизмы использования элитой своего превосходства для доминирования над подвластными. Исследования конфликта создают оптимальную методологическую рамку для понимания и интерпретации политического терроризма как проявления интенсивной конфликтности [Современный терроризм... 2000, с. 5–8; 36–53].

Международный терроризм обычно понимается в политической науке как одна из разновидностей политического терроризма. Его основными акторами являются негосударственные террористические организации и группы – «террористические сети». В последний период они заявляют о себе как о полноправных участниках региональной и глобальной политики, осуществляют со-

вместные операции и блокируются с организованной преступностью, для которой в том числе характерны коррупционные связи с государственными структурами [Грачев, Мольков, 2016, с. 33–34]. Этот вид терроризма представляет наибольшую опасность для мирового политического порядка, так как стремится к его разрушению.

Политический терроризм в информационном обществе

Современное общество принято называть информационным. Главным механизмом его развития является информационно-цифровая революция. Она зародилась в конце 40-х годов XX в. и связана с возникновением кибернетики как науки об информации и управлении. Именно с этого момента общество живет в двух реальностях: традиционной и цифровой.

В России в ходе недавних публичных дискуссий было заявлено о необходимости развития цифровой экономики. В ряде стран такая задача была поставлена перед структурами управления на восемь-десять лет раньше. В частности, в Великобритании еще в 2010 г. парламентом был принят закон о цифровой экономике (*Digital Economy Act 2010*), за которым последовала разработка стратегии и конкретных планов. Сегодня Великобритания, наряду с США, Сингапуром, Германией, уже реально живет в условиях цифровой экономики. Для России переломным стал 2017 г., когда политическая элита страны и ведущие экономисты стали публично обсуждать тренды и проблемы процесса цифровизации экономики. Была принята правительственная программа, которая должна быть реализована в ближайшие годы.

Бурное развитие цифровизации связывают с промышленной революцией XXI в. В 2011 г. американский экономист Дж. Рифкин опубликовал книгу «Третья промышленная революция» [Рифкин, 2014]. В ней показано, что появились технологии, которые меняют производство, управление, жизнь человека. Его идеи нашли отклик и привели к дискуссиям в Китае, США, странах Европейского союза, на постсоветском пространстве – в Казахстане.

В 2016 г. К. Шваб в Давосе выдвигает новую идею – четвертой промышленной революции [Шваб, 2016]. Речь идет об интеграции всех технологий третьей промышленной революции на базе искусственного интеллекта. Ведущая роль отведена Интернету

вещей, робототехнике, созданию новых материалов с заданными свойствами. За четвертой промышленной революцией стоит конкретный проект «Индустрия 4.0», который подготовлен в Германии. Суть его – значительное увеличение производительности труда и прорыв в качестве социально-экономической жизни человека.

В марте 2017 г. в Ганновере премьер-министр Японии С. Абэ, выступая на выставке информационных и телекоммуникационных технологий (ее участниками стали свыше трех тысяч крупнейших мировых инновационных компаний, а посетило более 200 тыс. человек), заявил, что Япония подготовила новый цифровой проект – «Общество 5.0», предусматривающий перевод всего общества на цифровую основу.

На цифровые технологии переходит даже парламент. Искусственный интеллект будет готовить нормативно-правовые акты. Он и технологии больших данных определяют основные проблемы социального неравенства и будут их разрешать. И все это уже делается на основании пятилетнего плана, разработанного правительством Японии в 2016 г., – до 2021 г. Мир изменяется, параллельно идут традиционная жизнь и совершенно иная, цифровая.

Новая эпоха порождает масштабные социальные конфликты: многие люди в рамках четвертой промышленной революции теряют свои деньги, статусы, общественные позиции. Социальные изменения порождают несколько негативных тенденций, которые будут определять ситуацию на фоне развития цифрового общества. Первая тенденция – это увеличение социального неравенства, поскольку преимущество будут иметь те, кто полностью вошел в цифровую экономику (страны, регионы, сетевые корпорации, группы, принимающие решения). Те, у кого нет этого допуска, остаются на периферии мирового развития.

Вторая тенденция заключается в том, что увеличение социального неравенства порождает масштабные миграционные процессы. Перемещение больших групп людей значимо не только с точки зрения экономики – мобильность осуществляется в сопровождении традиционных ценностей, порождающих конфликт культур. Следовательно, возможны региональные войны и воспроизводство конфликта цивилизаций в глобальном масштабе. Наглядным примером являются слабо контролируемые властями потоки беженцев-мигрантов с Ближнего Востока в страны Европейского союза.

Те, кто в современном обществе владеют цифровыми технологиями, полностью контролируют властные рычаги, выборы, воздействие на умы, потому что цифровые технологии соединены с процессом психологического воздействия на людей. Цифровые общества имеют и преимущества биологического выживания, так как в них можно пользоваться достижениями цифровой медицины, которая увеличивает продолжительность человеческой жизни. Остальная часть мирового сообщества этих преимуществ не имеет и иметь не будет. Социальный разрыв, который существовал задолго до цифровой революции, по всей видимости, будет только увеличиваться. Конфликты, которые обусловлены этим процессом, приобретают формы так называемых «новых войн» (например, гибридных), сетевых «цветных революций», сетевого терроризма, кибертерроризма.

По мнению К. Арчетти, количество новых форм войны не будет уменьшаться, такие войны будут происходить наряду с традиционными [Archetti, 2015, p. 49–52]. Так, в современном конфликте в Сирии задействованы военные роботы – «дроны», которые используются для разведки, перехвата сигналов связи и поражения целей. Программы этих аппаратов могут обеспечивать автономное выполнение некоторых функций. Оснащенные взрывчаткой дроны применяют и террористы. Это уже новый тип войны.

В ряде стран приняты законы о защите информационной инфраструктуры, безопасность которой – одна из главных проблем современного общества. Свой потенциал мобилизации социальные сети продемонстрировали в постсоветских и арабских «революциях», которые называют революциями Фейсбука и Твиттера. Следствием развития информационных технологий является и сетевая природа современного терроризма.

Цифровизация современного общества создает абсолютно новые возможности для его последовательного развития и преобразований, но она же значительно понижает степень его безопасности. Появление новых технологий увеличивает вероятность их применения террористами в качестве средств поражения [Sageman, 2011, p. 197–198]. Однако возможность двойного использования новых, сугубо мирных технологий часто не только не предусматривается, но и не осознается их создателями, что представляет собой и этическую проблему.

Террористы эффективно используют возможности информационно-телекоммуникационных систем для связи и получения информации. Большинство террористических актов рассчитаны не только на массовые человеческие жертвы, нанесение материального ущерба, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на людей создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей.

Кроме того, цифровое неравенство и появление проигравших информационную гонку стран могут послужить причиной для нового витка террористической активности против стран-лидеров.

В условиях формирования цифрового общества терроризм превратился в отдельную угрозу государственной целостности и международной стабильности. При этом особенно остро вопрос обеспечения информационной безопасности встает в контексте появления транснационального кибертерроризма [Terrorism and extremism... 2014].

Терроризм и СМИ:

Типы информационной политики в современном обществе

СМИ имеют постоянное влияние на рост политического терроризма [Wilkinson, 1973]. Глобальное распространение терроризма, его изменения и решающая роль средств массовой информации в этом процессе в последние десятилетия обуславливают необходимость исследования этого феномена.

Террористические организации признали важность средств массовой информации для удовлетворения своих целей. Между современным политическим терроризмом и медийными структурами существуют отношения тесного взаимодействия, поскольку средства массовой информации имеют отраслевые шаблоны для производства мультимедийного контента, отдавая предпочтение сенсационной информации, тогда как действия террористических групп ее обеспечивают [Кочои, 2005, с. 109]. Новейшая история предоставила много примеров взаимовыгодных отношений между террористическими организациями и СМИ.

Масштабные теракты доказывают, что террористические структуры используют СМИ в интересах сбора информации, вербовки, мобилизации финансовых ресурсов и пропаганды. Объяс-

нить вышеупомянутый симбиоз можно тем, что без освещения в СМИ влияние террористического акта на общественно-политическую систему окажется невозможным [Nia, 2010, p. 7–8].

Информационная революция, цифровизация общества постепенно формируют новую информационную политику по освещению феномена политического терроризма в СМИ. В ее основе лежит неприятие политического терроризма как способа решения проблем в современном обществе. До этого упор в информационной политике многих стран, страдающих от проявлений политического терроризма, делался на количество информационных сообщений о деятельности террористических группировок, а их содержание сводилось к констатации фактов угроз для политических лидеров или объектов инфраструктуры и информации об изменениях в законодательстве.

Новые методы освещения политического терроризма предполагают более информативную и ясную для аудитории политику. Ряд СМИ в различных странах уже осуществляют на практике комплексную информационную политику по проблемам терроризма, в частности, выполняют одну из важнейших функций в этой области – просветительскую, которая способствует эффективности профилактики терроризма в гражданском обществе.

С помощью новых методов реализуется более рациональная информационная политика. Также стоит отметить, что классическая информационная политика была более агрессивной и навязчивой, упоминание проблематики терроризма значительно превышало необходимые пределы. Вместе с тем она предполагала, что информация о дальнейшем ходе расследования террористических актов может быть представлена в СМИ незначительно.

Современные установки диаметрально противоположны. Главная задача средств массовой информации состоит в освещении хода расследования террористических актов, преследования террористов и пресечения их деятельности. Большое внимание уделяется проблемам контроля над возможным финансированием террористических организаций. Все это отвечает целям повышения уровня доверия общества к государственному аппарату, роста заинтересованности в противодействии этому глобальному негативному феномену [Sageman, 2011, p. 43–44].

В контексте общемировых трендов работают сегодня и российские СМИ. Здесь за последние 15 лет произошли значительные

изменения в информационной политике. Ушла в прошлое демонстрация жертв террористических актов, прямого насилия, стала невозможной реклама террористических групп, их сторонников и последователей, большое внимание уделяется выступлениям официальных лиц, а не субъективным интерпретациям событий журналистами. Основной упор делается на мнение аналитиков и экспертов, которые компетентны, владеют необходимой информацией, но не перегружают публичное информационное поле излишним профессиональным детализированием.

Связь и взаимодействие политического терроризма и средств массовой информации представляются неоспоримыми. Этот симбиоз изучают многие политологи, журналисты и специалисты в информационной сфере. Он является ключевым с точки зрения национальной и международной безопасности, поскольку СМИ стали оружием масштабного воздействия на общество, а террористические сети и организации пытаются обществом управлять.

Одной из основных целей террористов является привлечение внимания средств массовой информации, общественности и лиц, принимающих решения в правительстве. Чтобы обеспечить выгодное освещение терактов в СМИ, террористы тщательно выбирают места, в которых осуществляются теракты. Они специально просчитывают «эффективность» тех или иных мест, количество пострадавших и свидетелей. Им на руку играет современная тенденция превращать терроризм в «шоу», о чем свидетельствует освещение крупных террористических актов.

Представляется, однако, что цели террористов не сводятся к овладению вниманием общества. Через СМИ они пытаются пропагандировать свои политические взгляды, информировать как своих сообщников, так и противников о мотивах террористических актов, обосновывать и оправдывать насилие [Brigitte, 2006, p. 405]. Кроме того, они стремятся к тому, чтобы их главарей воспринимали как законных мировых лидеров, и в этом отношении средства массовой информации как бы уравнивают «борцов» с легальными политическими деятелями по статусу. Таким образом, для террористов СМИ являются инструментом, который позволяет сократить асимметрию между ними и их противниками в фактической и идеологической войне, создать атмосферу страха, узаконить их действия и достичь внимания больших аудиторий [Seib, Janbek, 2011, p. 122].

Причина этого заключается в том, что насилие является центральным и определяющим явлением в современной телевизионной культуре, значимо для большого числа интернет-сообществ, а в семиотическом и финансовом отношениях – для современных медиаорганизаций.

СМИ ориентированы на получение прибыли, в том числе в контексте противодействия терроризму: они работают на высококонкурентном медийном рынке, а значительное число топ-менеджеров средств массовой информации сегодня приходят из мира корпораций, а не из журналистской среды. Особенно это характерно для мировых медийных структур, формирующих глобальную аудиторию и общественное мнение посредством технологий фрейминга. Отношение аудитории к тому или иному явлению, характер реакции на него зависят только от того, как это будет передано в СМИ [Terrorism and extremism... 2014, p. 135].

Представляется, что через использование вышеуказанных методов средства массовой информации могут прямо или косвенно служить интересам террористов путем упрощения информации для зрителя до того, что она будет иметь мало общего с реальными событиями [Archetti, 2015].

Чтобы изменить симбиотические отношения между политическим терроризмом и медийными структурами, важное значение для средств массовой информации имеет анализ и пересмотр риторики при освещении новостей, связанных с терроризмом [Brigitte, 2006, p. 105]. СМИ не должны способствовать формированию и закреплению стереотипов, мифов и установок о тех или иных религиозных, этнических меньшинствах. Дихотомическая картинка (хороший / плохой) может вызвать социальные волнения в разделенных мультикультурных обществах, спровоцировать новые вспышки агрессии, гнева, создать условия для потенциальных вербовщиков.

СМИ обладают такими огромными возможностями привлечения внимания общественности к той или иной проблеме, каких нет ни у одного государства, и должны играть более значимую роль в противодействии терроризму [Хофман, 2003]. Тем не менее только комплексное взаимодействие средств массовой информации, государственной власти и гражданского общества может выступать эффективным инструментом решения этой глобальной проблемы. При обеспечении «информационного голода» для тер-

рористов станет возможным проведение более масштабных мер на уровне национальной политики, чтобы выиграть идеологическую и информационную борьбу с терроризмом [Midlarsky, 2011; Rubin, Rubin, 2008].

Представляется, что российские СМИ, несмотря на современные условия информационной войны с западными странами, должны в рамках освещения проблем политического терроризма перейти к политике его профилактики и просвещения граждан, а не сводить к минимуму информационные сообщения об ужесточении законодательства и констатировать, что мировое сообщество столкнулось с проблемой глобального терроризма.

В последние годы средства массовой информации значительно трансформировали свои собственные формы и контент. Доступность Интернета, появление интернет-СМИ, социальных сетей, мессенджеров, телеграмм-каналов создают совершенно новую коммуникационную реальность. Все эти новые средства массовой информации используются и террористическими группировками для пропаганды их идей, осуществления глобального насилия. Новые СМИ по-прежнему взаимодействуют с террористическими группами и организациями, только теперь характер их интеракции приобрел совершенно новый, сетевой характер [Seib, Janbek, 2011].

Политический терроризм как сетевой сегмент гибридных войн современности

Политический терроризм часто интерпретируется в научной литературе как «нетрадиционная угроза международной и национальной безопасности» [Кокошин, 2013; Тренин, 2015]. По всей видимости, подобная трактовка постепенно уступит место пониманию терроризма как главной угрозы международной безопасности в XXI в. Наиболее значимыми глобальными примерами в этом плане являются события 11 сентября 2001 г. и экспансия запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» на Ближнем Востоке и в других регионах мира.

Любые типы конфликтов в «цифровом обществе» демонстрируют возрастающее влияние информационных и коммуникационных факторов. В гораздо большей степени, чем когда-либо, эти

конфликты связаны с использованием технологий «мягкой силы». Противоборствующие стороны активно обращаются к информационным атакам и психологической дезориентации противника, что является не менее значимой задачей в конфликте, чем физическое устранение противника. «Буря в пустыне» (операция многонациональных сил по освобождению Кувейта в 1991 г.) стала Рубиком в переходе от обычной к гибридной войне с использованием новейших информационных технологий того времени и новейших методов «бесконтактной войны». Операция ВКС России в Сирии сопровождалась информационной битвой отечественных СМИ с «Белыми касками» (неправительственной добровольческой организацией «Сирийская гражданская оборона»), которые получали в это время финансирование от США и ряда европейских стран.

Таким образом, основные изменения в современных гибридных войнах связаны с отношением характера противоборствующих сторон, видов угроз, которые они могут представлять, а также в способах ведения конфликта. Угрозы информационного общества, в том числе в сфере противодействия терроризму, стали более неоднозначными и неопределенными в сравнении с традиционными угрозами войн и вооруженных конфликтов недавнего прошлого [Midlarsky, 2011, p. 331].

В «цифровом обществе» реальную опасность могут представлять не только хорошо организованные и сплоченные террористические организации, но и прежде никому не известные малочисленные группы маргиналов или даже террористы-одиночки («индивидуальный терроризм»), которые появляются внезапно непосредственно перед нанесением удара и стремительно исчезают после него.

Инновации, которые определяют характеристики политического терроризма в «цифровом обществе», следует искать в сферах организации, направленности и технологии террористической деятельности.

В организационном отношении политический терроризм продолжает движение от иерархических к сетевым структурам информационного общества. Вертикальное подчинение уступило место децентрализованной координации. Основные усилия направлены на формирование транснациональных сетей, а не традиционных иерархических организаций.

Главная проблема, связанная с противостоянием общества и террористов, порождена тем, что любые формы государственного противодействия в информационную эпоху малоэффективны. Государство имеет иерархический характер и не может эффективно противостоять сетевым террористическим организациям. Это касается даже наиболее сильных государств и мощных спецслужб развитых стран. Обезвредив одну или несколько групп террористов, спецслужбы не могут парализовать деятельность всей сетевой организации, поскольку выход на центры принятия решений здесь практически невозможен. Для эффективного противостояния сетевым террористическим структурам необходимы сетевые негосударственные акторы [Schuurman, Taylor, 2018; Terrorism and extremism... 2014].

По направленности деятельности некоторые террористические группы выбрали в качестве приоритетных объектов своих атак вооруженные силы стран НАТО, Китая, России, Ирана и их инфраструктуру. В то же время, оценив потенциал «информационно-психологических операций», другая часть террористических сетей использует стратегию нарушения работоспособности системы. Наибольшую сложность по противодействию политическому терроризму представляет тактика сворминга (пчелиного роя), которая предполагает наличие распределенной сети разрозненных звеньев, атакующих выбранную цель одновременно с различных направлений. Задействованные звенья сети должны быть способны оперативно и скрытно сконцентрировать силы в нужном месте и в нужное время, нанести удар, а потом молниеносно исчезнуть, оставаясь при этом в постоянной готовности собраться вновь и в другом месте [Рифкин, 2014]. Подобную тактику террористическая организация «Исламское государство» использовала в боях против российского спецназа и различных частных военных компаний в Сирии.

В технологической сфере террористы используют в полном объеме передовые информационные технологии как в оборонительных, так и наступательных целях, а также в обеспечении самих сетевых организационных структур.

Все вышесказанное позволяет предположить, что направленность эволюции современного терроризма может быть концептуализирована понятием «гибридная (сетевая) война». Рост и развитие сетей связаны с распространением передовых технологий,

которые позволяют разрозненным группам и даже индивидам осуществлять заговоры, вести подпольную деятельность, координируя свои усилия на значительной географической дистанции.

Развитие сетей способно преобразить облик терроризма в информационную эпоху, способствуя принятию на вооружение стратегии и тактики гибридной войны. Оно предполагает постепенное смещение баланса сил в пользу негосударственных акторов, способных образовывать мультиорганизационные сетевые структуры с большим успехом, чем иерархически организованные государственные субъекты. Сети негосударственных акторов в сравнении с иерархиями представляются более гибкими и адаптированными к меняющейся среде и более эффективными в использовании информационных ресурсов в процессе принятия решений [Archetti, 2015; Malthaner, 2018; Schuurman, Taylor, 2018].

Во многих странах противодействие политическому терроризму включает в себя, во-первых, антитеррористическую политику – оборонительные меры, направленные на то, чтобы снизить уязвимость отдельных лиц и объектов (в частности, это касается обеспечения безопасности полетов на воздушном транспорте), и, во-вторых, контртеррористическую политику – наступательные меры, используемые для предотвращения и сдерживания террористических актов или в ответ на них.

Важно отметить, что государственная политика по противодействию терроризму должна включать в себя решение целого блока социально-политических проблем (достижение реального равноправия, борьба с нищетой, разрешение этнических противоречий и конфликтов и т.п.), что помогает предотвратить новые теракты. Другой стороной государственной политики являются контртеррористические действия, направленные на активную борьбу с реальными проявлениями терроризма.

Умело выстроенная и отлаженная государственная политика по противодействию терроризму дает возможность некоторым государствам (например, Израилю) уже на раннем этапе предотвращать значимое большинство планируемых террористических актов, однако полностью избавиться от угрозы терроризма ни одно государство современности не может.

Отсюда следует, что в цифровом обществе терроризм необходимо воспринимать не столько как проблему, ожидающую своего решения, сколько как постоянно меняющуюся угрозу [Полито-

логия... 2007, с. 705]. Углубляющееся социальное неравенство в информационную эпоху, по всей видимости, будет только расширять спектр социальных протестов, ведущих к прямому насилию, прежде всего, к актам политического терроризма. Сетевой характер террористической деятельности в информационную эпоху делает ее составной частью новых войн и прежде всего гибридной войны.

Понятие «гибридная (сетевая) война» имеет широкую интерпретацию и включает: гражданскую войну, вооруженный конфликт низкой интенсивности, контртеррористическую операцию и даже военные конфликты, носящие нерегулярный характер. Многие акторы гибридных войн по сути являются негосударственными. Часть из них выступают в качестве агентов национальных государств (например, частные военные компании), другие пытаются превратить государства в своих агентов. Целый ряд акторов (террористические и криминальные сети) угрожают интересам национальных государств, патронируют глобальные наркотрафики, пытаются создать религиозные государства с авторитарно-теократическими режимами.

Классический пример – террористическая организация «Исламское государство», которая сформировала квазигосударство-халифат на территории Сирии и Ирака. В 2017 г. это квазигосударственное образование практически перестало существовать благодаря военным операциям сирийской армии при российской поддержке и наступлению иракской, оппозиционной сирийской армий, курдских военизированных подразделений при поддержке международной западной коалиции. Несмотря на военную победу антитеррористических сил перспективы «Исламского государства» до конца не ясны. Сетевая структура террористов позволяет им существовать и развиваться, даже не имея значительных территорий. Ресурсы этой организации, к сожалению, не исчерпаны и могут быть восстановлены в современном информационном обществе [Malthaner, 2018].

Несмотря на способность к регенерации сетевых террористических структур и наличию противоречий и конфликтов среди великих держав и международных организаций в сфере глобального противодействия политическому терроризму, существует ряд мер по его эффективной профилактике. Они включают обычно формирование и введение в действие глобальных режимов кон-

троля над средствами террора (например, материалами для производства нервно-паралитического и бактериологического оружия), использование принудительной дипломатии против государств или квазигосударств, которые оказывают открытую помощь террористам (Сомали, Вазиристан и др.), превентивное применение средств разведки и военной силы против террористов (лагерей, баз, лидеров террористических сетей и групп в Афганистане, Сирии, Ираке, Судане и др.) и проведение международных коалиционных антитеррористических операций (на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и др.).

Список литературы

- Грачев С.И., Мольков С.Н. Современный международный терроризм: Реальность и проблемы противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2016. – № 2. – С. 32–35.
- Кокошин А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – М.: Высшая школа экономики, 2013. – 261 с.
- Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: Уголовно-правовая характеристика. – М.: Проспект, 2005. – 175 с.
- Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 800 с.
- Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
- Современный терроризм: Состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.
- Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. – М.: Эксмо, 2015. – 384 с.
- Хофман Б. Терроризм: Взгляд изнутри = Inside terrorism. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 317 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с.
- Archetti C. Terrorism, communication and new media: Explaining radicalization in the digital age // Perspectives on Terrorism. – Lowell, 2015. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 49–59.
- Brigitte N.L. Terrorism / counterterrorism and media in the age of global communication // United Nations university global seminar second Shimane-Yamaguchi session «Terrorism – a global challenge», 5–8 August 2006. – Tokyo, 2006. – 745 p. – Mode of access: http://archive.unu.edu/gs/files/2006/shimane/Nacos_text_en.pdf (Дата посещения: 26.08.2018.)
- Laquer W. The age of terrorism. – Boston: Little, Brown, 1987. – 320 p.
- Malthaner S. Spaces, ties, and agency: The formation of radical networks // Perspectives on Terrorism. – Lowell, 2018. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 32–43.

- Midlarsky M.I.* Origins of political extremism: Mass violence in the twentieth century and beyond. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – 442 p.
- Nia M.M.* From old to new terrorism: The changing nature of international security // *Globality Studies Journal*. – N.Y., 2010. – N 8. – P. 1–12.
- Rubin B.M., Rubin J.C.* Chronologies of modern terrorism. – Armonk; N.Y.; L.: M.E. Sharpe, 2008. – 455 p.
- Sageman M.* Understanding terror networks. – Philadelphia, PA: Univ. of Pennsylvania press, 2011. – 232 p.
- Schuurman B., Taylor M.* Reconsidering radicalization: Fanaticism and the link between ideas and violence // *Perspectives on Terrorism*. – Lowell, 2018. – Vol. 12, N 1. – P. 3–22.
- Seib Ph., Janbek D.M.* Global terrorism and new media: The post-Al Qaeda generation. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2011. – 142 p.
- Terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalisation and reform / Ed. by A. Silke. – L.; N.Y.: Routledge, 2014. – 312 p.
- Wilkinson P.* Three questions on terrorism // *Government and Opposition*. – L., 1973. – Vol. 8, N 3. – P. 290–312.

В.В. КАФТАН*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАКТИКАХ**

Аннотация. В статье раскрыты особенности создания, распространения и переформатирования антитеррористического дискурса. На основе различных концепций дискурса: гегемонии, дискурсивной борьбы, археологии знания, воображаемого становления общества, дискурс-строа – анализируются различные проявления антитеррористического дискурса в ходе информационно-политического противоборства между современными государствами. На конкретных примерах показана возможность формирования антитеррористического дискурса, представляющего собой совокупность деструктивных высказываний, использующих терроризм как средство управления общественным сознанием, в целях создания особой «террористической» картины мира.

Ключевые слова: дискурс; терроризм; антитеррористический дискурс; гегемония; эпистема; текст; спектакль.

Для цитирования: Кафтан В.В. Теоретические основания конструирования и репрезентации антитеррористического дискурса в современных социально-политических практиках // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 107–123. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.06

* **Кафтан Виталий Викторович**, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, e-mail: kaftanvit@mail.ru

Kaftan Vitaliy, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: kaftanvit@mail.ru

© Кафтан В.В., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.06

V.V. Kaftan

Theoretical foundations of creation and representation of counterterrorism discourse in modern social and political practice

Abstract. The article discusses the peculiarities of creation, distribution and re-formatting of counterterrorism discourse. Based on various concepts of discourse (hegemony, discursive struggle, archeology of knowledge, imaginary formation of society, discourse-system) the author presents different manifestations of counterterrorism discourse in the course of the informational and political confrontation between states. By analyzing specific cases, he shows the possibility of creating a counterterrorism discourse which can be depicted as a set of destructive utterances that use terrorism as a tool influencing public conscience, in order to form a unique terrorist picture of the world.

Keywords: discourse; terrorism; counterterrorism discourse; hegemony; episteme; text; spectacle.

For citation: Kaftan V.V. Theoretical foundations of creation and representation of counterterrorism discourse in modern social and political practice // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 107–123. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.06

Терроризм, будучи чрезвычайно многогранным и динамичным политическим явлением, постоянно меняет свою форму – выявить его сущность достаточно сложно. Опираясь на имеющиеся подходы к дефиниции терроризма, можно определить его как особым образом организованное насилие, вид социального действия, которое по своим политическим целям, средствам, способам и результатам является одной из форм ведения войны. Он представляет собой антиобщественную деятельность крайне агрессивных организованных и идеологически подготовленных субъектов с использованием метода устрашения [Кафтан, 2018, с. 150–151].

В последние годы терроризм предстает не столько формой подавления своих противников тоталитарными режимами или крайней степенью протеста деструктивных сил общества против государственной власти, сколько способом реализации различных глобалистских проектов, ведения мятеже-войн, асимметричных, гибридных вооруженных конфликтов, а также своего рода маркером, выделяющим в международной политике образ врага или друга [van Dijk, 2006, p. 370–371].

В связи с этим большой исследовательский интерес вызывает рассмотрение терроризма не исключительно в виде политической акции, но в роли сообщения, лингвокоммуникативной конструк-

ции, описывающей некую социально-политическую действительность и придающей ей определенные смысловые значения. Одним из способов такого означивания выступает антитеррористический дискурс.

* * *

На характер инициирования и протекания современных политических конфликтов оказывает большое влияние создание все новых информационно-коммуникативных технологий, которые в условиях становления информационного общества превращают столкновение между различными политическими силами в противоборство дискурсов. По мнению М. Фуко, «дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [Фуко, 1996, с. 52]. У вступающих в конфликт социально-политических сил имеется стремление хотя бы частично обуздать «бурление дискурса» для актуализации воздействия на широкую аудиторию.

Как полагал философ-постструктуралист Р. Барт, власть – это и есть сама языковая деятельность: «Любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это значит подчинять себе слушающего: весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения» [Барт, 1989, с. 550].

Имеется множество значений дискурса, но следует зафиксировать в рамках предмета нашего исследования одно, согласно которому дискурс – это совокупность устных и письменных высказываний (текстов в широком смысле), а также организация системы речи, подтвержденная исторически и социально, это определенные правила, создаваемые людьми в разнообразных политических и социальных практиках (в политической деятельности, области социального взаимодействия, экономике, массмедиа), в соответствии с которыми социальная реальность подразделяется и репрезентируется в те или иные отрезки времени, обуславливая

тем самым тематику дискурса, а также соответствующие социальные структуры.

Опираясь на идеи философа-постмодерниста Ж. Делёза, можно представить деятельность по конструированию дискурса как совокупность взаимосвязанных утверждений: денотации, манифестации, сигнификации и специального события [Делёз, 1998, с. 22–26]. Проиллюстрируем этапы создания антитеррористического дискурса в политическом пространстве на примере «инцидента в Солсбери».

1. *Денотация* (от лат. *de* – порознь, отмена и *noto* – отмечаю, обозначаю; т.е. явное значение языковой формы) представляет собой конструирование текста, который утверждает некий смысл сообщения. *Текст* (от лат. *textus* – ткань, соединение [слов]) в свою очередь выступает семиотическим (символически организованным) и семантическим (организуемым с помощью языка, письменности) пространством. Текст как связный знаковый комплекс, по мнению М.М. Бахтина, является уникальной, неповторимой и единственной формой заявления о себе, обнаружения себя вовне «мыслящей субстанцией» [Бахтин, 1979, с. 82–83].

4 марта 2018 г. в Великобритании, в г. Солсбери, с признаками отравления были найдены бывший российский разведчик С.В. Скрипаль, осужденный за измену и обменанный впоследствии на арестованных в России американских шпионов, и его дочь Юлия. В западных агентствах информации появилось огромное количество статей с различными версиями случившегося, в которых постепенно на роль главного обвиняемого была выдвинута Россия. Якобы именно у российских спецслужб имелся устойчивый мотив (наказание предателя), намерение (запугивание возможных перебежчиков) и эффективное средство осуществления теракта (нервно-паралитический газ). Текст, конструируемый политиками и репрезентируемый в средствах массовой коммуникации, направлен на осуществление цели антитеррористического дискурса – убеждение аудитории в правоте представленной политической позиции.

2. *Манифестация* (от лат. *manifestatio* – проявление; т.е. публичное выступление) представляет собой взаимоотношения, которые возникают между субъектом дискурса и его посланием аудитории. Манифест (от лат. *manifestum* – призыв) – это воззвание, оглашающее определенную мировоззренческую позицию личности (группы) в форме декларации некоторых утверждений.

12 марта премьер-министр Великобритании Т. Мэй в своем выступлении в Палате общин заявила, ссылаясь на экспертов из военной химической лаборатории в Портон-Дауне, находящемся в нескольких милях от Солсбери, что жертвы оказались отравлены боевым отравляющим нервно-паралитическим веществом «Новичок», разработанным в России, и что Россия «с большой долей вероятности» (англ. *«highly likely»*) вовлечена в инцидент. В ультимативной форме она потребовала от России в течение суток представить «правдоподобные объяснения» инцидента, угрожая возможными санкциями. Спустя два дня глава кабинета официально обвинила Россию в попытке убийства Скрипалей, а на заседании СБ ООН британский представитель назвал Россию нарушителем Конвенции о запрещении химического оружия.

3. *Сигнификация* (от лат. *significatum* – значимое; т.е. наделение знаков общения определенными смыслами) выстраивает связную систему отношений между различными утверждениями.

22 марта на брифинге в посольстве Великобритании в Москве 80 представителям иностранных посольств была представлена презентация с «фактами» террористической по своей сути агрессии российского государства. В списке из 12 «доказательств» фигурировала следующая ретроспектива событий: убийство в 2006 г. Александра Литвиненко, DDoS-атаки на виртуальное пространство Эстонии в 2007 г., вторжение в Грузию в 2008 г., оккупация Крыма и дестабилизация на Украине. Вместе с этим Россия якобы «сбила “Боинг” рейса МН-17 над Донбассом, взломала компьютерные сети Бундестага, вмешивалась в американские выборы, попыталась организовать переворот в Черногории, осуществила кибератаку на Министерство обороны Дании, распространила вирус-вымогатель NotPetya» и, наконец, отравила отца и дочь Скрипалей в марте 2018 г. [Опубликована презентация... 2018]. Презентация не содержала каких-либо новых фактов, представляла собой произвольным образом скомпонованный набор тем, своего рода бриколаж¹, но в ней статус РФ из «с высокой долей вероятности»

¹ Бриколаж (от фр. *le bricoleur* – «домашний умелец») – мастер – «умелые руки», способный с помощью подручных средств устранить неполадку. По мнению этнолога К. Леви-Строса, бриколаж присущ первобытному мышлению и означает способность к преобразованию значения объектов или символов посредством нового использования или нестандартных переделок несвязанных вещей.

виновной стороны был переквалифицирован на виновную «без малейшего сомнения».

4. *Специальное событие* выступает своеобразным итогом создания текста, декларации призыва и означивания. В ходе его реализации происходит трансляция аудитории собственных ценностей, идей, сообщений в интересах ее приобщения к социально-политическим, духовно-религиозным мировоззренческим основам и общим принципам.

Антитеррористический дискурс обладает важным качеством *перформативности*¹, что означает использование зрелищности. С точки зрения Э. Ги Дебора, современный этап развития социума характеризуется возникновением «общества Спектакля», «шоу-политики», конструируемого средствами массовой информации; аудитория воспринимает его как подлинную действительность. Спектакль сегодня поглощает собой все: политику, войну, человеческие отношения, он деформирует реальность по своему подобию, он является проявлением коллективной психики западного общества. В устойчивом сюжете о террористах персонажи, говоря словами Дебора, в прямом эфире на экране телевизоров «превращались то в лис, чтобы поймать свою добычу, то во львов, чтобы никого не бояться, пока жертва находится у них в лапах, то в баранов» [Дебор, 1999, с. 8].

С помощью специальных событий в публичном пространстве происходит создание, означивание и придание смысла различным дискурсам.

26 марта в знак солидарности с Великобританией по «делу Скрипаля» Канада, Германия, Франция, Польша и около двух десятков европейских государств скоординированными совместными усилиями реализовали дипломатический демарш, объявив о высылке из своих стран российских дипломатов. Если большинство стран ограничилось высылкой от одного до четырех дипломатов (Великобритания – 23), то США приняли решение о высылке 60 посольских работников, в том числе и 12 дипломатов из российского представительства в ООН. Персонами нон грата объявлены в общей слож-

¹ Перформанс (от англ. *performance* – исполнение) – современная форма акционистского искусства, представляющего публике живые композиции с символическими атрибутами, жестами и позами, направленная на активизацию архетипов коллективного бессознательного публики. По сути, перформанс – современная форма спонтанного уличного театра.

ности более 130 человек. Демарш сопровождался выступлениями министров иностранных дел и брифингами и интервью послов указанных стран. Так, посол США Д. Хансман в своем интервью корреспонденту «Коммерсантъ» Е. Черненко заявил, что это «ответ на безрассудное нападение с применением боевого вещества нервно-паралитического воздействия» на территории Великобритании, «нашего лучшего друга и союзника», и что за свою жизнь он «не видел столь четко скоординированного и комплексного ответа на подобный инцидент». Обвинив РФ в распространении «моря дезинформации», он отметил, что «в этой ситуации мы должны были полагаться на собственный объективный анализ имеющихся у Великобритании фактов и проведенное британцами тщательное расследование» [США и Европа разошлись позициями, 2018].

Таким образом, в антитеррористическом дискурсе с названием «инцидент Скрипалей» на этапе денотации СМИ была подготовлена почва для восприятия общественным мнением этого происшествия как теракта России, на этапе манифестации политическим руководством Великобритании были выдвинуты ультимативные требования в добровольном признании вины, на этапе сигнификации обвинения были подкреплены набором «фактов», а на заключительном этапе, в ходе специального события на международном уровне, сделана попытка окончательно признать Россию ответственной за попытку убийства своих граждан с помощью оружия массового уничтожения на территории Европы и поставить ее в условия международной изоляции. Следует отметить, что на всех этапах конструирования этого дискурса политические акторы опирались не на четкую систему доказательств, а на предположения о возможной причастности – *highly likely*.

В качестве теоретического основания репрезентации антитеррористического дискурса могут выступать некоторые концептуальные идеи дискурс-анализа, имеющие не узколингвистический, а более широкий социально-гуманитарный характер, к числу которых относятся концепции гегемонии, дискурсивной борьбы, археологии знания, воображаемого установления общества и дискурс-строения [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Ниже мы рассмотрим указанные концепции, сопроводив их соответствующими примерами из современной политической практики.

Концепция гегемонии. По мнению итальянского философа-неомарксиста А. Грамши, стабильность государственного развития

обусловлена не только ставкой на силу (принуждение), но и в гораздо большей мере на согласие (гегемонию). Гегемония представляет собой особый динамичный микропроцесс, направленный на постепенное изменение, малыми порциями, мнений и настроений в сознании отдельно взятого человека в интересах власти [Грамши, 1991, с. 75–77].

Гегемония базируется на культурно-ценностном ядре политического режима, «коллективной воле», – комплексе традиций и опыта, знания о человеке и мире, позволяющих различать добро и зло, символы и образы бытия. До тех пор, пока ядро прочно и неизменно, государство стабильно. Разрушение ядра и подрыв коллективной воли ведут к революции.

Важное место в культурно-ценностном ядре занимает мифология, особое пространство, в рамках которого людские массы «организуются», осознают свои собственные позиции, борются за свои интересы. Р. Барт считал, что миф выступает коммуникативной системой, в которой содержание (смысл) подменяется формой, «похищенным языком», заменяющим означающее означаемым [Барт, 1989, с. 37]. Инициация и распространение идеологий и мифов, установление или разрушение гегемонии – основная сфера деятельности интеллигенции.

Так, представитель египетской интеллигенции Сейид Кутб, поэт, журналист и педагог, столкнувшись во время командировки в США (конец 1940-х – начало 1950-х годов) с американским образом жизни – добрачными и внебрачными половыми отношениями, эмансипацией женщин, совместным обучением мальчиков и девочек в школах, участием в воспитании будущих мужчин учительниц, заявил о торжестве в современном мире *джахилийи* (духовного невежества). По возвращении в Египет он примкнул к ассоциации «Братья-мусульмане» и впоследствии стал ее идейным вдохновителем.

В своей книге «Вехи на пути» Кутб создал *салафитский* (т.е. фундаменталистский) миф об универсальной исламской космической системе, за восстановление которой готовые к самопожертвованию революционеры – «братья-мусульмане» должны повести борьбу с миром *джахилийи*. К нему он относит и мусульман, поддавшихся влиянию западных ценностей и тем самым ставших «неверными». Так в исламистском терроре под видом освобождения «правверных», страдающих от господства «поработивших» их

«неверных», происходит санкционирование уничтожения невинных людей.

Концепция дискурсивной борьбы. Э. Лакло и Ш. Муфф в книге «Гегемония и социалистическая стратегия» критически рассматривают теорию гегемонии А. Грамши, выдвигая идею о том, что всю область социального можно представить некоей рыболовной сетью, состоящей из узелков-знаков, приобретающих значения с помощью дискурса.

Под дискурсом здесь понимается определенный способ общения и восприятия социального мира. Разные дискурсы находятся в постоянной борьбе друг с другом, стремясь зафиксировать в языке определенное значение тех или иных высказываний [Laclau, Mouffe, 1985, p. 11–13].

Данный подход созвучен идеям французского философа-неофрейдиста Ж. Лакана, который, по словам С. Жижека, утверждал, что в идеологическом пространстве имеются «плавающие означающие», например, «свобода», «равенство», «братство», которые не имеют устойчивого смысла, и смысл может меняться от «пристегивания» к нему сильного означающего [Жижек, 1999, с. 93].

При появлении в этом пространстве сильного означающего, например «коммунизма», остальные означающие получают «коммунистическую» трактовку, т.е. выстраивается вполне завершенная и понятная картина мира. В такой картине мира свобода означает преодоление капиталистической эксплуатации, за равенство ратовала буржуазия в своей борьбе с аристократией, государство – аппарат насилия одного класса над другим, при рыночном обмене невозможно справедливое распределение и т.д.

Точно так же пристегивание любого другого означающего, «консервативного» или «либерального», выстраивает совершенно другие смыслы, кардинально меняя при этом восприятие социального бытия.

Если продолжить аналогию с рыбацкой сетью, то необходимо сказать, что люди постоянно пытаются фиксировать значения знаков на сети, размещая их в определенных отношениях к другим знакам (артикуляция), однако полное их закрепление невозможно, поскольку эта зависимость всегда условна. В этом пространстве идет постоянная «борьба» за определенный способ фиксирования указанных значений, т.е. за дискурс.

Сегодня в различных дискурсах специальным образом трактуется понятие «государство – спонсор терроризма». Каждый из конкурирующих дискурсов стремится наделить это понятие, выступающее «изменчивым знаком»¹, собственным содержанием и исключить другие возможные интерпретации смысла.

После террористической атаки на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. США стремились срочно найти или назначить виновного, чтобы успокоить общественное мнение в стране и продемонстрировать миру свои возможности в нанесении ответного удара. Государственному секретарю США К. Райс пришлось в интенсивном режиме переезжать из одной страны в другую и путем давления и угроз, руководствуясь принципом «кто не с нами – тот против нас», создавать масштабную поддержку на международной арене американским антитеррористическим операциям. На роль «вселенского зла» был назначен Афганистан, объявленный «государством – спонсором терроризма», однако такой выбор не был должным образом обоснован. Так, ни одного из представителей этой страны не было на четырех самолетах среди «всадников Апокалипсиса» – в отличие от граждан Саудовской Аравии, официального союзника США, которых было 15 из 19 человек. Режим афганских талибов, хоть и не имел прямого отношения к теракту, был обвинен в укрывательстве У. бен Ладена, назначенного главным организатором этого события лишь на основе его противоречивых заявлений в видеообращениях. Впоследствии государствами – спонсорами терроризма для нахождения *casus belli* и легитимации военных операций в глазах мирового сообщества последовательно назначались Ирак, Ливия, Сирия.

В последнее время фиксируются попытки «назначить» на роль спонсора терроризма и Россию. Так, во время начала гражданской войны на Донбассе в своем интервью радио LRT 20 ноября 2014 г. президент Литвы Д. Грибаускайте назвала Россию «террористическим государством»: «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться по Европе и

¹ *Изменчивые знаки* – это знаки, за изменение значения которых идет постоянная борьба между различными дискурсами в целях навязывания (кристаллизации) определенного, «своего» смысла.

далее» [Президент Литвы... 2014]. С подачи новой власти Украины появился расхожий штамп для обозначения вооруженных сил самопровозглашенных республик ДНР и ЛНР – «российские оккупационно-террористические войска».

Итак, согласно концепции дискурсивной борьбы между различными политическими силами, преследующими свои интересы, идет постоянное противоборство за ключевые термины, отражающие восприятие аудиторией политических событий.

Концепция археологии знания. М. Фуко, исходя из его понимания мышления как языкового феномена, соотносит деятельность людей с их «речевыми», т.е. *дискурсивными практиками*, представляющими собой особый социальный «мир дискурса», «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996, с. 28].

Упомянутые Фуко правила получили название эпистемы. *Эпистема* (от др. греч. *ἐπιστήμη* – знание) – мыслительная и лингвистическая «структура прежде всех других структур», согласно законам которой создаются, «конституируются» и функционируют другие социальные структуры. Она обуславливает возможность определенных социальных взглядов, концепций («языковой код») в тот или иной исторический период, и основана на формировании определенного доминирующего дискурса, определяющего способ, которым мир представляется или «видится» социальными субъектами как участниками социальных практик [Ильин, 1996, с. 60–62].

В сегодняшней речевой практике эпистема воплощается в виде строгого определенного кода – свода предписаний и запретов (дискурсивная формация). Эта языковая норма бесконтрольно предугадывает языковое поведение, а затем и мышление индивидов; происходит установление гегемонии определенного видения мира, его «колонизация».

Любое высказывание, согласно Фуко, не простая последовательность знаков, а элемент когнитивной конструкции, на которую соответствующая дискурсивная практика, понимаемая как система ограничений, накладывает, исходя из определенной идеологической позиции, определенные ограничения смысла.

Все другие высказывания, несущие определенный смысл в политической деятельности, СМИ, обыденной жизни, но по содержанию и идеологии не соответствующие главной теме дискурса, будут просто не замечены или проигнорированы большей частью аудитории.

В ночь на 14 апреля 2018 г. самолетами и кораблями США, Великобритании и Франции был нанесен ракетный удар 103 крылатыми ракетами по объектам военной и гражданской инфраструктуры Сирии. Поводом для нанесения удара стал инцидент 7 апреля в сирийском городе Дума, где, по утверждениям неправительственных организаций, в том числе имеющей весьма неоднозначную репутацию организации «Белые каски», сирийской армией было применено химическое оружие против гражданских лиц. Заявления были проиллюстрированы видеосюжетом, в котором детей и взрослых обливают водой, якобы в целях оказания первой помощи от поражения хлором.

19 апреля в разговоре с главой Китая Си Цзиньпином премьер-министр Великобритании Т. Мэй, согласно коммюнике, опубликованному пресс-службой ее канцелярии, заявила: «Наши удары были пропорциональными, законными, совершенными ответственно, и они были нацелены на *облегчение гуманитарных страданий*» [Тереза Мэй... 2018].

Таким образом, дискурсивная эпистема в данном событии проявляется в формировании в СМИ потока транслируемых событий: видеосюжет «Белых касок» – нанесение ракетного удара – обоснование «гуманитарных бомбежек». Все альтернативные дискурсы, выходящие за рамки имеющейся эпистемы, искусственно маргинализируются и признаются не имеющими достаточного обоснования.

Концепция воображаемого установления общества. По мнению французского мыслителя греческого происхождения К. Касториадиса, само общество существует благодаря созданию социальных воображаемых означиваний вещей, идей, смыслов. В ходе получения жизненного опыта человек становится подвластен воображаемым творениям, создаваемым в языке, воспринимаемая их как нечто «естественное», «объективно» данное, непреложное и неизменное.

Касториадис призывает различать в дискурсе «хозяев», которые с помощью языка активно создают и осваивают мир, и

«слуг», которые «бредут» по языковому миру, построенному другими: «воспроизведение индивидом сети, созданной другими индивидами и вещами, подразумевает, что сам он обретает в этой сети некое место, что он в нее вплетается» [Касториадис, 2003, с. 25–26].

Дискурс представляет собой символическую действительность, «возможный мир» со своими идеологически ориентированными социальными законами и правилами поведения. В современных условиях даже моральные правила объявляются частью символической реальности, которая может динамично меняться. Э. Энском полагает, что поскольку мораль долженствования являлась частью иудеохристианской традиции, в современном секулярном обществе этика утрачивает однозначное различие добра и зла, следовательно, сегодня можно оправдать любые действия и даже убийство невинных во имя некоей назначенной быть великой цели [Энском, 2008, с. 88–91].

Иллюстрацией представленной концепции может вновь стать означивание сирийских событий. Так, в ходе вооруженного конфликта в Сирии в западных СМИ правительственные силы, с тяжелыми боями освобождающие от террористов захваченные ими города и поселки, объявляются преступниками, подвергающими своих сограждан обстрелам из тяжелой техники и бомбежкам с использованием химического оружия. А боевики, не раз уличенные в массовых убийствах мирного населения и даже поедании на камеру сердца поверженного солдата, объявляются «борцами за свободу» от тиранического режима Б. Асада.

Концепция дискурс-строя. Автор понятия «дискурс-строй» Н. Фэркло основывается на исследованиях социальных полей П. Бурдьё, согласно которым в каждом из социальных подпространств – экономическом, политическом, культурном – идет борьба между социальными акторами за обладание соответствующим видом капитала; при этом особое значение имеет символический капитал, представляющий собой имидж, репутацию, признание, доверие. Обладание им означает возможность контроля над общественным мнением, возможность приписывания смыслов. Символический капитал может быть свободно конвертирован в другие виды капитала [Bourdieu, 1993].

Фэркло полагает, что власть дискурса не является абсолютной, это лишь одна из множества социальных практик, которая

находится в диалектических отношениях с другими социальными измерениями. Так, дискурсивные практики СМИ участвуют в образовании новых форм политики, однако сами дискурсивные практики подвержены влиянию социальных сил не дискурсивного характера (таких как структура политической системы и институциональная структура СМИ). «Дискурсивное формирование общества вызвано отнюдь не свободной игрой идей в головах людей. Это следствие их социальной практики, которая глубоко укоренена и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры» [Fairclough, 1992, p. 66].

Исследователь выводит два объекта дискурса: *коммуникативное событие* – отдельный случай использования языка (сообщение в конкретном средстве коммуникации) и *дискурс-строй* – совокупность серийных дискурсов определенной социально-политической области. Так, средства массовой коммуникации в целях поддержания социального порядка или, напротив, изменений создают дискурсы в определенном контексте, репрезентируют их и воздействуют на интерпретацию тех или иных дискурсов аудиторией.

Дискурс-анализ, согласно Фэркло, должен быть направлен на исследование отдельных случаев использования языка (анализ коммуникативного события относительно порядка дискурса) во взаимосвязи с «сетью» других *текстов, дискурсивной практикой* (производством и потреблением текстов) и *социальным контекстом*.

В качестве примера дискурс-строя можно проанализировать содержание некоторых художественных фильмов о борьбе с терроризмом.

Фильм «Цель номер один» американского режиссера К. Бигелоу (2012) основан на событиях, связанных с ликвидацией У. бен Ладена 2 мая 2011 г. Героиня фильма Майя одержима поисками «главного террориста современности», его устранение было ее единственным стремлением со времен колледжа, когда девушка была завербована в ЦРУ. Именно она приведет свою страну через 10 лет поисков к победе – устранению «самого опасного человека в мире», но является ли победа окончательной, остается неясным (само имя героини – Майя переводится с санскрита как «иллюзия»). Следует признать, что фильм «Цель номер один» – самое весомое на сегодняшний день (при отсутствии предъявленного

тела бен Ладена) доказательство того, что ликвидация этой самой цели не является всеобщей иллюзией.

В картине пытки задержанных по всему миру террористов сотрудниками ЦРУ показаны как уродливое, грязное, но необходимое дело, которое позволяет достичь поставленной цели и защитить Америку. При взятии дома-крепости, в которой укрывался бен Ладен, американские спецназовцы расстреливают не только террористов на глазах их детей, но и случайно убивают нескольких женщин и детей, перешагивают через них и продолжают поиск своей цели. На заключительных минутах фильма возникает вопрос: существуют ли вообще какие-либо моральные ограничения в террористической войне или позволительно все, что может привести к победе?

«Всевидящее око» – фильм режиссера Г. Худа (Великобритания, ЮАР) 2015 г. повествует о возможностях английского командования с помощью американских беспилотников-дронов наносить авиационные удары по ячейкам террористов, укрывающихся в Кении. Но с развитием новых технологий появляются и значительные проблемы. Времена, когда воины сражались на поле битвы и с помощью своей отваги, смелости и храбрости побеждали врага, остались в далеком прошлом – теперь солдату можно нажимать на кнопки и наносить разрушительные удары, сидя в удобном кресле в тысячах километров от места сражения. Жизни людей при этом оказываются обычными цифрами в отчете, а смерть невинного человека – сопутствующим ущербом по принципу «цель оправдывает средства».

В фильме военное и дипломатическое руководство, женщина – полковник английской армии, операторы крылатой машины, следуя бюрократическим инструкциям, погружены в дискуссию о политической и юридической правомерности атаки и вынуждены принимать моральное решение – необходимо ли нанести смертельный удар по бывшей гражданке Великобритании (нынешнему лидеру террористов) и ее подручным, готовящимся к масштабному теракту, или ракетный залп следует отложить, потому что в зону сплошного поражения попадает случайная жертва – маленькая африканка, продающая лепешки. Один из британских военнослужащих заявляет: «Никогда не говори солдату, что он не знает цену войны».

Следование концепции дискурс-строга позволяет в ходе серийного распространения разнородных дискурсов (статей в СМИ, высказываний лидеров мнений, произведений культуры) сформиро-

ровать у аудитории видимость собственного подбора источников и избрания собственной позиции относительно террористических проявлений и определения «правых» и «виноватых»; политические акторы при использовании такого подхода приобретают собственный символический капитал, кредит доверия на дальнейшую реализацию своей политической линии.

* * *

Антитеррористический дискурс сегодня является не только эффективным средством мобилизации общественности на противостояние конкретной террористической угрозе и разрушения планов террористов по насаждению страха и ужаса для дестабилизации власти, но и удобным информационно-коммуникативным инструментом реализации стратегических целей политическими акторами в ходе информационно-политического противоборства между государствами на международной арене.

Рассмотренные концепции, на которых может базироваться репрезентация антитеррористического дискурса, позволяют представить его в том числе как совокупность деструктивных высказываний, использующих терроризм в качестве средства управления общественным сознанием, в целях создания особой «террористической» картины мира с помощью современных информационно-коммуникативных технологий и лингвистических политических практик.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – С. 265–323.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Буш обвинил коммунистов в гибели ста миллионов человек // Новая газета. – М., 2007. – 13 июня. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/news/2007/06/13/14389-bush-obvinil-kommunistov-v-gibeli-sta-millionov-chelovek> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Грамиш А.* Тюремные тетради: В 3 ч. – М.: Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 560 с.
- Дебор Г.* Общество спектакля / Пер. с фр. – М.: Логос, 1999. – 224 с.

- Делёз Ж. Логика смысла; Фуко М. *Theatrum philosophicum*. – М.: Паритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
- Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 252 с.
- Касториadis К. Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис: Логос, 2003. – 480 с.
- Кафтан В.В. Террор и антитеррор в условиях глобализации. – М.: КноРус, 2018. – 400 с.
- Опубликована презентация британского посольства по делу Скрипаля // Lenta.ru. – М., 2018. – 27 марта. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/03/27/present/> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Президент Буш о Ливане. Редакционный комментарий, отражающий точку зрения правительства США // Голос Америки. – 2006. – 12 августа. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2006-08-12-voa3/655559.html> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Президент Литвы назвала Россию террористическим государством // Информационное агентство Delfi.lt. – 2014. – 21 ноября. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20141121/224410374.html> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- США и Европа разошлись позициями // Коммерсантъ. – 2018. – 28 мая. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3642468> (Дата посещения: 29.09.2018.)
- Тереза Мэй: Ракетный удар по Сирии был законным и достиг своей цели // BBC. Русская служба. – 2018. – 14 апр. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-43769976> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Украинский министр предложил сжечь Москву в ответ на убийство Бабченко // Lenta.ru. – 2018. – 30 мая. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/05/30/omelyan/> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
- Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
- Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
- Энском Э. Современная философия морали // Логос. – М., 2008. – № 1. – С. 70–91.
- «Это ответ на безрассудное нападение»: Посол США в Москве – о высылке российских дипломатов // Коммерсантъ. – М., 2018. – 26 марта. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3585482?from=doc_vrez (Дата посещения: 3.07.2018.)
- Bourdieu P. Language and symbolic power. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1993. – 320 p.
- Fairclough N. Discourse and social change. – Cambridge: Polity press, 1992. – 269 p.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. – L.: Verso, 1985. – 206 p.
- van Dijk T. Discourse and manipulation // Discourse & Society. – L., 2006. – Vol. 17, Iss. 3. – P. 359–383.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

С.В. РАСТОРГУЕВ*

**ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВИДЫ,
ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ,
МЯГКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ¹**

Аннотация. Предметом статьи выступают типология, факторы, география распространения молодежного экстремизма. На основе данных Министерства юстиции РФ проведены количественный анализ и классификация экстремистских организаций и экстремистских материалов. В рамках концепции Р. Мертона предложен алгоритм применения мягких технологий профилактики экстремизма в студенческой среде.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; профилактика экстремизма; факторы экстремизма; политический экстремизм.

Для цитирования: Расторгуев С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 124–145. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.07

* **Расторгуев Сергей Викторович**, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: SRastorguev@fa.ru

Rastorguev Sergey, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: SRastorguev@fa.ru

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

© Расторгуев С.В., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.07

S.V. Rastorguev
Extremism among the youth of modern Russia:
Types, factors of propagation, soft technologies of prevention

Abstract. The article analyzes the typology, factors, and geography of the spread of youth extremism. Based on the analysis of the Ministry of Justice of the Russian Federation data, a quantitative analysis and classification of extremist organizations and extremist materials is carried out. Within the framework of R. Merton's concept, an algorithm for applying soft technologies for the prevention of extremism in the student environment is proposed.

Keywords: youth extremism; prevention of extremism; factors of extremism; political extremism.

For citation: Rastorguev S.V. Extremism among the youth of modern Russia: Types, factors of propagation, soft technologies of prevention // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 124–145. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.07

Распространение экстремизма в молодежной среде создает риски стабильности общества в целом и политической системы в частности.

Футбольные ультрас, скинхеды, националисты из военно-патриотических клубов, исламисты, радикальные оппозиционеры активно вовлекают в свои ряды молодежь, что ставит перед обществом и государством проблему поиска технологий профилактики молодежного экстремизма. В 2017 г. в России было зарегистрировано 1521 преступление экстремистской направленности [Состояние преступности в России... 2017, с. 4]; по оценкам экспертов, 80% участников экстремистских организаций РФ составляют лица моложе 30 лет [Методические рекомендации по профилактике... 2011, с. 1].

Молодежный экстремизм в современной России как объект исследования многогранен и включает в себя проблематику политического экстремизма, терроризма, политического участия молодежи, молодежной политики государства, идей и поведения молодежи как отдельной возрастной группы. В настоящей статье поставлена цель проанализировать виды молодежного экстремизма в РФ, факторы, способствующие его распространению, мягкие технологии профилактики экстремистских настроений среди студенческой молодежи.

Современные исследования молодежного экстремизма в отечественной науке

Молодежный экстремизм активно исследуется в проблемном поле юриспруденции, истории, педагогики, философии. Из перечисленных отраслей научного знания выделяются работы юристов А.Т. Сиоридзе (криминологическое исследование группового молодежного экстремизма), С.Н. Фридинского (криминологические аспекты борьбы с экстремизмом), А.В. Ростокинского (экстремистские преступления как проявление субкультурных конфликтов молодежных объединений), Р.О. Кочергина (правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму), Д.И. Аминова и Р.Э. Оганяна (факторы молодежного экстремизма). В работах Д.В. Громова дается анализ уличных акций молодежных политических сообществ, которые рассматриваются, с одной стороны, как самопрезентации молодежи, а с другой – как презентация уличной активности закулисных политических сил [Громов, 2008, с. 23–25]. В исследованиях педагогов А.В. Кузьмина, Ю.А. Акуниной анализируются содержание и формы социально-культурной профилактики молодежного экстремизма; ту же тематику в ракурсе философии анализирует Р.М. Афанасьева.

В работах Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова дается теоретически и эмпирически обоснованный анализ сущности и проявлений молодежного экстремизма. В частности, авторы выделяют три характеристики группового сознания молодежи: экстремальность, агрессивность, лабильность, которые в условиях нестабильности трансформируются в экстремистскую деятельность. При этом политический экстремизм молодежи связывается не столько с твердыми идейными убеждениями, сколько с эмоциями и влиянием внешних сил [Зубок, Чупров, 2009, с. 26–31].

Социологические исследования экстремистских субкультур мегаполиса и методов профилактики экстремизма представлены в научно-методическом пособии «Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: Теория, практика, методы профилактики экстремизма» под редакцией А.А. Козлова [Неформальные молодежные сообщества... 2008, с. 185–196]. Представления современной молодежи об экстремизме в г. Москве на основе социологических опросов проанализированы в работе И.А. Савченко [Савченко, 2018, с. 21–28]. В статье В.П. Козырькова и Г.А. Фомченковой про-

слеживается связь межпоколенческой дискриминации, антисоциального поведения молодежи с расколами культурного и социального пространства современной России [Козырьков, Фомченкова, 2018, с. 36–40]. На возможность интерпретировать экстремизм как форму девиантного поведения, названного Р. Мертоном «мятежом», обращают внимание О.Т. Корнеева, С.И. Самыгин, Д.В. Кротов [Корнеева, Самыгин, Кротов, 2016, с. 76–80].

Конкретные виды молодежного экстремизма исследованы в работах С.В. Беликова (антифа, скинхеды) [Беликов, 2011], А.Н. Тарасова (скинхеды) [Тарасов, 2006, с. 19–32], В.А. Шнирельмана (скинхеды) [Шнирельман, 2010], А.М. Верховского, Э.А. Паина (неофашисты, русские националисты) [Радикальный русский национализм... 2009; Верховский, Пайн, 2013, с. 29–37], Д.С. Вояковского (исламистский экстремизм) [Вояковский, 2009, с. 273–275].

Предметом научного интереса А.И. Аршиновой являются подходы к типологизации молодежного радикализма, а также региональные практики противодействия радикализму в молодежной среде. Она установила, что молодежный экстремизм является ресурсом части российских политических сил, ввела в проблемное поле исследование провластных молодежных группировок, прибегающих к экстремистским методам, а также показала трансформацию левого молодежного радикализма в протестное движение. [Аршинова, 2012].

Формирование идентичности молодежных провластных организаций, создаваемых политической элитой для противостояния угрозе «оранжевой революции», исследует И.А. Дяченко. Автор трактует участие в таких организациях как использование «социальных лифтов» и отмечает, что молодежные экстремисты полезны разным политическим силам страны, одним для создания образа врага, другим для артикуляции определенного оппозиционного дискурса [Дяченко, 2008].

Н.Б. Бааль связывает молодежный экстремизм с нерешенностью социально-экономических проблем страны, с неэффективной молодежной политикой. Автор анализирует возможность применения в России европейского опыта профилактики молодежного экстремизма, который включает активное участие НКО, политических партий, содействие созданию молодежных организаций, не основанных на «политическом заказе» [Бааль, 2012, с. 293–297].

Левый и правый молодежный экстремизм, факторы молодежного экстремизма, религиозно-политический экстремизм освещены в работах Е.Н. Гречкиной [Гречкина, 2006], Е.П. Олифиренко [Олифиренко, 2011]. Анализируя причины формирования экстремистских молодежных организаций, А.Ю. Евтюшкин указывает на маргинализацию части молодежи в социальных и экономических структурах, которая влечет за собой политизацию ряда молодежных субкультур. В этом контексте он анализирует понятие «группускулярность» [Евтюшкин, 2009].

А.М. Семенцов изучает политический экстремизм как форму протестной активности молодежи и связывает его с монополией государственных органов на принятие политических решений, когда мнение гражданского общества не учитывается [Семенцов, 2007].

Проблематике профилактики молодежного экстремизма посвящены многочисленные учебные и методические издания. Среди них можно назвать работы А.А. Зуйкова, А.С. Кондратьевой, А.С. Ляпина, А.Б. Мазурова, Г.А. Новикова, А.В. Мартыненко, Л.С. Рубан.

Понятие экстремистской деятельности и ее виды

Понятие экстремистской деятельности в соответствии со «Стратегией противодействия экстремизму в РФ до 2025 г.» и 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» включает характеристику по объекту деятельности (политический, этнический, религиозный экстремизм) и ее формам (организационный блок).

Политический экстремизм представлен следующими видами противоправной деятельности: возбуждение социальной розни; насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; публичное оправдание терроризма, террористическая деятельность; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав, законной деятельности государственных органов, соединенное с насилием или угрозой насилия; совершение преступления по мотивам политической, идеологической ненависти и вражды; пропаганда и публичное демонстриро-

¹ Группускула – небольшая мобильная группа и одновременно узел сетевой организации.

вание нацистской символики; публичное заведомо ложное обвинение должностного лица государства в экстремизме.

Этнический экстремизм включает возбуждение расовой, национальной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по расовой, национальной, языковой принадлежности; нарушение прав, свобод, законных интересов человека и гражданина в зависимости от его расовой, национальной, языковой принадлежности; совершение преступления по мотивам расовой, национальной ненависти и вражды.

Религиозный экстремизм включает возбуждение религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по религиозной принадлежности или отношению к религии; нарушение прав, свобод, законных интересов человека и гражданина в зависимости от религиозной принадлежности или отношения к религии; совершение преступления по мотивам религиозной ненависти или вражды.

Организационный блок является универсальным для трех перечисленных видов экстремизма: публичные призывы к экстремизму, массовое распространение заведомо экстремистских материалов, их изготовление и хранение в целях массового распространения; организация, подготовка, подстрекательство к экстремизму; финансирование экстремизма, предоставление учебной, полиграфической, материально-технической базы, телефонной и иных видов связи, оказание информационных услуг.

Политический экстремизм, как правило, базируется на радикальных идеологиях, которые отвергают существующее устройство общества и предлагают насильственные меры для его переустройства в соответствии с идеалом. К радикалам левого толка относятся группировки анархистов, маоистов, неомарксистов, к правым радикалам – неофашисты (они частично пересекаются с этническим экстремизмом). К неофашистам ситуативно примыкают группировки скинхедов, институционализированные в объединениях футбольных фанатов. Ряд экологических, антиглобалистских и феминистских организаций также прибегают к насильственным, противоправным акциям, однако они не ставят целью радикальное переустройство общества.

В последнее десятилетие наибольшую актуальность приобрел «ненасильственный протест», опирающийся на либеральную идеологию. По сути, радикалы-либералы предлагают проект ко-

ренного переустройства незападных обществ по западному образцу. Угроза «неолиберального экстремизма», молодежного протестного движения привела к созданию прокремлевских движений «Наши», «Антимайдан», мобилизации казачьих обществ, которые призваны предотвратить экстремистскую деятельность политической оппозиции, но в процессе своей деятельности сами могут оказаться на грани экстремистских акций.

Этнический экстремизм основан на идеологии этнического национализма, которая рассматривает этническую общность как наивысшую ценность, а все иные маркирует в качестве «чужих» и наделяет отрицательными характеристиками. Религиозный экстремизм в современных условиях идейно представлен прежде всего теми течениями исламского фундаментализма (как в суннитской, так и в шиитской традиции), которые предлагают проект насильственного переустройства общества в соответствии с идеалом «подлинного, неискаженного ислама». Существуют также экстремистские идеи и организации христиан, иудеев, адептов новых религий.

В приведенной ниже таблице представлена авторская классификация экстремистских организаций РФ, которые были ликвидированы на основе вступивших в силу решений судов в соответствии со 114-ФЗ [Перечень НКО].

Классификация экстремистских организаций осуществлялась по идеологическому принципу. К политическим экстремистам отнесены леворадикальные и неофашистские организации, а также протестные «Армия воли народа» и партия «Воля». К категории этнических экстремистов относятся организации русских, украинских, татарских националистов. Неофашистские и националистические организации имеют ряд общих черт в программах, тактике действий, символике. Однако неофашисты и скинхеды выдвигают на первый план не столько этнический фактор и идею развития этнического государства, сколько модели поведения штурмовых отрядов Третьего рейха, символику гитлеровской Германии, агрессию против мигрантов из Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа. Религиозные экстремисты представлены организациями так называемых «ваххабитов», сатанистов, тоталитарными сектами.

Таблица 1

**Экстремистские организации РФ,
ликвидированные на основе судебных решений**

<i>Политические</i>	<i>Этнические</i>	<i>Религиозные</i>
<ul style="list-style-type: none"> ✓ «Национал-большевистская партия» ✓ «Кровь и Честь» ✓ «Национал-социалистическое общество» ✓ «Национал-социалистическая рабочая партия России» ✓ «Пит Буль» («Pit Bull») ✓ «Армия воли народа» ✓ Общероссийская политическая партия «ВОЛЯ» ✓ «Народная социальная инициатива» ✓ Общественное движение «TulaSkins» ✓ «Артподготовка» ✓ «Союз славян» ✓ «Формат-18» ✓ «БЕК РА» ✓ «Клуб Болельщиков Футбольного Клуба “Динамо” Киров» ✓ Организация футбольных болельщиков «ТОЙС» 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ «Русское национальное объединение “Атака”» ✓ «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» ✓ «Рубеж Севера» ✓ «Русское национальное единство» ✓ «Русский общенациональный союз» ✓ «Славянский союз» ✓ «Меджлис крымско-татарского народа» ✓ «Национальная Социалистическая Инициатива города Череповца» ✓ «Духовно-Родовая Держава Русь» ✓ «Движение против нелегальной иммиграции» ✓ Всетатарский Общественный Центр (ВТОЦ) ✓ «Северное Братство» ✓ «Правый сектор» ✓ «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» ✓ «Украинская повстанческая армия» ✓ «Тризуб им. Степана Бандеры» ✓ «Братство» ✓ Военно-патриотический клуб «Белый Крест» ✓ Национал-радикальное объединение «Misanthropic division» ✓ «Этнополитическое объединение “Русские”» ✓ Община Коренного Русского народа Щелковского района Московской области ✓ Община Коренного Русского народа г. Астрахани Астраханской области 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ «Нурджулар» ✓ Ахтубинское народное движение «К Богодержавию» ✓ «Таблиги Джамаат» ✓ «Свидетели Иеговы» ✓ «Джамаат мувахидов» ✓ «Объединенный Вилайат Кабарды, Балкарии и Карачая» ✓ «Ат-Такфир Валь-Хиджра» ✓ Религиозная группа «Благородный Орден Дьявола» ✓ «Файзрахманисты» ✓ «Мусульманская религиозная организация п. Боровский Тюменского района Тюменской области» ✓ «Мечеть Мирмамед» ✓ Религиозные организации Инглиистической церкви

Географию экстремистских организаций можно проследить по судебным решениям. Наибольшее количество решений о запрете экстремистских организаций (10) вынесли суды Москвы и Московской области, в группу лидеров также входят Омск (четыре решения), Краснодар, Астрахань, Татарстан (по три решения). Ряд неофашистских, этнических (украинских), исламистских организаций, религиозная организация «Свидетели Иеговы» были ликвидированы решением Верховного суда РФ.

Экстремистский контент: Формы и проблемные поля

Для исследования экстремистских взглядов в современной России был проанализирован «Федеральный список экстремистских материалов» Министерства юстиции РФ с 30.01.2017 по 25.05.2018 г. [Федеральный список... 2018, с. 447–495]. По решению судов за данный период были признаны экстремистскими 349 материалов (всего список содержит 4450 материалов). Основная масса материалов тиражировалась в Интернете в виде видеофайлов (30%) и аудиофайлов (28%), изображений (16%), текстов (7%), стихотворений (4%), статей (2%). На печатные материалы, книги и брошюры приходится 9% материалов.

Примерно 25% материалов списка не содержат информацию, позволяющую определить информационный источник. Таким образом, расчет осуществлялся только для тех материалов, которые содержат информацию о первоисточнике. Данная выборка принята за 100%. Наибольшее количество экстремистских материалов размещалось в социальной сети «ВКонтакте» (58%), на сайтах с доменом «ru» (16%), на видеохостинге YOU TUBE и сайтах с доменами «com» (по 9%) и «net» (7%).

Анализ контента экстремистских материалов в соответствии с приведенной автором классификацией дает следующую картину. Наибольшую долю занимают материалы этнических экстремистов – 43%, из них 33% приходится на русских националистов. Можно выделить два основных мотива – угроза миграции из регионов Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа и возрождение русской нации как доминирующего коренного этноса по демографическим, культурным, военным, историческим основаниям. Другие

материалы отражают идеи антисемитизма, украинского и татарского национализма.

Второе место занимают экстремистские религиозные / антирелигиозные материалы – 31%, из них 20% составляют исламистские материалы. Основные мотивы исламистских материалов – джихад против неверных, пропаганда запрещенных в России террористических организаций, построение халифата в мировом масштабе. Среди других материалов можно выделить две группы: антирелигиозные, оскорбляющие чувства верующих христиан, мусульман, иудеев; сектантские, преимущественно секты «Свидетели Иеговы».

Третье место занимают экстремистские материалы, классифицируемые как неонацистские (21%) и протестные (5%). В неонацистских материалах делается упор на превосходстве белой расы, нацистской символике, субкультуре скинхедов. Следует отметить, что неонацистские экстремистские материалы отчасти пересекаются с антиисламскими и русскими националистическими, поскольку в качестве враждебного объекта рассматриваются все представители «не белой расы». Однако дискурс неонацистских материалов практически исключает идентификацию с православием, державностью, славянской культурой и историей, он акцентирован на идее расового превосходства, силового противостояния в условиях городской среды, символике национал-социализма. Можно предложить для идентификации современных российских неонацистов аббревиатуру WUS (*White Urban Slav*) – белый, городской, славянин. Если этнический экстремизм делит славян на русских и украинцев, то неонацизм объединяет славян на расовой основе.

Протестные экстремистские материалы связаны с обвинением в адрес властей Российской Федерации в организации террористических актов, внешнем управлении со стороны иностранных политиков и спецслужб. Интересно отметить, что среди них нет материалов левых экстремистов и «неолиберальных экстремистов».

В указанные временные рамки география судов, принявших решения о внесении материалов в список экстремистских, выглядит следующим образом (выборка из 349 решений принята за 100%). Наибольшее количество решений принято в Архангельске – 11%, но практически все они касаются 37 страниц одного автора в социальной сети «ВКонтакте» и вынесены в один день Ломоносовским районным судом г. Архангельска. Данные материалы классифицированы

как «русский национализм». На втором месте по количеству решений стоит Благовещенский городской суд – 9% решений о материалах в форме текстов песен, идентифицированных автором как «русский национализм» и «неофашизм». На третьем месте стоят московские суды – 8% решений, которые охватывают весь спектр экстремизма, но две трети приходится на исламизм (видеозаписи и электронные экземпляры выпуска журналов).

На четвертом месте суды Санкт-Петербурга – 7% решений, которые касаются трех видов экстремистских материалов: протест против существующего политического режима; антирелигиозные материалы (антихристианские, антиисламские); неофашистские материалы. Пятое и шестое места делят суды Краснодарского края и Кургана – по 5% решений. Решения судов Краснодарского края в большей части касаются неофашистских материалов (видеозаписи), в Кургане – неофашистских (аудиозаписи) и исламистских материалов (аудиозаписи, видеозаписи).

Сопоставление списков организаций и материалов, признанных экстремистскими, позволяет выделить три главных проблемных поля. По этническому / лингвистическому / культурному / историческому признаку – противоречие «русские – нерусские». Самая многочисленная этническая группа, по переписи населения 2010 г. составляющая более 77%, предстает в программах экстремистских организаций и других формах контента как «пострадавшая», не имеющая возможности утвердить свое «естественное» доминирование во всех сферах жизни общества. Этот вид экстремизма является эндогенным, он объединяет сторонников на базе общности происхождения, национальной культуры, православия; программа переустройства общества не выходит за границы России.

По религиозному признаку – противоречие «исламисты – неисламисты», отражающее глобальное противостояние радикальных течений ислама миру модерна в лице светской культуры, христианства, традиционного ислама. Исламисты включают представителей разных национальностей и в своих действиях широко используют насильственные практики. Исламизм в России представляется экзогенным, объединяющим на основе особой трактовки священных книг ислама, мусульманских традиций нероссийских народов и при идейной, кадровой, материальной поддержке внешних сил. Проект халифата носит глобальный, интернацио-

нальный характер и рассчитан на экспорт исламизма на периферию мусульманского мира.

По нашему мнению, за неофашистским экстремизмом в современной России стоит гибридное противоречие «белый / коренной / славянин / скинхед – небелый / мигрант / неславянин / представитель азиатской культуры». В этом виде экстремизма переплетаются этнический / расовый, территориальный и субкультурный расколы. Неофашисты в первом расколе отчасти пересекаются с этническими экстремистами, акцентируя не национальный, а по-своему трактуемый расовый принцип (белый – черный). Территориальный раскол связан с экономической, культурной, социальной конкуренцией за ресурсы «коренного» населения и мигрантов в масштабе города. Субкультурный раскол представляется в форме агрессивной контркультуры молодежи с заимствованием символики, организационных форм и методов действия национал-социалистов, европейских и американских неофашистов. Неофашистский экстремизм по содержанию представляется эндогенным явлением, отражающим социально-экономические расколы, а по форме – экзогенным, заимствующим идеи и практики скинхедов Европы и США.

Нейтрализация экстремизма в молодежной среде: Мягкие и жесткие практики

Теоретическое осмысление экстремизма возможно через концепцию Р.К. Мертон, который классифицировал варианты социального поведения по критериям «определяемые культурой цели – институционализированные средства» [Мертон, 1966, с. 304]. Принятие или непринятие целей и средств их достижения формирует пять вариантов поведения.

1. Подчинение (принятие целей и средств).
2. Инновация (принятие целей, непринятие средств).
3. Ритуализм (непринятие целей, принятие средств).
4. Ретритизм (непринятие целей, непринятие средств без предложения новых целей и средств).
5. Мятёж (непринятие целей, непринятие средств с предложением новых целей и средств).

Целью как мягких, так и жестких технологий противодействия экстремизму в студенческой среде является выведение основной массы студентов в поведенческие модели № 1, № 2. Это позволит молодым людям активно интегрироваться в социальные институты, а политическая система получит адекватные требования и поддержку. Модель ритуализма (№ 3) представляется приемлемой для части молодежи, так как она гарантирует поддержание общественной стабильности при условии нейтрализации экстремистов и радикалов. Однако при потере стабильности политической системы критическая масса ритуалистов может стать пассивным большинством сторонников радикальных идеологий. Такой сценарий имел место в период перестройки в СССР. Модель ретритизма (№ 4) не угрожает системе, она характерна для маргиналов, части тоталитарных религиозных сект. Экстремизм представляет собой поведенческую модель № 5.

Таким образом, можно сформулировать следующие правила стратегии нейтрализации экстремизма и радикализма в молодежной среде.

Правило 1. Максимизировать количество конформистов и инноваторов, контролировать и ограничивать количество ритуалистов, минимизировать количество ретритистов, максимально минимизировать количество мятежников.

Правило 2. Трансформировать мятежников в ретритистов, ретритистов – в ритуалистов, ритуалистов – в инноваторов и конформистов.

Правило 3. Применять для распространения моделей поведения конформистов и инноваторов мягкие технологии нейтрализации экстремизма; для ограничения модели поведения ритуалистов – прежде всего мягкие технологии с угрозой использования жестких практик; для минимизации модели поведения ретритистов – прежде всего жесткие технологии с элементами мягких технологий; для максимальной минимизации распространения модели поведения мятежников – жесткие технологии.

Из результатов проведенного анализа следует, что для нейтрализации экстремизма в молодежной среде необходимо контролировать четыре блока радикальных идей: протестный экстремизм в лево-радикальной и либеральной форме; неофашизм в различных формах (от скинхедов до футбольных фанатов); этнический экстремизм в формате русских, украинских, татарских националистических орга-

низаций; религиозный экстремизм в форме радикальных исламистских течений. Можно предположить, что особенности студенчества как социальной группы (в отличие от школьников-старшеклассников, учащихся системы среднего профессионального образования и работающей молодежи) делают его наиболее уязвимым к воздействию радикальных идей левых (постсоветские неомарксисты), центристов (протестный либерализм), правых (исламизм). Учащиеся старших классов школ, СПО, работающая молодежь более уязвимы к воздействию идей неонацизма, этнического национализма, исламизма, которые предлагают быстрые, радикальные, агрессивные практики достижения целей.

Согласно 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 10 июля 2002 г. выделяются два направления противодействия экстремистской деятельности: профилактика, подразумевающая выявление и устранение причин и условий экстремизма, и выявление / предупреждение / пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц. В соответствии с данным разделением можно разграничить мягкие и жесткие технологии противодействия экстремизму. Логика разграничения прослеживается в Указе Президента РФ № 64 от 17 февраля 2016 г. «О некоторых вопросах межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации», в котором перечислены 19 руководителей государственных органов, ответственных за противодействие экстремизму. Условно их можно разделить следующим образом.

Акторы мягких технологий: министр культуры РФ, министр образования и науки РФ, министр связи и массовых коммуникаций РФ, министр спорта РФ, министр экономического развития РФ, руководитель Федерального агентства по делам национальностей РФ.

Акторы жестких технологий: министр внутренних дел РФ, директор ФСБ РФ, министр обороны РФ, министр юстиции РФ, заместитель министра иностранных дел РФ по вопросам противодействия терроризму, председатель Следственного комитета РФ, директор СВР РФ, директор Росгвардии – главнокомандующий войсками национальной гвардии РФ, директор Росфинмониторинга, руководитель ФТС РФ, руководитель Роскомнадзора, помощник секретаря Совета безопасности РФ, начальник Главного управления по противодействию экстремизму МВД РФ.

Одновременно следует отметить, что ответственные за жесткие технологии противодействия экстремизму могут принимать участие в реализации и мягких практик (*soft-practices*). В частности, сотрудники МВД проводят встречи со студентами и школьниками, организуют семинары, конференции по противодействию экстремизму; деятельность Министерства юстиции по ведению Федерального списка экстремистских материалов и блокировка сайтов Роскомнадзором ориентируют профилактическую работу по выявлению радикальных идеологий.

Для разработки мягких практик по нейтрализации радикализма и экстремизма в молодежной студенческой среде необходимо выявить факторы, способствующие молодежному экстремизму. Многообразие факторов требует их классификации, которая охватывает как внешние стороны социализации в рамках социальных институтов (общее), так и внутренние факторы, связанные со становлением личности (индивидуальное).

Внешние факторы

1. Позитивное или нейтрально благожелательное отношение к радикализму и экстремизму среди агентов первичной социализации: родителей, братьев, сестер, иных родственников, друзей, школьных учителей.

2. Нейтральное или нейтрально благожелательное отношение к радикализму и экстремизму со стороны преподавателей вузов, пассивность преподавателей и администрации в выявлении и профилактике радикальных и экстремистских взглядов и действий студентов вследствие деидеологизации образовательного процесса.

3. Агитационная активность радикальных организаций в средствах массовой коммуникации с использованием технических / маркетинговых инноваций, популярных в молодежной студенческой среде.

4. Трудности в профессиональной ориентации, трудоустройстве на неполный рабочий день, пессимизм в оценке профессиональных социальных лифтов и перспектив работы после окончания вуза в рамках существующей политико-экономической системы.

5. Эскалация существующих общественных расколов: имущественных, территориальных, этнических, конфессиональных, интерпретируемых в категориях «свой – чужой».

6. Ограниченность возможностей для проведения досуга вследствие недостаточного развития объектов социальной инфраструктуры или недоступности данных объектов.

Внутренние факторы

1. Психологическая склонность определенной части молодежи к агрессивным действиям и девиантным формам поведения.

2. Активный поиск «смысла жизни» и групповой идентичности в процессе становления мировоззрения, выбор для самоутверждения экстремальной референтной группы, относительно невысокий уровень толерантности и готовности к компромиссу.

3. Возрастная склонность к риску, индивидуальным и групповым инновациям в процессе социализации, к протесту против традиций и авторитетов.

Мягкие технологии нейтрализации экстремизма и радикализма среди студенческой молодежи должны строиться на профилактике влияния внешних и внутренних факторов. Профилактика должна осуществляться различными государственными и общественными институтами в объеме реализуемых ими институциональных функций в рамках «Основ государственной молодежной политики в РФ на период до 2025 г.» и «Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 г.».

В соответствии со «Стратегией противодействия экстремизму в РФ до 2025 г.» в качестве субъектов противодействия экстремизму рассматриваются не только органы государственной власти разного уровня, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, но и организации и физические лица. Рассмотрим институциональный и персональный уровень профилактики на примере вузов, которые являются главным институтом социализации студентов. Основным принципом мягких практик является работа с идеями. Она заключается, с одной стороны, в формировании социально одобряемых установок и моделей поведения, а с другой – в минимизации или ликвидации социально неодобряемых установок и моделей поведения.

При этом следует помнить, что согласно пункту 2 статьи 48 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ходе образовательной деятельности запрещены политическая агитация, а также принуждение к принятию политических, религиозных или иных убеждений. Поэтому предлагаемые мягкие технологии профилактики внешних и

внутренних факторов экстремизма должны соответствовать установленным правовым рамкам.

Таблица 2

Мягкие технологии профилактики внешних факторов экстремизма в среде студенческой молодежи

<i>№</i>	<i>Институты, персоналии мягких практик</i>	<i>Мягкие технологии, механизмы их применения</i>	<i>Барьеры реализации</i>
1	2	3	4
1	– СМИ / СМК (федеральные, региональные, вузовские); – кураторы группы; – преподаватели; – студенческий актив	– формирование информационного контента гражданственности, интернационализма, толерантности к другим культурам; – командная учебная и внеучебная деятельность в мультикультурных коллективах	– трудность ломки стереотипов, заложенных в семье; – потеря интереса к СМИ у молодежи; – активность в СМК экстремистских групп; – отсутствие у преподавателей навыков и мотивации к организации групповой работы в мультикультурных коллективах
2	– Минобрнауки; – администрация вуза; – кураторы группы; – преподаватели; – студенческий актив	– разработка «Дорожной антиэкстремистской карты современной России», создание учебно-методических материалов для преподавателей; – соответствующая подготовка преподавателей общественных дисциплин и предметников через систему повышения квалификации, тренинги, конференции; – применение дисциплинарных мер к преподавателям, разделяющим экстремистские позиции; – введение института кураторства на 1–2 курсах как общественной нагрузки в рамках работы второй половины дня преподавателя или на платной основе	– деидеологизация преподавателей общественных наук; – концентрация на узкопрофессиональной подготовке и профессиональных компетенциях; – формальное отношение к кураторству как необязательной дополнительной нагрузке
3	– СМИ / СМК (федеральные, региональные, вузовские); – Роскомнадзор; – кураторы группы; – преподаватели; – студенческий актив	– создание дискуссионных площадок (<i>offline</i> и <i>online</i>) для обсуждения актуальных проблем; – ограничение доступа к экстремистским сайтам и материалам; – создание негативного имиджа лидеров, организации, практик экстремистов	– формальное отношение к дискуссионным площадкам студентов, преподавателей; – «игровой» интерес к запрещенным сайтам и материалам; – негативный имидж создается государственными СМИ, которые не пользуются авторитетом у молодежи

Продолжение табл. 2

1	2	3	
4	<ul style="list-style-type: none">– Минэкономразвития;– работодатели (партнеры вуза);– центры карьеры вузов;– структуры дополнительного образования;– СМИ / СМК (вуза)	<ul style="list-style-type: none">– недостаток бюджетных средств и кадров, формализм в реализации;– отрыв инвестиционной и промышленной государственной политики от кадровой политики;– недостаточная связь с работодателями центров карьеры, отсутствие компетенций коучинга;– коммерциализация дополнительного образования	
5	<ul style="list-style-type: none">– СМИ / СМК (федеральные, региональные, вузовские);– Министерство культуры;– федеральное агентство по делам национальностей;– религиозные организации;– кураторы группы;– преподаватели;– студенческий актив	<ul style="list-style-type: none">– пропаганда ценностей толерантности, законности, социальной справедливости на основе технологий дискурсивного управления, мифодизайна, символической трансформации;– изучение неискаженной истории этносов и конфессий, политических систем в рамках общественных наук на первом курсе (история России, политология, философия);– формирование российской гражданской нации на основе многонациональной культуры РФ через бюджетное финансирование образования, искусства, науки	<ul style="list-style-type: none">– разрыв между реальными расколами, вызывающими конфликты, провоцирующими экстремизм и «повесткой дня» официальных СМИ;– ограничение преподавания общественных наук как «непрактичных» в пользу профессиональных дисциплин;– недостаток креативных преподавателей и представителей студенческого актива, низкая мотивация их внеаудиторной работы
6	<ul style="list-style-type: none">– Министерство спорта РФ;– Министерство культуры;– государственные, муниципальные, частные объекты досуговой инфраструктуры;– администрация вуза;– кураторы группы;– преподаватели;– студенческий актив	<ul style="list-style-type: none">– вовлечение студентов в спортивные секции, кружки по месту учебы и жительства на безвозмездной основе или с минимальной оплатой;– выявление кураторами интересов студентов методами интервью, тестирования, анкетирования и разработка персональных предложений по досуговой активности;– вовлечение в социально одобряемые формы досуга через работу студенческого актива	<ul style="list-style-type: none">– коммерциализация и недоступность многих форм досуга для студентов;– недостаток объектов досуговой инфраструктуры;– предпочтение студентами пассивных форм досуга;– потеря преподавателями, администрацией вуза и студенческим активом связи со студентами

Таблица 3

Мягкие технологии профилактики внутренних факторов экстремизма в среде студенческой молодежи

<i>№</i>	<i>Институты, персонал мягких практик</i>	<i>Мягкие технологии, механизмы их применения</i>	<i>Барьеры реализации</i>
1	– кураторы группы; – преподаватели (психологи)	– тестирование университетскими психологами и преподавателями общественных наук студентов первых курсов для выявления личностных характеристик и уровня агрессивности (тест показателей и форм агрессивности А. Басса, А. Дарки, тест типов поведения в конфликте Томаса, репертуарный тест ролевого конструктора Келли, 16-факторный личностный опросник Кеттелла и др.); – мягкая коррекция агрессивности в учебное и внеучебное время	– недостаток квалифицированных психологов и тестологов в вузах; – недостаточная материальная и нематериальная мотивация преподавателей к тестированию и коррекции студентов с агрессивными наклонностями личности
2	– СМИ / SMK (федеральные, региональные, вузовские); – администрация вуза; – общественные организации; – кураторы группы; – преподаватели; – студенческий актив	– формирование социально одобряемых ценностей, образцов идентичности, моделей поведения на основе технологий дискурсивного управления, мифодизайна, символической трансформации; – деятельность научных, творческих, спортивных клубов, кружков в вузах; – формирование толерантности к представителям иных социальных групп в ходе групповой работы; – индивидуальная и групповая работа по преодолению конфликтных ситуаций социально одобряемыми, законными способами; – выявление референтных групп студентов и коррекция в случае выбора референтной группы экстремистского характера	– недостаток квалификации и мотивации преподавателей для формирования и коррекции мировоззрения студентов; – формальное отношение руководства вуза к воспитательной работе, недостаточное финансирование студенческих мероприятий; – недостаточное внимание государственных органов и общественных организаций к проведению познавательных и воспитательных мероприятий для студентов; – нежелание работать с «проблемными» студентами, входящими в группу риска экстремизма
3	– кураторы группы; – преподаватели; – студенческий актив	– изучение кейсов экстремизма на предмет выявления манипуляции молодежью со стороны политиков; – поощрение социально одобряемых практик рискованного поведения и инноваций (квесты, флэшмобы, спортивные игры, туристические походы и др.); – изучение традиций и наследия авторитетов отечественной и мировой культуры в рамках общественных дисциплин с использованием популярных у молодежи техник коммуникации (баттлы, переписка в социальных сетях, блоги, селфи и фото в исторических местах, ток-шоу на политические темы на семинарах)	– неготовность преподавателей к инновационным формам подачи материалов

* * *

Итоги проведенного исследования состоят в следующем:

– установлено, что в нормативно-правовой базе РФ экстремизм представлен тремя видами: политическим, этническим, религиозным, а также организационной деятельностью, способствующей реализации каждого из упомянутых видов;

– на основе анализа списков экстремистских организаций и материалов Министерства юстиции РФ выявлено, что наибольшее распространение имеют русский национализм, неонацизм, исламизм;

– в рамках концепции Р. Мертона о типах поведения индивида в обществе и группе предложены три правила нейтрализации экстремизма и радикализма в молодежной среде на основе сочетания мягких и жестких технологий;

– на основе изучения политических, социологических, психологических, педагогических научных исследований разработана авторская классификация внешних и внутренних факторов, способствующих экстремизму в молодежной студенческой среде;

– на основе анализа факторов распространения экстремистских настроений предложены мягкие технологии профилактики экстремизма в молодежной студенческой среде;

– определено, что в основе мягких технологий профилактики экстремизма находятся два взаимосвязанных элемента: учебно-воспитательная работа вузов, государственных органов, общественных организаций и конкретные технологии дискурсивного управления, мифодизайна, символической трансформации.

Список литературы

- Аришнова А.И. Молодежный радикализм в политическом процессе современной России (1990–2000-е гг.): Дис. ... канд. полит. наук. – М.: [б. и.], 2012. – 214 с.
- Бааль Н.Б. Методы профилактики политического экстремизма молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2012. – № 1 (1). – С. 293–297.
- Беликов С.В. Бритоголовые. Все о скинхедах. – М.: Изд-во Книжный мир, 2011. – 256 с.
- Верховский А.М., Паин Э.А. Цивилизационный национализм: Российская версия «особого пути» // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. – Ростов-на-Дону, 2013. – № 4. – С. 23–46.

- Вояковский Д.С. Молодежь и религия: Проблема «исламского экстремизма» // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2009. – Т. 14, № 1. – С. 273–275.
- Гречкина Е.Н. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: Дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2006. – 174 с.
- Громов Д.В. Уличный театр молодежной политики: Оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. – М., 2008. – № 1. – С. 19–29.
- Дяченко И.А. Политическая идентичность и модели экстремистского поведения молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2008. – № 3. – С. 130–137.
- Евтюшкин А.Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009. – 163 с.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – М., 2008. – № 5. – С. 37–47.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: Сущность, формы проявления, тенденции. – М.: Academia, 2009. – 322 с.
- Козырьков В.П., Фомченкова Г.А. Экстремальность молодежи и молодежный экстремизм: Социокультурный подход к анализу факторов угрозы безопасности // ALMA MATER (Вестник высшей школы). – М., 2018. – № 1. – С. 36–40.
- Корнеева О.Т., Самыгин С.И., Кротов Д.В. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности общества: Причины распространения и меры противодействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2016. – № 10. – С. 76–80.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
- Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде. – Режим доступа: https://vipk.mvd.pf/upload/site152/document_file/Metodicheskie_rekomendacii_po_profilaktike_i_protivodeystviyu_ekstremizmu_v_molodezhnoy_srede.pdf (Дата посещения: 15.06.2018.)
- Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: Теория, практика, методы профилактики экстремизма: Научно-методическое пособие / Под ред. А.А. Козлова, В.А. Канаяна. – СПб.: [Б. и.], 2008. – 271 с.
- Олифиренко Е.П. Причины и формы проявления молодежного экстремизма на национальной почве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение. – Майкоп, 2011. – № 3. – С. 361–370.
- Перечень НКО, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным 114-ФЗ. – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (Дата посещения: 15.06.2018.)
- Радикальный русский национализм: Структура, идеи, лица: Справочник / Сост. А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова. – М.: Центр «Сова», 2009. – 410 с.
- Савченко И.А. Молодежный экстремизм в г. Москве: Опыт социологического исследования // Социодинамика. – М., 2018. – № 4. – С. 21–28.

Семенцов А.М. Институциональные формы молодежного экстремизма в российском политическом процессе: Дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 154 с.

Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 г. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (Дата посещения: 15.06.2018.)

Тарасов А.Н. Меняющиеся субкультуры. Опыт наблюдения за скинхедами // Свободная мысль. – М., 2006. – № 5. – С. 19–32.

Федеральный список экстремистских материалов. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/243787> (Дата посещения: 15.06.2018.)

Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: Скинхеды, СМИ и общественное мнение. – М.: Московское бюро по правам человека, 2010. – 164 с.

С.П. ПОЦЕЛУЕВ, М.С. КОНСТАНТИНОВ*
**МИГРИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ ПРАВОВОГО
РАДИКАЛИЗМА В АТТИТЮДАХ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНА¹**

Аннотация. Статья посвящена феномену миграции идеологических концептов, в особенности концептов праворадикальной идеологии. Данный феномен рассматривается на материале социологического опроса, проведенного авторами среди студентов Донского региона. Миграция концептов существенно усложняет для политологов идентификацию идеологических установок граждан, что в случае экстремистских идей в молодежной среде составляет серьезную политическую проблему. В теоретической части своего исследования авторы опираются на понятие идеологии, реализуемое в работах Т. ван Дейка, а также на предложенный М. Фриденом морфологический подход к анализу идеологий. Делаются выводы о характере взаимодействия универсалистских и партикуляристских ценностей в аттитюдах донских студентов в отношении актуальных социально-политических вопросов и о степени подверженности студенческого сознания миграционному воздействию со стороны праворадикальных концептов, а также о

*** Поцелуев Сергей Петрович**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: spotselu@mail.ru; **Константинов Михаил Сергеевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: konstantinov@sfedu.ru

Potseluev Sergey, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: spotselu@mail.ru; **Konstantinov Mikhail**, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: konstantinov@sfedu.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 18-011-00906 «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов»

© Поцелуев С.П., Константинов М.С., 2018 DOI: 10.31249/poln/2018.04.08

формах идеологической деконтекстации, которыми эта миграция сопровождается. Особое внимание уделено концептам «русского мира» и «империи», миграция которых происходит через периферию либеральных, консервативных и праворадикальных идеологических аттитюдов.

Ключевые слова: правый радикализм; аттитюд; идеологический концепт; миграция концептов; деконтекстация; русский мир.

Для цитирования: Поцелуев С.П., Константинов М.С. Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодежи Дона // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 146–178. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.08

S.P. Potseluev, M.S. Konstantinov
Migratory concepts of right-wing extremism
in students' attitudes

Abstract. The article is devoted to migration of ideological concepts, especially the right-wing radical ones. This phenomenon is considered on the basis of a sociological survey carried out students of the Don region. Migration of concepts makes it much more difficult for political scientists to identify the ideological attitudes of citizens, which in the case of extremist ideas in the youth environment constitutes a serious political problem. In the theoretical part of their research, the authors rely on the notion of ideology realized in the works of T. van Dijk, as well as on the morphological approach proposed by M. Freeden for the analysis of ideologies. Conclusions are made about the interaction of universalist and particularistic values in the Don students attitudes to the topical social and political issues, the degree of susceptibility of student consciousness to migration influence from right-wing radical concepts, as well as on the forms of ideological decontesting by which this migration is accompanied. Particular attention is paid to the concepts of the «Russian world» and «empire», their migration through the periphery of liberal, conservative and right-wing ideological attitudes.

Keywords: right-wing radicalism; attitudes; ideological concept; migration of concepts; decontesting; the Russian world.

For citation: Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Migratory concepts of right-wing extremism in students' attitudes // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 146–178. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.08

...Чтобы сделать идеал общедоступным,
необходимо разменивать его на мелочи
и уже в этом виде применять

к исцелению недугов, удручающих человечество.

Салтыков-Щедрин М.Е. Либерал [Салтыков-Щедрин, 1974, с. 163]

С конца апреля по начало июня 2015 г. коллективом ученых из Южного федерального университета и Южного научного центра РАН проводилась серия групповых интервью и анкетирован-

ный опрос в пяти вузах Ростова-на-Дону: Южном федеральном университете, Ростовском государственном университете путей сообщения, Южно-Российском институте – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Донском государственном аграрном университете, Донском государственном техническом университете. Выборка составила 718 человек (350 юношей и 368 девушек) и предполагала деление респондентов на две возрастные группы: студентов 1-го и 3–5-го курсов. Целью исследования было выявление праворадикальных идеологов в сознании донских студентов.

В ходе исследования получен ряд любопытных материалов, из которых предметом анализа в данной статье станет феномен миграции концептов, который составляет нетривиальную научную и одновременно политическую проблему: во-первых, миграция концептов существенно затрудняет идентификацию идеологических установок; во-вторых, затрудняет оценку политических рисков, поскольку не совсем понятно, сколько людей и в какой мере идентифицируют себя с этими идеями.

В первой части статьи мы расскажем о методологических и методических основах исследования, во второй – представим общую картину ценностных ориентаций опрошенных нами студентов, а в третьем разделе подробно остановимся на миграции концептов «русского мира» и «империи», характерных для отечественного праворадикального (но не только) дискурса.

Миграция праворадикальных концептов: К методологии исследования

В духе когнитивистского подхода к идеологиям, развиваемого, в частности, Т. ван Дейком, мы понимаем под идеологемами структурные единицы определенных идейных позиций (аттитюдов). Ван Дейк называет аттитюдами «кластеры разделяемых в обществе ценностных убеждений» [van Dijk, 1998, p. 65], которые обнаруживаются в откликах людей на социально значимые вопросы (мигранты, аборты, гонка вооружений и т.п.). Соответственно, в социологическом опросе аттитюды проявляются в ответах респондентов на актуальные социально-политические вопросы. Аттитюды, по словам ван Дейка, в том смысле сходны с идеологиями, что они тоже струк-

турируются в категориях проблемы и ее решения [van Dijk, 1998, p. 67]. Выраженные в аттитюдах политические идеологемы могут быть для респондентов не вполне осмысленными, «смутными» [Бахтин, 2000, с. 375] идеологемами. Однако они не должны оставаться таковыми для исследователя, который видит в них лексикализованные версии идеологических концептов¹.

В трактовке концептуальной структуры идеологического дискурса мы опираемся на морфологический подход, предложенный британским политологом М. Фриденем. По Фридену, политические концепты (concepts) суть «сложные идеи, вносящие порядок и значение в наблюдаемые или ожидаемые множества политических феноменов» [Freeden, 2006, p. 52]. Одна из существенных характеристик идеологического дискурса заключается в «цементировании отношений между словом и концептом» [Freeden, 2006, p. 76]. Слово может относиться ко многим и к тому же меняющимся значениям; с другой стороны, сами политические концепты многозначны в силу своей «сущностной оспариваемости» [Ледяев, 2001, с. 10]. Напротив, «идеология стремится положить конец неизбежному разночтению концептов, деконструируя их, исключая спорные интерпретации» [Freeden, 2003, p. 74]. В этом смысле идеологии, по Фридену, суть не просто концептуальные системы, но «конфигурации деконструированных значений политических концептов» [Ibid., p. 76].

Однако концепты являются не только субъективными умоглядными моделями, но и объективными конструкциями, отражающими социально-историческую практику. И в этом своем качестве они образуют структуру идеологий, в которой М. Фриден различает ядро, смежную область и периферию. Такую структуру мы рассматриваем и в случае праворадикальной идеологии, но в данной статье мы коснемся лишь ее периферийных концептов правого радикализма, обнаруживших любопытную динамику.

Для описания этой динамики, а именно своеобразной миграции концептов, необходимо упомянуть еще одну (также вводимую Фриденем) дистинкцию внутри идеологической периферии: различие маргинальных и периметровых концептов [Freeden, 2006, p. 78]. Оба этих вида концептов несущественны для идеологии в том смысле, что от них не зависит напрямую ее *differentia specifica*.

¹ В этом смысле идеологему можно кратко определить как политический концепт, привязанный к определенному знаку.

Но если несущественность маргинальных концептов объясняется их собственным содержанием (они больше подходят другой идеологии), то случайность периметровых концептов связана с их теоретической незрелостью: в них особенности исторической ситуации (какого-то конкретного значимого события, деятеля и т.п.) как внешней границы, периметра идеологии, хотя и отражают суть последней, но делают это во вторичной, поясняющей форме. К примеру, в нашем опросе в роли важного периметрового концепта выступал украинский кризис 2014–2015 гг.

Такова схема Фридена, от которой мы отталкивались в трактовке периферийных концептов праворадикальной идеологии. Однако эту схему мы вынуждены были конкретизировать еще одной дистинкцией, потому что отношение периферийных и ядерных концептов правого радикализма оказывается гораздо сложнее с когнитивной точки зрения, чем отношение частного и общего. Упомянутое различие маргинальных и периметровых концептов мы дополнили различием двух модусов идеологической периферии: консонансного (когда периферийные концепты созвучны по смыслу с ядерными и / или смежными концептами, усиливая их позитивные непротиворечивые характеристики) и диссонансного (первые явно или неявно противоречат по смыслу вторым и / или третьим, но все же необходимы им для «конкурентоспособного» включения в культурно-историческую среду¹). Данное различие позволяет учесть динамический момент концептуальной структуры идеологии, в частности, процессы миграции концептов. Концепты мигрируют как внутри структуры самой идеологии, так и на периферию других (смежных) идеологий. К примеру, один из ядерных концеп-

¹ В структуру идеологии маргинальный концепт может входить как на правах собственного «мальчика для битья», создающего смысловой контраст для внутренней экспозиции ядерных и смежных концептов идеологии, так и в роли «противника, обращенного в союзника». В первом случае мы имеем классический пример диссонансного периферийного концепта. Во втором же случае концепт как бы «умыкается» из конкурирующей идеологии, образуя в смысловом контексте собственной концептуальной системы (даже с учетом его деконтекстации) подчас грубые логические противоречия, парадоксы и абсурды. Но эти семантические издержки оправдываются коммуникативной выгодой от смысловых резонансов с разными сегментами современной сложной аудитории. По этой причине упомянутое умыкание можно также рассматривать как пример консонансного маргинального концепта.

тов националистических идеологий – идея высшей ценности нации – может оказаться в окрестностях какой-то разновидности либерализма, а ядерный для либерализма концепт личной свободы и прав человека – выйти на периферию праворадикальных идеологических течений. Причем маргинальность «личной свободы» для правого радикализма может быть как диссонансной по отношению к его ядру (как в случае классического фашизма и нацизма), так и консонансной – как в современных версиях праворадикальной идеологии. Консонансный характер маргинального концепта открывает ему перспективу в направлении идеологического ядра.

Периферийные концепты, расположенные по историческому периметру идеологии, также обнаруживают интересную динамику в отношении ядра. В этих концептах логика идеологии упирается в предметную логику исторической ситуации, что чревато смысловыми диссонансами, которые идеология должна суметь обратить себе на пользу посредством специальных дискурсивных практик. Другими словами, периметровые концепты мешают идеологии превращаться в безжизненный канон и, будучи поначалу случайными элементами для идеологического ядра, в перспективе становятся существенным условием адаптации (гибридизации) и развития (мутации) идеологии в меняющихся условиях культурно-исторического пространства и времени.

Таким образом, миграция концептов, с одной стороны, объясняет разнообразие и неизбежность современных идеологических гибридов (вроде «консервативного», «имперского» или «социального» либерализма), а с другой – помогает понять принципиальность отличия тех же консервативных либералов от либеральных консерваторов: при всей концептуальной динамике (гибридизации) устойчивость ядра идеологий сохраняет их *differentia specifica*.

Это ядро есть кластер (созвездие) нескольких концептов [Freeden, 2006, p. 84], которые выражают лишь основную идею идеологии, но строго не определены, а потому нуждаются в смежных и периферийных концептах. С опорой на теорию фашизма, предложенную британским политологом Р. Гриффином, мы видим в ядре правого радикализма как минимум два базовых элемента: миф о возрождении (палингенетический миф) и популистский ультра национализм [Поцелуев, Константинов, 2014, с. 79]. Что касается периферийных концептов праворадикальной идеологии, то в случае фашизма к таковым концептам Р. Гриффин относит сле-

дующие: 1) культ личности вождя, сочетаемый с 2) ритуально-театральным стилем политики; 3) парамилитаризм и маскулинность, акцентирующие эстетику и моральные достоинства армии; 4) массовая мобилизация и акционизм – масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство; 5) шовинизм; 6) антисемитизм и евгеника; 7) корпоративная экономика. Но с эпохи классического фашизма правый радикализм показал себя как гибкое и эклектичное по своему содержанию идеологическое образование, адаптирующееся – посредством миграции периферийных и смежных концептов – к актуальной для данного общества и исторического времени повестке дня.

Среди российских праворадикальных течений мы вслед за известным отечественным экспертом в области изучения фашизма А.А. Галкиным выделяем, с одной стороны, «западническое», подчеркивающее свою принадлежность международному фашизму, а с другой – «почвенническое», избегающее идентификации с фашизмом и акцентирующее идею самобытности России [Галкин, 1995, с. 14]. Аналогичные разновидности правого радикализма в посткоммунистической России выделяет и Р. Гриффин [Гриффин, 2007, с. 241]. Хотя эти разновидности обнаруживают одинаковое идейное ядро и сходные смежные концепты, они существенно разнятся по концептуальной периферии.

Относительно концептуальной периферии отечественного правого радикализма нами установлено следующее: 1) культ личности и вождизм не характерны для почвеннической версии фашизма, за исключением достаточно эпизодичного возвеличивания Сталина; 2) ритуально-театральный стиль политики полностью актуален и проявляется в стремлении приверженцев отечественного правого радикализма обозначать себя в публичном пространстве посредством яркой символики политических перформансов («Русские марши» и т.п.); 3) с этими перформансами связано и стремление мобилизовать своих сторонников посредством масштабных акций: собраний, демонстраций, пикетов (нередко противозаконных); 4) сохраняет свою актуальность и парамилитаризм – полувоенный характер молодежных организаций и движений, эстетика и моральный авторитет армии; 5) шовинизм в отечественных версиях правого радикализма проявляется как по отношению к внутренним «врагам» (кавказцам, мигрантам, «пятой колонне» и т.д.), так и внешним («пендосам», «гейропейцам» и т.д.); 6) антисемитизм дос-

таточно вариативен и зависит от трактовки «русской нации» (с акцентами на биологическое либо культурно-цивилизационное родство), хотя в целом свойственен почвенническому фашизму.

Проведенные групповые интервью, а также анкетированный опрос студентов дали основание для дальнейших уточнений представлений о концептуальной структуре отечественных версий правого радикализма. В частности, выяснилось, что в молодежном сознании, самом по себе мозаичном и «клиповом», представлена смесь из самых разных идеологем; при этом легко сочетаются симпатии к В.И. Ленину и А. Гитлеру, ценность индивидуальной свободы и прав человека – с возвеличиванием национального целого и ксенофобией и т.д. Имеет место своеобразная игра (или заигрывание) с другими идеологическими системами с целью конкурентоспособного позиционирования и презентации себя в публичном пространстве и тем самым – «ловли душ» колеблющихся идеологических противников и укрепления «в вере» своих сторонников.

При этом необходимо учитывать, что значение «мигрирующих концептов» при их переходе из одной идеологии в другую меняется: в процессе заимствования происходит их деконтекстация, переопределение значений, причем как мигрирующих концептов периферии, так и смежных, а нередко и ядерных элементов идеологии. В случае правого радикализма диапазон значений ядерных концептов, а также некоторых смежных (антилиберализм, антиконсерватизм и пренебрежение к личности) переопределяется такими мигрирующими периферийными концептами, как национализм, патриотизм и его националистические коннотации; империя в ее связи с различными трактовками нации; «шовинизм благосостояния»; антилиберализм; антисемитизм и др. В частности, по материалам нашего исследования выявлены дополнительные аспекты деконтекстации ядерного для праворадикальной идеологии концепта ультранационализма. Установлено, что данный концепт изменяет свое значение не только под влиянием концепта империи, но также других периферийных (пришедших прежде всего из консервативной традиции) концептов патриотизма и великодержавности, а затем мигрирует в таком модифицированном виде обратно в периферию российских идеологий.

Ниже мы постараемся показать некоторые сюжеты концептуальной игры на идеологической периферии правого радикализма, используя прикладную методику обработки полученных данных.

Эта методика состоит в следующем. Для описания некоторого единства представлений респондентов о той или иной проблеме используется анализ корреляций между переменными, а также регрессионный анализ¹, предполагающий, что положительное или отрицательное значение коэффициентов уравнения линейной регрессии позволяет делать предположения о влиянии друг на друга переменных x и y :

$$\hat{y} = a + bx,$$

где \hat{y} – расчетное значение переменной y ;

x – наблюдаемое значение переменной x ;

a и b – коэффициенты линейной регрессии.

Анализ корреляций позволяет выявить зависимости между установками респондентов, а регрессионный анализ – определить позицию переменных в структуре студенческого сознания и динамику идеологических концептов. Методика регрессионного анализа предполагает, что положительное значение коэффициента a указывает на статус x в качестве зависимой переменной; соответственно, отрицательное значение a указывает на зависимость переменной y . По данным таблицы сопряжений вычисляются значения коэффициентов корреляции r_{xy} между столбцами и коэффициенты регрессии a и b (см. Приложение). При этом наименьший учитываемый уровень корреляционной связи высчитывается по формуле:

$$r = \frac{t}{\sqrt{n - 2 + t^2}}$$

В данной работе для перенесения полученных результатов на генеральную совокупность был принят уровень значимости $\alpha = 0,001$. Значение t было получено из таблицы критических значений t -критерия Стьюдента. Проводилось три вида анализа, для каждого из которых уровень связи был различен и зависел от количества степеней свободы ($n - 2$):

¹ Пример подобного анализа, выполненного на материале того же социологического исследования, см.: [Лукичев, 2018].

6 степеней свободы (таблица 2): при $t = 5,959$, $r_{xy} > 0,9249$;
8 степеней свободы (таблицы 1, 7 и 8): при $t = 5,041$,
 $r_{xy} > 0,8721$;

12 степеней свободы (таблица 3): при $t = 4,318$, $r_{xy} > 0,7800$.

Результат регрессионного анализа иллюстрировался графами взаимовлияния переменных. Для отображения этого взаимовлияния использовались следующие условные обозначения:

- исходный момент (независимая переменная);
- центральный момент (переменная, зависимая от других переменных, но при этом определяющая последующие переменные);
- терминальный момент (переменная, полностью зависимая от других переменных);
- внутри значка указывается номер переменной, под которым она значится в таблице.

Идеологические установки в аттитюдах донских студентов: Между универсальным и партикулярным

Прежде всего, следует посмотреть на общую картину ценностных установок респондентов в их соотносительности с идеологическими самоидентификациями¹.

¹ Идеологические предпочтения в процессе исследования определялись на основе самоидентификации респондентов. Конечно, такой подход не совсем безупречен с точки зрения методологии, ведь от того, что респондент идентифицирует себя в качестве либерала, он таковым не становится. Но в данном случае эта проблема не имеет большого значения, поскольку нас интересует не последовательная репрезентация идеологической структуры в сознании респондента, а смысловое содержание представленных в этом сознании мигрирующих периферийных концептов различных идеологий. Мигрирующие периферийные концепты, как правило, одновременно принадлежат нескольким идеологиям, различия существенны только относительно коннотаций значений этих концептов: в разной идеологической среде один и тот же концепт интерпретируется по-разному и, соответственно, наполняется различным содержанием. Поэтому выявляемые в процессе анализа противоречия между идеологической ортодоксией и тем, как она репрезентируется в сознании респондента, не только не является методологической ошибкой, но, напротив, выступает одним из средств выявления мигрирующих периферийных концептов.

Таблица 1

**Сопряженность ценностных предпочтений
с идеологической самоидентификацией
(в процентах по столбцам)**

Как бы вы охарактеризовали свои идейно- политические убеждения?	Какие ценности (традиции) для вас наиболее значимы?							
	1	2	3	4	5	6	7	8
	Общечеловеческие ценности	Ценности русского мира	Традиции моего народа	Ценности моей религии	Традиции Донской земли	Традиции моей семьи (моего рода)	Ценности моих друзей и коллег	Мои личные ценности
Консервативные	16,1	21,7	22,6	18	22	21,4	19,5	13,4
Либеральные	26,2	13,9	14,6	16,2	20	21	14,6	24,9
Большевистские	0,2	2,1	1,5	0	0	1,4	0	0,4
Национально-патриотические	12,4	17,5	17,6	14,5	16	12,1	7,3	12,6
Фашистские	0,2	2,1	0,5	0	2	0	0	1,2
Национал-социалистические	2,7	4,2	3	6	4	1,7	2,4	1,5
Коммунистические	5,3	7	6,5	6	6	4,8	9,8	5
Социалистические	10,7	7,7	8,6	6,8	12	9,7	12,2	8,8
Анархические	1,5	2,8	0,5	0	0	1,4	4,9	3,4
Монархические	5,4	5,6	4,5	11,1	4	6,5	9,8	6,1

Применение регрессионного анализа к приведенным в таблице данным показывает, что исходными моментами в регрессии (см. рис. 1) выступают позиции 1 (общечеловеческие ценности) и 3 (традиции моего народа); центральными моментами являются партикулярные ценности – 2 (ценности русского мира), 4 (ценности

моей религии), 5 (традиции Донской земли) и 6 (традиции моей семьи (моего рода)); терминальными – 7 (ценности моих друзей и коллег) и 8 (мои личные ценности).

Таким образом, вполне ожидаемо в студенческой среде основополагающими являются универсалистские ценности, с некоторой корректировкой «ценностями моего народа» (заметим, здесь речь не идет о нации; формулировка поддается самой разнообразной интерпретации – даже самой либеральной). Затем следуют партикуляристские ценности, которые завершаются ценностной структурой личности. Попробуем теперь разобраться, не происходит ли деформация универсалистских ценностей под влиянием партикуляристских.

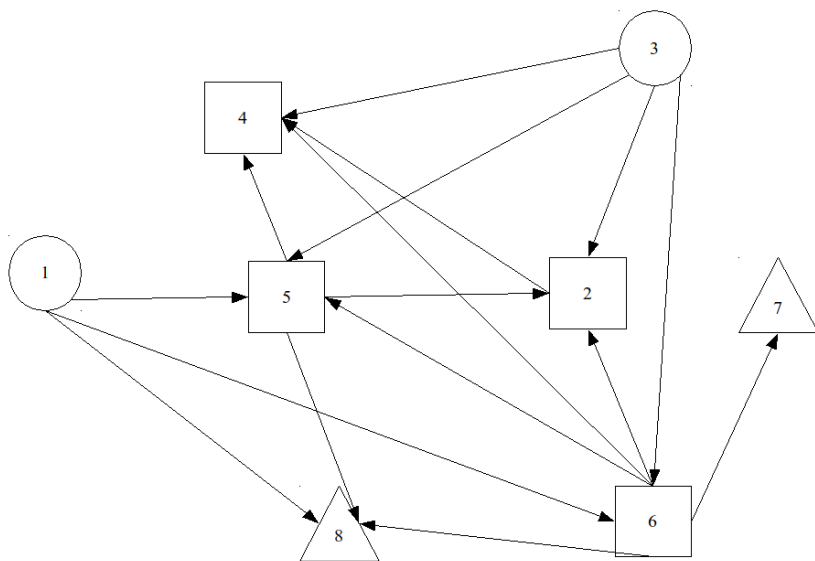

Рис. 1.

Граф взаимовлияний переменных ценностных предпочтений по отношению к идеологической самоидентификации

Таблица 2

**Сопряженность ценностных предпочтений
с отношением к политическим лозунгам
(в процентах по столбцам)**

Какие ценности (традиции) для вас наиболее значимы?	Полностью или частично согласен с лозунгом													
	<i>Россия только для русских!</i>	<i>Фашизм не пройдет!</i>	<i>Долой олигархов!</i>	<i>Личная свобода и права человека неприкосновенны!</i>	<i>Хватит кормить Кавказ!</i>	<i>Долой пятую колонну!</i>	<i>Нация – все, индивид – ничто!</i>	<i>Русские своих не бросают!</i>	<i>Россия должна быть империей!</i>	<i>Бей жидов – спасай Россию!</i>	<i>Дайшь «русскую весну» в РФ!</i>	<i>Место женщины – на кухне, а не в политике!</i>	<i>За славянское братство!</i>	<i>Все расы равновценны!</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Общечеловеческие ценности	53,6	73,3	68,2	72,6	62,1	68,9	57,7	72,8	63,4	53,5	58,9	62,7	68,7	72,7
Ценности русского мира	27,9	12,9	18,9	15,4	20,6	23,6	30,6	12,8	18,9	30,2	25,9	31,0	20,7	14,4
Традиции моего народа	26,8	23,0	23,6	25,0	17,0	23,0	27,6	18,1	23,1	29,0	24,1	24,9	22,6	20,5
Ценности моей религии	8,5	15,2	14,1	11,6	11,4	13,7	16,6	12,4	14,6	18,4	13,0	16,4	11,9	10,0

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Традиции Донской земли	6,6	3,5	5,9	4,8	6,9	5,5	3,3	6,7	6,1	5,7	7,3	6,2	6,6	4,8
Традиции моей семьи (моего рода)	34,6	32,2	32,6	33,2	32,2	32,8	28,6	36,3	35,7	33,8	32,3	32,7	34,6	37,1
Ценности моих друзей и коллег	5,2	2,9	3,7	3,6	7,3	4,5	4,7	4,9	4,7	4,0	3,7	5,0	4,4	5,9
Мои личные ценности	34,3	34,6	29,7	29,3	41,5	27,6	28,7	33,3	30,0	23,8	31,1	29,0	27,0	32,0

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, из тех, кто полностью либо частично согласен с лозунгом «Россия только для русских!», 53,6% считают, что они разделяют общечеловеческие ценности. Как это сочетается с идеями универсальности прав человека, его свобод и т.д.? Может быть, имеет смысл предположить, что респонденты в своих ответах подразумевают совсем иные значения тех лозунгов и ценностей, которые им предлагаются для рассмотрения в анкете? Можно предположить, что периферийный для либерального сознания концепт нации заимствуется из националистических и праворадикальных идеологий с целью сформулировать убедительный ответ либералов на вызовы современности. И будучи «облагорожен» пафосными лозунгами «Русские своих не бросают!» (72,8%), «За славянское братство!» (68,7%) и т.д., концепт нации находится в постоянной миграции между обозначенными идеологиями, наполняясь различными оттенками смыслов в зависимости от того концептуального контекста, в котором он оказывается? Оценим это по рис. 2.

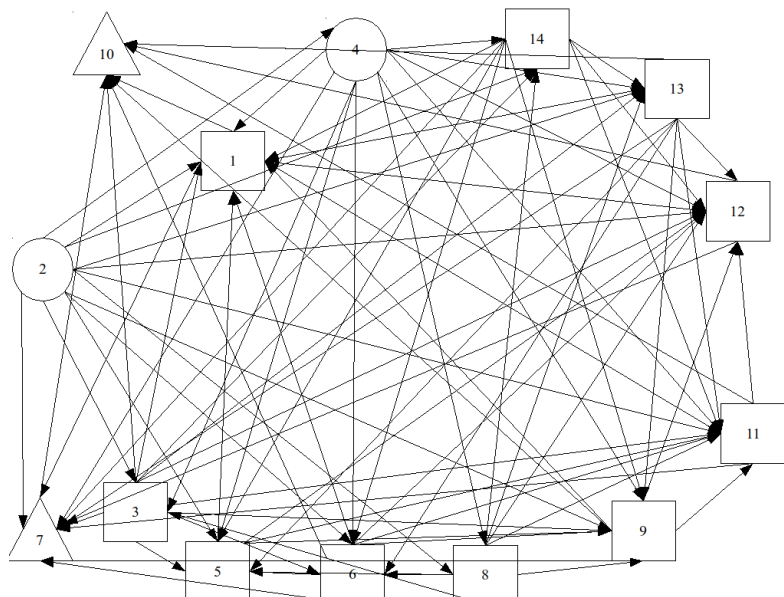

Рис. 2.

Граф взаимовлияний переменных ценностных предпочтений по отношению к лозунгам

Регрессионный анализ показывает, что либеральные ценности личной свободы и прав человека являются независимыми переменными; сюда же относятся антифашистские ценности, выраженные в лозунге «Фашизм не пройдет!». К числу терминальных на выходе из ценностной структуры относятся праворадикальные ценности превосходства нации над индивидом и антисемитизм. Согласно регрессионному анализу, две позиции, выраженные лозунгами «Нация – все, индивид – ничто!» и «Бей жидов – спасай Россию!», практически полностью определяются другими лозунгами (за исключением отношений между самими двумя этими лозунгами – здесь антисемитизм зависит от идеи превосходства нации).

Любопытная картина вырисовывается относительно лозунга «Россия только для русских!». Он зависит от всех позиций, за исключением трех, для которых он является определяющим: «Нация – все, индивид – ничто!», «Бей жидов – спасай Россию!» и «Место

женщины – на кухне, а не в политике!». Все четыре обозначенные позиции относятся к праворадикальным установкам, и определяющая роль партикулярной идеи «русскости» в контексте распределения отношений зависимости по отношению к более универсальной идее нации весьма симптоматична. Похожим по структуре является распределение зависимостей в отношении лозунга «Хватит кормить Кавказ!»: от него зависят лозунги «Россия только для русских!» и три других обозначенных выше праворадикальных лозунга, что позволяет считать его узловым для данной смысловой группы концепта нации.

Учитывая, что социально одобряемые и популярные лозунги «Русские своих не бросают!» (девять позиций, в которых он выступает независимой переменной, определяющей другие переменные), «Долой олигархов!» (10 независимых позиций), «За славянское братство!» (девять независимых позиций) и «Все расы равноценны!» (восемь независимых позиций) по результатам корреляционно-регрессионного анализа оказались определяющими по отношению к другим переменным, можно предположить, что перечисленные концепты деконтекстируют посредством позитивных смысловых коннотаций социально неодобряемые в российском обществе концепты ультранационализма, антисемитизма, различных форм шовинизма (включая «шовинизм благосостояния», выражаемый позитивным отношением между лозунгами «Долой олигархов!» и «Хватит кормить Кавказ!») и т.д. В самом деле, признаться себе (или тем более другим!) в том, что ты ненавидишь «кавказцев» просто потому, что они этнически другие, крайне сложно в силу заложенных с детства моральных механизмов (отсюда, кстати, популярность лозунга «Все расы равноценны!», легко сочетаемая с лозунгом «Бей жидов – спасай Россию!»). А вот если приукрасить («деконтекстировать») это чувство этнической неприязни идеологемами «За славянское братство!» и / или «Русские своих не бросают!», да еще добавить к этому проблему экономического неравенства («Долой олигархов!»), то этническая неприязнь легко трансформируется в концептуальный комплекс: «Кавказцы – бездельники, не умеющие и не желающие работать; распределение федеральным центром дотаций регионам в пользу кавказцев несправедливо; хватит кормить Кавказ! Россия только для русских!». Подобную псевдологическую, т.е. идеологическую связь с легкостью подхватывает и транслирует публично даже самое либеральное сознание, о чем

свидетельствуют примеры А. Навального, Б. Рынки и др. российских либералов¹. Либеральная идея универсальной свободы, будучи деконтектирована мигрировавшим из ультраправых идеологий концептом нации (как бы она ни трактовалась), из «свободы для всех» трансформируется в идею «свободы для представителей моего этноса / нации / группы и т.д.»². Направление такой трансформации исторически было задано уже консерваторами, отвергавшими распропагандированные Французской революцией «права человека» как абстракцию, в пользу конкретных прав внутри отдельной национальной традиции³.

Но здесь же обнаруживается и обратный идеологический маневр: все публично неодобряемые в российском обществе идеи (как правило, партикуляристского свойства вроде «священного эгоизма нации») в структуре зависимостей по большей мере являются определяемыми другими, более «благородными» (и универсалистскими) ценностями. Так, «Россия только для русских!» в качестве независимой переменной выступает лишь три раза, а в качестве зависимой – девять. В качестве независимых переменных выступают: «Хватит кормить Кавказ!» – четыре раза; «Нация – все, индивид – ничто!» – один раз; «Место женщины – на кухне, а не в политике!» – два раза. Лозунг «Бей жидов – спасай Россию!» полностью зависим, а «Фашизм не пройдет!», напротив, полностью независим.

Нечто похожее происходит с концептом империи, также широко представленным в студенческом сознании. Он является опре-

¹ См. некоторые из примеров: [Навальный, 2008 b], [Навальный, 2008 a], [НАРОД за легализацию... Б. г.], [Стань националистом... Б. г.], [Навальный о Кадырове... Б. г.], [Ролик с Форума... Б. г.], [Кавказцы оборзели... Б. г.], [Божена – рупор... Б. г.]; [Милос, 2010].

² Помимо зарегистрированной в РИНЦ монографии В.С. Барышенко, представленного как «Президент Русской Национальной Правозащитной Секции Международного Общества Прав Человека» (См.: [Барышенко, 2002]), в Сети можно найти немало аналогичных (и сознательных) праворадикальных «переименований» либерального концепта «прав человека». Характерно, что декларации о правах «русского человека» плавно переходят здесь в декларацию о правах «русского народа (русской нации)». См.: [Демидов, 2008], [Проект Декларации... 2011].

³ С классической ясностью эту мысль, как известно, выразил Ж. де Местр: «В своей жизни мне довелось видеть Французов, Итальянцев, Русских и т.д., но касательно *общечеловека* я заявляю, что не встречал такового в своей жизни». См.: [Местр де, 1997, с. 89].

деляющим для идей «Россия только для русских!», «Бей жидов – спасай Россию!», «Даёшь “русскую весну” в РФ!» и «Место женщины – на кухне, а не в политике!». При этом сама имперская идея облагораживается всеми теми идеологемами, которые мы рассмотрели выше.

Таким образом складываются зависимости между лозунгами в их отношении к ценностям. Посмотрим теперь, насколько связаны ценностные предпочтения респондентов с их отношением к лозунгам. Обратим внимание на то, какой процент респондентов, ассоциировавших себя с теми или иными ценностями, согласились (полностью или частично) с различными лозунгами. Корреляции между этими переменными отражены в табл. 3.

Таблица 3

**Сопряженность солидарности с ценностями
с одобрением политических лозунгов
(в процентах по столбцам)**

<i>Полностью или частично согласен с лозунгом</i>	<i>Какие ценности (традиции) для вас наиболее значимы?</i>							
	<i>Общечеловеческие ценности</i>	<i>Ценности русского мира</i>	<i>Традиции моего народа</i>	<i>Ценности моей религии</i>	<i>Традиции Донской земли</i>	<i>Традиции моей семьи (моего рода)</i>	<i>Ценности моих друзей и коллег</i>	<i>Мои личные ценности</i>
Россия только для русских!	31,0	50,0	38,9	21,2	45,7	40,1	36,7	37,5
Фашизм не пройдет!	85,5	82,7	88,5	81,2	77,1	85,4	70,0	75,5
Долой олигархов!	59,8	71,4	62,6	62,4	62,9	58,5	50,0	57,0
Личная свобода и права человека неприкосновенны!	94,0	86,7	91,4	89,4	88,6	92,9	76,7	93,5
Хватит кормить Кавказ!	32,8	37,8	28,1	29,4	40,0	36,3	50,0	41,0
Долой пятую колонну!	28,6	45,9	30,9	29,4	31,4	27,8	26,7	25,0
Нация – все, индивид – ничто!	13,6	28,6	17,3	17,6	8,6	14,2	16,7	12,0
Русские своих не бросают!	84,1	94,9	86,3	81,2	94,3	88,7	76,7	77,5
Россия должна быть империей!	50,8	67,3	61,2	65,9	60,0	59,0	53,3	51,5
Бей жидов – спасай Россию!	15,5	36,7	25,2	27,1	20,0	20,8	16,7	14,5
Даёшь «русскую весну» в РФ!	15,7	30,6	20,9	17,6	22,9	17,9	13,3	18,5
Место женщины – на кухне, а не в политике!	33,3	48,0	39,6	42,4	40,0	35,4	36,7	33,0
За славянское братство!	59,6	87,8	64,0	56,5	77,1	62,7	56,7	52,5
Все расы равноценны!	89,6	75,5	82,0	74,1	80,0	86,8	86,7	79,5

Как видно из таблицы 3, 31% тех, кто солидаризировался с универсалистскими общечеловеческими ценностями, полностью или частично согласились с лозунгом «Россия только для русских!» (в абсолютном выражении это 134 человека!) и почти 33% согласны с выражением «Хватит кормить Кавказ!» (это 142 человека!). Неменьшие симпатии к указанным лозунгам демонстрируют сторонники партикуляристских ценностей и традиций «Донской земли», «друзей и коллег», а также «личных ценностей».

Еще более высокий процент согласия с указанными лозунгами показали те, кто солидарен с «ценностями русского мира»: 50% (49 человек) и 37,8% (37 человек) соответственно. При этом в этой же группе респондентов наибольшая поддержка антилиберального лозунга «Долой пятую колонну!» (45,9%, 45 человек) и праворадикальных лозунгов «Нация – все, индивид – ничто!» (28,6%, 28 человек), «Бей жидов – спасай Россию!» (36,7%, 36 человек). Представители этой группы (67,3%, 66 человек) также демонстрируют самые высокие показатели симпатий к имперской идее. Но при этом поддержка ими идеи равноценности рас находится на одном из самых низких уровней. Они же вполне готовы к конкретным действиям, что выражается в лозунге «Даёшь “русскую весну” в РФ!» (30,6%, 30 человек).

«Русский мир»: Миграции и контестации концепта

Что же такое «русский мир» в представлении респондентов, и как влияет этот периферийный для либералов концепт на ценностную структуру других идеологий? Не облагораживается ли концепт нации, также периферийный для либеральной идеологии, в контексте смысловых коннотаций таких лозунгов, как «Русские своих не бросают!», «За славянское братство!»? Ведь эти и близкие им по смыслу сентенции пользуются большой поддержкой респондентов, а это позволяет концепту нации исподволь проникать через периферию в такие универсалистские идеологии, как либерализм, социализм, экологизм и т.д. Проведем еще раз регрессионный анализ, дабы посмотреть, какое влияние на структуру ценностей оказывают выраженные в лозунгах идеологические концепты (см. рис. 3).

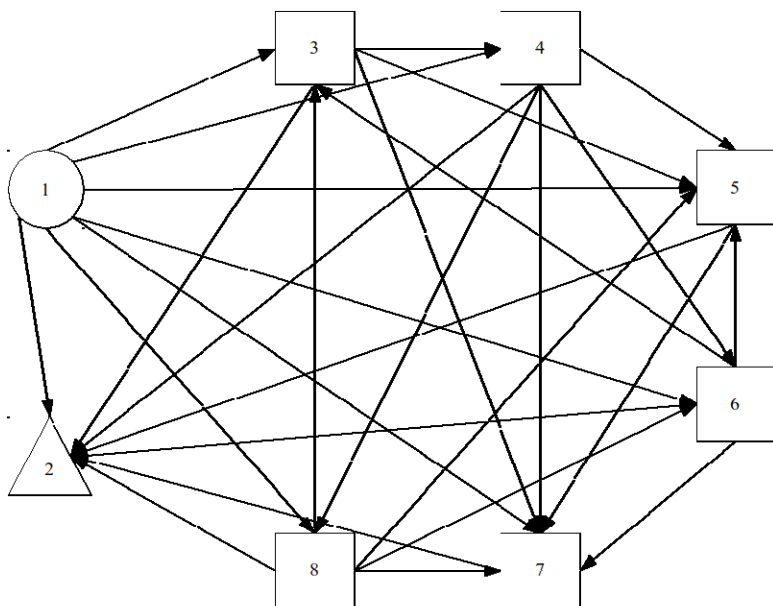

Рис. 3.

**Граф взаимовлияний переменных
ценностных предпочтений по отношению к лозунгам**

Что изменилось по сравнению с результатами анализа отношений между ценностями и идеологическими самоидентификациями? Прежде всего, статистические связи ценностей и лозунгов выражены гораздо сильнее. Кроме того, исходной осталась только первая переменная («общечеловеческие ценности»), а «ценности русского мира» превратились в терминальную, полностью зависимую от других переменную (см. рис. 3), в то время как в контексте идеологических самоидентификаций терминальными были 7-я и 8-я переменные.

Что же представляют собой упомянутые «ценности русского мира»? И как эти ценности влияют на идеологическую самоидентификацию? Корреляции идеологических самоидентификаций респондентов с концептуальными трактовками идеологемы «русский мир» (этнонациональный – позиция 1, имперский – позиция 2, геополитический –

позиция 3, культурно-цивилизационный – позиция 4) представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Сопряженность идеологической самоидентификации
респондентов с интерпретацией «русского мира»
(в процентах по столбцам)**

Какое из приведенных ниже определений «русского мира» вы считаете наиболее удачным?	Как бы вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения?									
	консервативные	либеральные	большевистские	национально-патристические	фашистские	национал-социалистические	коммунистические	социалистические	анархические	монархические
Русский мир есть проект объединения славян в единое государственное образование, и его границы определяются фактической территорией расселения славянских народов	13,9	14,7	14,3	19,0	0,0	18,5	18,9	11,5	22,2	3,5
Русский мир есть проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытывавшие историческое влияние русской культуры и цивилизации	36,4	31,4	28,6	36,4	42,9	37,0	35,8	37,9	22,2	47,4
Русский мир есть проект геополитического противостояния США и потенциально включает в себя страны Варшавского договора	8,5	8,3	0,0	5,0	42,9	14,8	7,5	8,0	11,1	7,0
Русский мир есть великая миссия русского народа – объединение всех православных в единую православную цивилизацию	11,5	10,3	42,9	18,2	0,0	14,8	15,1	17,2	11,1	15,8
Другое	3,0	2,5	0,0	0,8	0,0	0,0	3,8	5,7	22,2	0,0
Затрудняюсь ответить	26,7	32,8	14,3	20,7	14,3	14,8	18,9	19,5	11,1	26,3

Как видно из ответов респондентов, большинство (от 31,4% «либералов» до 47,4% «монархистов») предпочитают «культурно-цивилизационную» имперскую трактовку «русского мира». Исключение составили только малочисленные «большевики», почти половина которых выбрали «культурно-цивилизационную», но

не имперскую трактовку, а также «анархисты», взгляды которых на эту проблему оказались неустойчивыми. Это говорит о существовании мигрирующего между различными идеологиями (консерватизмом – 36,4, либерализмом – 31,4%, национальным патриотизмом – 36,4% и т.д.) концепта, в семантику которого входят одновременно имперская и культурно-цивилизационная составляющие, причем этот концепт деконтектирует значение окружающих его концептов.

Хотя сама миграция идет через идеологическую периферию, можно предположить, что она имеет разные векторы в зависимости от характера идеологических (т.е. контролируемых определенной идеологией¹) аттитюдов. Для либеральных аттитюдов «русский мир» остается маргинальным концептом, причем как диссонансным, так и консонансным. Во втором случае его адаптационная значимость несколько усиливается такими периметровыми концептами как «Крымская весна» и т.п. Для консервативной же установки «русский мир» – это один из центральных концептов², который, однако, может мигрировать к периферии вслед за консонансными периметровыми концептами, отражающими политическую «злобу дня». Наконец, у правых радикалов концепт «русского мира» движется от периферии (куда он попадает от консерваторов) в направлении ядра, обретая новый (контектированный в радикальном духе) смысл. Особенно это актуально в случае упомянутого выше «почвеннического» направления внутри отечественных правых радикалов.

Чтобы отчасти проверить это предположение, проведем еще несколько сопоставлений. Прежде всего, посмотрим, как связано отношение респондентов к лозунгам с интерпретацией «русского мира».

¹ Именно в этом смысле употребляет термин «ideological attitude» Т. ван Дейк. См.: [van Dijk, 1998, p. 240].

² Дмитрий Бутрин, заместитель главного редактора российской газеты «Коммерсантъ», не без основания связывает концепт «русского мира» с отечественной консервативной традицией и, в частности, с выходявшей в Петербурге в 70-х годах позапрошлого века славянофильской газетой «Русский мир» [Бутрин, 2014].

Таблица 5

**Сопряженность интерпретаций «русского мира»
с одобрением политических лозунгов
(в процентах по столбцам)**

<i>Полностью или частично согласен с лозунгом</i>	<i>Какие ценности (традиции) для вас наиболее значимы?</i>			
	<i>Русский мир есть проект объединения славян в единое государство, и его границы определяются фактической территорией расселения славянских народов</i>	<i>Русский мир есть проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытавшие историческое влияние русской культуры и цивилизации</i>	<i>Русский мир есть проект геополитического противостояния США и потенциально включает в себя страны Варшавского договора</i>	<i>Русский мир есть великая миссия русского народа – объединение всех православных в единую православную цивилизацию</i>
1	2	3	4	5
Россия только для русских!	45,6	36,1	33,3	43,0
Фашизм не пройдет!	81,6	82,1	78,4	84,9
Долой олигархов!	57,9	67,1	64,7	64,6
Личная свобода и права человека неприкосновенны!	93,0	90,1	90,2	91,4
Хватит кормить Кавказ!	36,9	35,3	43,2	40,9
Долой пятую колонну!	25,4	34,3	33,3	31,2
Нация – все, индивид – ничто!	16,6	18,3	19,6	18,3
Русские своих не бросают!	90,4	87,3	78,5	89,3
Россия должна быть империей!	52,6	67,6	51,0	60,2

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5
Бей жидов – спасай Россию!	25,4	19,3	19,6	30,1
Даёшь «русскую весну» в РФ!	19,3	21,6	19,6	23,7
Место женщины – на кухне, а не в политике!	38,6	33,8	37,2	42,0
За славянское братство!	76,3	66,7	56,8	68,8
Все расы равноцен- ны!	79,8	82,6	82,4	81,7

Итак, в таблице 5 мы видим вполне предсказуемые для современного российского студенчества высокие уровни поддержки социально одобряемых ценностей («Все расы равноценны!», «Фашизм не пройдет!» и т.д.). Но есть и некоторые позиции, явно выбивающиеся из общего ряда. Мы видим, например, что с праворадикальным лозунгом «Россия только для русских!» полностью или частично согласна почти половина (более 45%) сторонников этнической концепции «русского мира» и немногим менее (43%) – культурно-цивилизационной (православной) интерпретации. Только треть сторонников «русского мира» как возрождения империи и геополитического противостояния одобряют упомянутый праворадикальный лозунг, что, конечно, тоже немало. Сходным образом распределяются оценки относительно других праворадикальных лозунгов. Причем есть два показательных момента. Первый: наибольшую поддержку лозунга «Россия должна быть империей!» демонстрируют как раз сторонники имперской интерпретации «русского мира». А наибольшие значения поддержки лозунгов «Русские своих не бросают!» и «За славянское братство!» выявились у сторонников этнической и православной интерпретаций «русского мира».

Посмотрим теперь, как соотносится идея «русского мира» с идеей имперской исторической роли России.

Таблица 6

**Сопряженность интерпретаций «русского мира»
с представлениями об исторической
и цивилизационной роли России
(в процентах по столбцам)**

<i>Полностью или частично согласен с утверждением</i>	<i>Какие ценности (традиции) для вас наиболее значимы?</i>			
	<i>Русский мир есть проект объединения славян в единое государственное образование, и его границы определяются фактической терри- торией расселения славянских народов</i>	<i>Русский мир есть проект возрождения Рос- сийской империи, включающей в себя разные этносы, испытавшие историческое влияние русской культуры и цивилизации</i>	<i>Русский мир есть проект геополитического противостояния США и потенциально включает в себя страны Варшавского договора</i>	<i>Русский мир есть великая миссия русского народа – объединение всех православных в единую православную цивилизацию</i>
1	2	3	4	5
Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов	18,4	8,0	9,8	14,0
Лучшее будущее для России – интеграция (экономическая, культурная, политическая) в европейскую цивилизацию	4,4	4,2	13,7	1,1
Россия всегда была и должна оставаться многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью в ней православия и русской культуры	32,5	41,8	15,7	40,9

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5
Россия была, есть и будет великой евразийской державой со своими геополитическими интересами	15,8	16,0	19,6	18,3
Россия должна перестать искать свой «особый путь», а лучше подумать о том, как быстрее вступить в Евросоюз и НАТО	0,0	0,0	3,9	0,0
После распада СССР Россия утратила роль мировой державы, но в настоящее время ее себе возвращает	21,9	27,7	31,4	19,4
После распада СССР Россия превратилась в страну «третьего мира» и может претендовать только на роль регионального лидера	3,5	0,9	0,0	2,2

Как видно из таблицы 6, наибольшее согласие с многонациональной имперской сущностью России высказывают две группы респондентов: сторонники «имперской» и «культурно-цивилизационной» (православной) интерпретаций идеи «русского мира». Наибольшее согласие с этнонациональной трактовкой российской империи высказывают сторонники этнической интерпретации «русского мира». Сопрежения между трактовками настолько часто пересекаются, что имеет смысл провести регрессионный анализ и выявить отношения зависимости между переменными. Но в качестве переменных рассмотрим положительные интерпретации идеи империи в их связи с идеологическими самоидентификациями респондентов, для чего сведем в одну таблицу данные из разных ответов респондентов. А затем с помощью регрессионного анализа посмотрим, существуют ли связи между этими переменными, и если существуют, то каковы они.

Таблица 7

**Сопряженность интерпретации концепта империи
с идеологической самоидентификацией
(в процентах по столбцам)**

	Интерпретации имперской идеи				
	1	2	3	4	5
<i>Как бы вы охарактеризовали свои идейно- политические убеждения?</i>	<i>Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов</i>	<i>Россия всегда была и должна оставаться многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью в ней право- славия и русской культуры</i>	<i>Русский мир есть проект объединения славян в единое государственное образо- вание, и его границы определяются фак- тической территорией расселения славян- ских народов</i>	<i>Русский мир есть проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытывающие историческое влияние русской культуры и цивилизации</i>	<i>Россия должна быть империей!</i>
Консервативные	12,1	19,0	15,9	19,5	20,2
Либеральные	22,2	16,5	20,7	20,8	18,9
Большевистские	1,0	0,9	0,7	0,6	1,1
Национально- патриотические	13,1	15,8	15,9	14,3	15,9
Фашистские	3,0	0,0	0,0	1,0	0,7
Национал- социалистические	5,1	2,2	3,4	3,2	3,1
Коммунистические	6,1	4,4	6,9	6,2	5,9
Социалистические	6,1	11,4	6,9	10,7	7,8
Анархические	5,1	0,3	2,8	1,3	1,3
Монархические	9,1	6,0	1,4	8,8	8,3

Регрессионный анализ выявил следующие отношения между переменными: исходной является многонациональная имперская идея, с ведущей ролью православия и русской культуры, а терминальной – этнонациональная идея империи «с ведущей ролью в ней русской нации». При этом наиболее сильные связи ($r_{xy} > 0,95$) обнаруживаются между переменными 2 и 4, 2 и 5, 4 и 5. Немногим меньшая связь ($r_{xy} > 90$) выявляется между переменными 1 и 3, 1 и 4, 1 и 5, 2 и 3, 3 и 4, 3 и 5. Связь между переменными 1 и 2 не

удовлетворяет принятому уровню значимости ($\alpha = 0,001$). То есть наиболее ярко выражена связь между элементами «культурно-цивилизационной» имперской идеи. Это означает с большой вероятностью, что увеличение количества сторонников этой идеи приведет к усилению «культурно-исторической» идеи имперской экспансии (позиции 4 и 5). Этнонациональная трактовка также присутствует и имеет статистический смысл, хотя выражена слабее. Наконец, связь между двумя противоречащими интерпретациями идеи империи весьма слаба (что вполне ожидаемо), и при этом вторая переменная определяет первую. Отношения зависимости между переменными иллюстрируются графом (см. рис. 4).

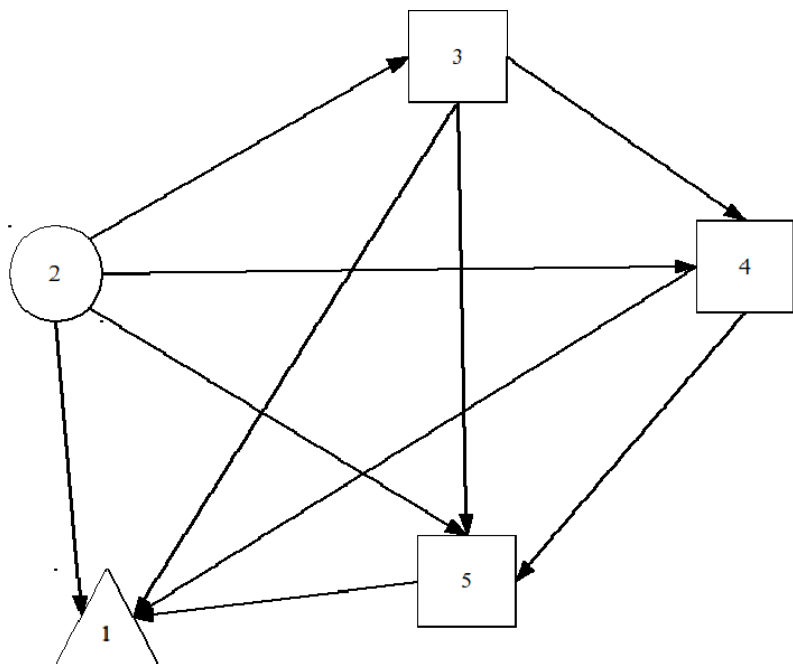

Рис. 4.

**Граф взаимовлияний переменных
интерпретации имперской идеи по отношению
к идеологической самоидентификации**

Осталось провести регрессионный анализ по отношению к другому мигрирующему периферийному концепту – «нации», и выявить отношения зависимости между различными интерпретациями.

Таблица 8

**Сопряженность интерпретации концепта нации
с идеологической самоидентификацией
(в процентах по столбцам)**

	Интерпретации имперской идеи				
	1	2	3	4	5
<i>Как бы вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения?</i>	<i>Меня раздражает, когда я слышу нерусскую речь</i>	<i>Русский мир есть проект объединения славян в единое государственное образование, и его границы определяются фактической территорией расселения славянских народов</i>	<i>В межнациональном конфликте я однозначно займу сторону представителей моей национальности</i>	<i>Россия только для русских!</i>	<i>Нация – все, индивид – ничто!</i>
Консервативные	14,3	15,9	15,3	18,5	20,5
Либеральные	17,0	20,7	18,5	18,8	12,8
Большевистские	2,7	0,7	0,7	1,5	0,6
Национально-патриотические	15,2	15,9	17,8	18,5	15,4
Фашистские	1,8	0,0	2,5	1,2	2,6
Национал-социалистические	6,3	3,4	5,7	3,8	5,8
Коммунистические	8,0	6,9	2,5	5,6	6,4
Социалистические	8,0	6,9	8,9	9,1	11,5
Анархические	2,7	2,8	5,1	2,1	3,2
Монархические	7,1	1,4	5,1	4,7	7,7

Регрессионный анализ обнаружил следующие отношения между переменными: исходной является этнонациональная идея «русского мира», а терминальной – идея превосходства нации над индивидом. При этом сильные связи ($r_{xy} > 0,95$) выявляются между переменными 1 и 2, 1 и 4, 2 и 4, 3 и 4. Меньшая связь ($r_{xy} > 0,87$) выявляется между переменными 1 и 3, 1 и 5, 2 и 3, 3 и 5, 4 и 5. Наконец, связь между переменными 2 и 5 – достаточно слабая и не

удовлетворяет принятому уровню значимости ($\alpha = 0,001$). Учитывая распределение зависимостей, можно увидеть, что увеличение количества сторонников «славянской» трактовки «русского мира» статистически вероятно приведет к усилению позиции 1, выражающей раздражение «нерусской» речью и позиции 4, выдвигающей требования изгнать всех «нерусских» из России. Отношения зависимости между переменными иллюстрируются графом (см. рис. 5).

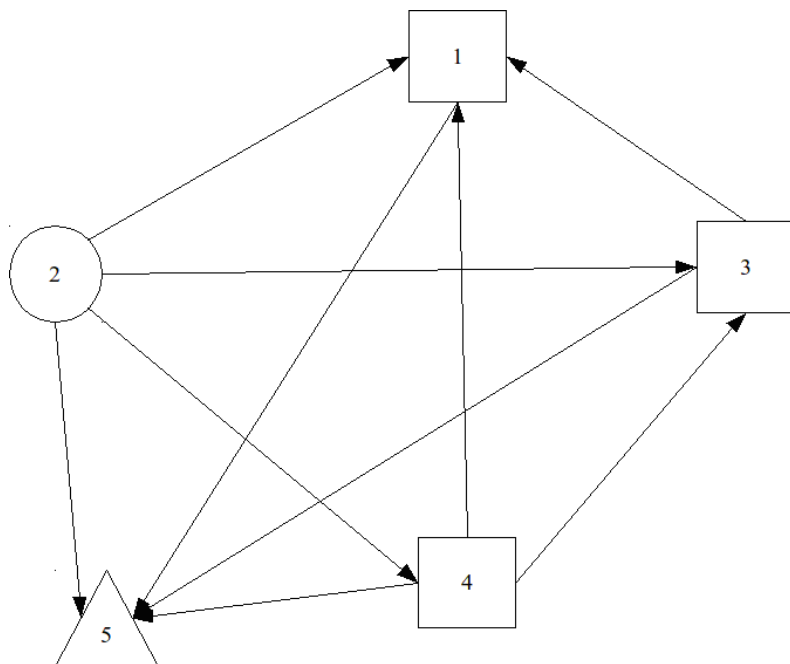

Рис. 5.

Граф взаимовлияний переменных интерпретации идеи нации по отношению к идеологической самоидентификации

Заключение

Наше исследование показало, что основополагающими в студенческой среде являются универсалистские, антифашистские ценности: личная свобода, права человека и т.п. Напротив, праворадикальные идеи превосходства нации над индивидом и антисемитизм для большинства студентов обнаруживают себя в регрессионном анализе как переменные, полностью зависимые от других переменных. Это не исключает, однако, существования кластера праворадикальных установок, среди которых партикулярный концепт «русскости» («Россия только для русских!») является определяющим, но вдохновляется он прежде всего антикавказскими настроениями («Хватит кормить Кавказ!» и т.п.).

Миграцией праворадикальных концептов затронуто сознание не менее трети опрошенных студентов, но только незначительная их часть (не более 8%) может быть отнесена к симпатизантам праворадикальной идеологии. В праворадикальных аттитюдах миграция концептов характеризуется двоякого рода деконтекстацией: с одной стороны, либерально-универсалистским (по происхождению) концептам придается партикуляристский (национальный, расовый и т.п.) смысл: человек = белый человек = русский человек; с другой стороны, изначально партикуляристские концепты нации (народа) получают универсалистскую интерпретацию: русские = русский мир = мир.

Среди студентов, откликающихся на некоторые праворадикальные лозунги (но ориентированных в целом на универсалистские ценности), на 10–15% выше, чем в среднем, тех, кто солидарен с ценностями «русского мира». Данная консервативная по своему происхождению идеология представляет собой типичный случай концепта, мигрирующего между либеральными, консервативными и праворадикальными аттитюдами. Однако эта миграция имеет разные направления, что модифицирует смысл «русского мира» в зависимости от его статуса (периферийного или непериферийного, консонансного или диссонансного концепта).

Это, в частности, подтверждается корреляцией в студенческом сознании между «русским миром» и «империей». Наибольшее согласие с идеей России как многонациональной империи обнаружили те из респондентов, которые оказались сторонниками «имперской» и «культурно-цивилизационной» (православной) интер-

претаций идеи «русского мира». Как показал регрессионный анализ, исходной и определяющей для наших респондентов является именно идея многонациональной империи, с ведущей ролью православия и русской культуры, а зависимой – этнонациональная по смыслу идея империи «с ведущей ролью русской нации». Причем и в этнонациональном концепте имперской России доминирующим выступает консервативный, а не праворадикальный элемент, поскольку идея превосходства нации над индивидом оказывается здесь зависимой, а не определяющей.

Список литературы

- Барышенко В.С. Права русского человека. – М.: Русская правда, 2002. – 128 с.
- Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.
- Божена – рупор пятиэтажек // Youtube. – 2016. – 15 октября. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=2BAHkCfG57E> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Бутрин Д. Еще один Константинополь // InLiberty.ru. Блог. – 2014. – 16 сентября. – Режим доступа: <http://old.inliberty.ru/blog/1687-esheche-odin-konstantishynopol> (Дата посещения: 19.05.2018.)
- Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. Политические исследования. – М., 1995. – № 2. – С. 6–15.
- Гриффин Р. От слизевиков к ризоме: Введение в теорию группускулярной правой // Верхи и низы русского национализма: Сб. статей / Сост. А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2007. – С. 223–254.
- Де Местр Ж. Рассуждения о Франции. – М.: РОССПЭН, 1997. – 216 с.
- Демидов А. Декларация прав русского человека (народа) // Maxpark. Блог Влада Василькова. – 2008. – 27 октября. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/947/content/1628021> (Дата посещения: 22.05.2018.)
- Кавказцы оборзели. Божена Рынска vs Константин Боровой // Youtube. – 2016. – 14 окт. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=8Pk6W87ir5M> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
- Лукичев П.Н. Пограничные идеологемы правого радикализма в студенческой среде Ростовской области (по материалам социологического исследования) // Обзор. НЦПТИ. – Ростов-н/Д, 2018. – № 1. – С. 34–49.
- Милов В. Либерал-национализм против фашизма // Газета.ru. – 2010. – 20 декабря. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/column/milov/3470929.shtml> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Навальный А. Запись от 08.08.2008 // Живой Журнал Алексея Навального. – М., 2008 а. – Режим доступа: <https://navalny.livejournal.com/274456.html> (Дата посещения: 14.06.2018.)

- Навальный А. Запись от 21.08.2008 // Живой Журнал Алексея Навального. – М., 2008 b. – Режим доступа: <https://navalny.livejournal.com/282477.html> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Навальный о Кадырове, чеченцах, дагестанцах, кавказцах // Youtube. – 2017. – 25 марта. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=o3GKIMVpQS0> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- НАРОД за легализацию оружия // Youtube. Канал Alexey Navalny. – 2007. – 19 сент. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oVNJiO10SWw> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Поцелуев С.П., Константинов М.С. Современный правый радикализм: Проблема идентификации признаков // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. – Ростов-н/Д, 2014. – № 3 (июль–сентябрь). – С. 70–90.
- Проект Декларации о правах русского народа // Живой Журнал «Kotov S.L.». – 2011. – 5 марта. – Режим доступа: <https://kotov-s.l2011.livejournal.com/306.html> (Дата посещения: 22.05.2018.)
- Ролик с Форума Свободной России // Youtube. – 2016. – 15 окт. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=bL83YYfH2Ls> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в двадцати томах. – М.: Художественная литература, 1974. – Т. 16, кн. 1. – С. 162–166.
- Стань националистом! // Youtube. Канал Alexey Navalny. – 2007. – 17 окт. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ICoc2VmGdfw> (Дата посещения: 14.06.2018.)
- Freeden M. Ideologies and political theory: A conceptual approach. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – 592 p.
- Freeden M. Ideology: A very short introduction. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 160 p.
- van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – L.: SAGE publications, 1998. – 374 p.

КОНТЕКСТ

Г.Г. КОСАЧ*

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ПРОЕКТА: ДВИЖЕНИЕ ХАМАС

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением и эволюцией палестинского движения ХАМАС, частью дискурса и практики которого выступает неприятие Израиля. Апология и использование основанного на религиозной догме насилия в отношении граждан этого государства позволяет квалифицировать это движение в качестве террористического. Однако акцент в статье сделан не на способах борьбы этого движения за свои цели, а на причинах, определивших обращение ХАМАС к исламской риторике и основанной на ней деятельности. Подчеркивается, что они связаны с необходимостью противостояния основному политическому противнику этой организации – движению ФАТХ и возглавляемой им Палестинской национальной администрации. По мнению автора, ХАМАС не только оказался способен выработать собственный политический проект, но и последовательно эволюционировать в направлении его все более четкой «национализации». Это было предопределено как обретением им властных полномочий в секторе Газа, так и изменением региональной ситуации и подвигами в высшем политическом руководстве движения. Можно ожидать, что дальнейшее изменение его позиции будет определяться реальным движением всех игроков на палестинской арене к отказу от насилия на пути к урегулированию палестино-израильского конфликта.

* **Косач Григорий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: g.kosach@mail.ru

Kosach Grigory, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: g.kosach@mail.ru

© Косач Г.Г., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.09

Ключевые слова: ХАМАС; ФАТХ; Палестинская национальная администрация; Хартия ХАМАС; Документ ХАМАС; Палестинская национальная хартия; палестино-израильское политическое урегулирование.

Для цитирования: Косач Г.Г. Национальное измерение исламского проекта: Движение ХАМАС // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С.179–202. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.09

G.G. Kosach
The national dimension of Islamic project:
Hamas Movement

Abstract. The article sheds light on the questions connected with formation and evolution of the Palestinian movement Hamas, part of which discourse and practice represents rejection of Israel. The traits which classify this movement as terroristic are apology and use of violence based on religious dogma. The focus of the article, however, is not drawn towards methods the movement utilizes to achieve its goals, but on reasons why Hamas turned to Islamic rhetoric and activities it fuels. The author stipulates that these reasons arise out of necessity to confront the main opponent of the organization – the Fatah movement and Fatah-led Palestinian National Authority. It is stated that Hamas has not only been able to devise its own political project, but to evolve into a clear national entity. This tendency has been predetermined by seizure of power in the Gaza strip, changes in the top political leadership of the movement and by regional political shifts. It is expected that further development of its stance will follow the real drive of all the actors in the Palestinian arena towards non-violence in attempts to settle the Palestinian-Israeli conflict.

Keywords: Hamas; Fatah; Palestinian National Administration; Hamas' Charter; Hamas' Document; Palestinian National Charter; Palestinian-Israeli political settlement.

For citation: Kosach G.G. The national dimension of Islamic project: Hamas Movement // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 179–202. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.09

ХАМАС¹, но равным образом и ФАТХ² (базовая структура в Организации освобождения Палестины – ООП) – акторы, доминирующие на палестинском политическом поле. Сферы их влияния (определяемые конструкцией пространства *квазигосударства*) де-

¹ Аббревиатура арабского названия организации *Харака аль-мукавама аль-ислямийя* – Движение исламского сопротивления.

² Перевернутая аббревиатура арабского названия организации *Харака ат-тахрир аль-фаластиний* – Движение палестинского освобождения.

маркированы: сектор Газа – вотчина ХАМАС, Западный берег – ФАТХ.

Обе организации кажутся идеологическими и политическими антиподами. Но они – участники длительного конфликта с использованием масштабного политического насилия, когда многочисленные боевые операции, совершавшиеся и против гражданского населения Израиля, оправдывались (в случае ФАТХ), либо оправдываются (в случае ХАМАС) риторикой «освобождения Палестины». Если в момент своего возникновения ФАТХ апеллировал к светской (хотя и обрамляемой религиозными символами) концепции национализма, ставившей под сомнение законность регионального присутствия еврейского государства, то ХАМАС обращался к религии.

Преданная гласности в 1988 г. Хартия Движения открывалась цитатами из Корана, проецировавшимися на его сторонников: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми» [Коран, 1982, с. 110–112]. Сопровождавшие коранический *айят* слова основателя Движения «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банна «Израиль будет стоять до тех пор, пока его не низвергнет ислам» [Мисак Харака... преамбула] не оставляли сомнений в том, что целью возникшей во второй половине 1980-х годов организации выступала ликвидация «сионистского образования». Эта цель не выглядит исчерпанной и сегодня – комментируя события весны 2018 г., «Великий марш возвращения» у границы Газы и Израиля, пресс-релиз ХАМАС подчеркивал: «Героический палестинский народ... направил мощное послание всем, кто игнорирует его неотъемлемые права: его дело не дело голодных, его трагедия не гуманитарная катастрофа, а принципиальная политическая проблема борьбы с сионистским противником» [Байян сухуфий...].

Акции самоубийц и обстрелы суверенной территории еврейского государства – достаточное основание для того, чтобы Израиль и страны Запада видели в ХАМАС (или, по крайней мере, в его военизированном крыле – Бригадах Изз ад-Дина аль-Кассам¹) террористическую организацию. Подписанная в 1993 г. ООП и Израилем Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению, провозгласившая стремление обеих сторон к «историческому при-

¹ Изз ад-Дин аль-Кассам – мусульманский религиозный деятель из Хайфы, руководивший действовавшей в 1935 г. вооруженной группой своих сторонников. После гибели в стычке с полицией стал символом палестинского сопротивления.

мирению через согласованный политический процесс» [Декларация принципов... преамбула], и создание Палестинской национальной администрации (ПНА) гарантировали ФАТХ международное признание (что тем не менее не исключило обоснованных обвинений в террористической деятельности в начале 2000-х годов, когда развивалась *интифада мечети аль-Акса*). Если в начале 1990-х годов и возникала возможность поступательного движения к достижению палестино-израильского политического урегулирования, то деятельность ХАМАС расколола палестинское движение и сорвала решение конфликта.

ХАМАС и ФАТХ не только господствуют на палестинском политическом поле (время, прошедшее с момента создания ПНА, позволило ФАТХ, установившему прочные связи с ведущими кланами – *хамаиль* палестинского социума, маргинализировать своих союзников по ООП), но и выступают в качестве конкурирующих организаций. ХАМАС, квалифицируя себя «лучшей из общин», обращается не столько к «сионистским узурпаторам», сколько к руководству ПНА и ФАТХ, доказывая, что оно движется по пути «капитулянтства» и «национального предательства».

Но является ли ХАМАС исламской политической, т.е. транснациональной по сути, либо палестинской организацией? Выдвигает ли эта структура собственный политический проект и как предполагает его реализовать? Означает ли ее существование, что решение палестинского вопроса не представляется реальным?

Палестинская идея в исламской риторике: Хартия 1988 г.

Первая интифада (1987–1991) изменила организационное оформление палестинских исламистов, как и приоритеты их деятельности. Если в 1977 г. (спустя десять лет после июньской войны 1967 г.) израильские власти официально зарегистрировали созданную в Газе Мусульманскую ассоциацию [Mishal, Sela, 1997, p. 10–12], объединившую местных приверженцев Движения «Братья-мусульмане», то в 1988 г. эта Ассоциация трансформировалась в Движение исламского сопротивления во главе с шейхом Ахмедом Ясином. Провозглашенный ранее *внутренний джихад*, подразумевавший мирное восстановление подвергнутых забвению норм религиозной жизни, преобразовывался во *внешний джихад* – дейст-

вия против Израиля. ХАМАС, укоренявшийся по мере развития интифады и на Западном берегу, не только не был частью многополюсной структуры ООП, но и предлагал такое видение палестинского будущего, которого не разделяла ни одна из входивших в нее организаций. Контуров этого видения, терминологически религиозного, демонстрировала его Хартия, альтернатива основным документам ООП, – Палестинской национальной хартии (в редакции 1968 г.) и принятой в 1988 г. Декларации независимости Государства Палестина, предполагавшей создать палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме «там, где развивается благословенная интифада» [Иалян истикляль... 1999, с. 14], т.е. на Западном берегу и в секторе Газа. Очертив его территорию, ООП *de facto* признала Израиль.

Становясь актором палестинского политического процесса, ХАМАС должен был обрести характер национальной организации – значение жестко расставленных в Хартии религиозных акцентов не должно ни преуменьшаться, ни преувеличиваться. Заявляя о генетической связи с Движением «Братья-мусульмане» [Мисак Харака... ст. 2]), ХАМАС провозглашал себя «особым палестинским движением», «вручающим себя Аллаху, видящим в исламе образ жизни и действующим во имя того, чтобы зная Аллаха реяло над каждой пядью земли Палестины», и одновременно «составным элементом всемирного исламского сопротивления». Исходной точкой этого «сопротивления», итогом которого станет безусловное «уничтожение» Израиля, объявлялось не только выступление Изз ад-Дина аль-Кассамы, но и «вдохновленные джихадом акции “Братьев-мусульман”» [Мисак Харака... ст. 1, 7].

Хартия ХАМАС, не определяя границы Палестины, провозглашала ее *вакфом*¹, «врученным будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Мысль пояснялась: «Никакое арабское государство либо все арабские государства, никакой король или президент либо все короли и президенты, никакая организация либо все палестинские и арабские организации» не правомочны «отказаться или уступить какую-либо часть ее территории» [Мисак Харака... ст. 11]. Вывод, сопровождавшийся *айятом* «Действительно, это, конечно, истина несомненности!» [Коран, 1982, 56:95], не мог быть оспорен. Включив «идею родины в религиоз-

¹ *Вакф* – неотъемлемая собственность мусульманской общины.

ную доктрину», ХАМАС стал воплощением «высшего патриотизма», «подняв над родиной Божественное знамя, неразрывно связывающее землю и небо» [Мисак Харака... ст. 11].

ХАМАС категорически отбрасывал любые методы «мирного решения» палестинской проблемы. Путь к ее решению пролегал только через «джихад» [Мисак Харака... ст. 13], становящийся «обязанностью каждого мусульманина, если враги узурпируют какую-либо часть земли ислама» [Мисак Харака... ст. 14]. Мыслилось, что «джихад» должен развиваться в трех взаимосвязанных сферах – «палестинской, арабской и исламской» [Мисак Харака... ст. 14], когда «взаимозависимость» членов «мусульманского сообщества» (определяемая грозящим этому сообществу победившим «в колониальных странах Востока и Запада сионистско-масонским заговором» [Мисак Харака... ст. 22]) предполагала участие в «джихаде» представителей всех гендерных, социальных и профессиональных групп и страт [Мисак Харака... ст. 18]. «Всемирный» характер «сионистско-масонского заговора» определял и методы джихада – противостояние «сионистскому вторжению» требовало практической реализации смысла *хадиса* Пророка: «Не проходит и часа, а мусульмане сражаются с иудеями и убивают их» [Мисак Харака... ст. 7].

«Высший патриотизм» ХАМАС определял пределы и возможности его сотрудничества с организациями и движениями, действующими в «палестинской сфере». Заявляя о том, что ООП (речь шла, в первую очередь, о ФАТХ) «наиболее близкая Движению исламского сопротивления» структура, ХАМАС подчеркивал: «Светская идея абсолютно противоречит религиозной идее». Это означало невозможность уступок. «Мы не можем принять, – отмечала Хартия, – идею светскости, поскольку исламский характер Палестины – часть нашей веры». Лишь тогда, когда ООП «примет ислам как образ жизни, мы станем ее воинами» [Мисак Харака... ст. 27]. В равной мере это относилось и к «арабской сфере».

ХАМАС и ФАТХ: Время после создания ПНА

Хартия ХАМАС появилась в эпоху, когда ООП, став «законным представителем арабского народа Палестины», руководила им извне – в годы первой интифады ее институты располага-

лись в Тунисе, а ее базой была разбросанная по арабским странам палестинская диаспора. ХАМАС же действовал в пределах «национальной» территории, обращаясь к тем, кого в дальнейшем в палестинском политическом дискурсе назовут *муватунун* – жителям этой территории.

К ним обращалась и Хартия: в этой среде степень устойчивости традиции была выше, чем среди палестинцев диаспоры. Израильская оккупация, трансформировавшая хозяйственные ориентации и социальную структуру палестинцев Западного берега и сектора Газа, не меняла главного – их консолидации ради противостояния враждебной внешней силе. Эта консолидация, как писал палестинский социолог, опиралась на религию, игравшую «центральную роль среди ценностных установок общества» [Кассис, 1997, с. 132].

В своем противостоянии ООП ХАМАС использовал уже накопленные им преимущества. Он располагал широкой сетью созданных им в обоих палестинских регионах благотворительных организаций. Его сторонники были активны во всех общественных объединениях Западного берега и сектора Газа – студенческих, женских и профсоюзных. ХАМАС опирался на финансовые пожертвования из стран Персидского залива (негосударственные, поступавшие от различных частных и общественных фондов). Его возможности приближались к возможностям ООП (в первую очередь, ФАТХ), спонсорами которой в 1980-е годы выступали государственные структуры тех же стран.

В отличие от любого другого актора палестинской политики, ХАМАС был «автохтонной» организацией – ни одна из входивших в ООП структур идеологически, а часто и организационно, не могла с достаточным основанием претендовать на этот статус. Использование же им религиозной риторики было оправдано поиском идейно-политической ниши, которая не использовалась (или использовалась незначительно) членами ООП.

Начало 1990-х годов предоставило руководству ООП уникальную возможность добиться тактического успеха в противостоянии ХАМАС. Советская «перестройка» разряжала силовое поле биполярной конкуренции в регионе Ближнего Востока. Последовавшая за ликвидацией кризиса вокруг Кувейта в 1991 г. Мадридская мирная конференция по ближневосточному урегулированию, как и подписание подготовленной в Осло Декларации

принципов, демонстрировали способность двух региональных акторов использовать вновь возникшую ситуацию. Вслед за подписанием этого документа в Каире был заключен договор «Газа – Иерихон в первую очередь», открывший перспективу формирования институтов палестинской власти. 1 июля 1994 г. руководство ООП и ее лидер Я. Арафат переехали из Туниса в Газу. ПНА обрела черты реальности.

Во второй половине сентября 1993 г. (десять дней спустя после обнародования договора «Газа – Иерихон в первую очередь») Иерусалимский центр информации и коммуникаций (*Jerusalem Media & Communication Center*) провел опрос общественного мнения жителей обоих палестинских регионов. Результаты опроса свидетельствовали о том, что Декларацию принципов полностью поддерживали 66,4% участников опроса на Западном берегу и 27% в секторе Газа. 57,6% первой группы респондентов и более чем 64% второй (более 60% всех респондентов) считали, что она может стать первым шагом к созданию палестинского государства. 71% жителей Западного берега и почти 76% сектора Газа подчеркивали важность прямого палестино-израильского переговорного процесса. Более 42% представителей Западного берега и почти 53% сектора Газа заявили, что их доверие руководству ООП и лично Арафату «значительно выросло». Поддержка ХАМАС составила чуть более 17% на Западном берегу и немногим более 18% в секторе Газа [Натаидж иститляят, 1999, с. 10–12]. Движение к обретению национальной государственности казалось необратимым.

Однако Декларация принципов не предоставила ООП возможности обретения полномасштабных суверенных прав. Собственно, она и не поднимала этот вопрос: ее положения предусматривали лишь создание условий, позволяющих «палестинскому народу на Западном берегу и в секторе Газа осуществлять самоуправление на демократической основе». Это предполагало, что в течение «девяти месяцев с момента вступления в силу Декларации принципов» в обоих палестинских регионах будут «проведены прямые, свободные и всеобщие выборы» с целью «избрания Совета палестинского народа (парламента. – Г. К.)», который в дальнейшем сформирует органы исполнительной власти. Деятельность новых институтов должна была развиваться если не вместо структур ООП, то, по крайней мере, параллельно им. И «Совет пале-

стинского народа», и ПНА не были связаны с палестинской диаспорой [Декларация принципов... ст. 3].

Декларация принципов определяла статус ПНА как «автономной палестинской переходной власти». Пятилетний «переходный период» ее функционирования должен был привести к «реализации резолюций Совета Безопасности № 242 и 338». Это предполагало передачу под палестинский суверенитет всех оккупированных районов Западного берега и сектора Газа, но оставляло открытым вопрос о распространении этого суверенитета на Восточный Иерусалим [Декларация принципов... ст. 4–5]. Сама возможность положительного для палестинцев решения этого вопроса заранее исключалась Израилем – принятые кнессетом законодательные акты (закон 1967 г. о возможности распространения израильской юрисдикции на любую территорию в составе бывшей подмандатной Палестины, позволивший уже тогда сделать это в отношении Восточного Иерусалима, и Основной закон об Иерусалиме 1980 г., провозгласивший весь этот город «неделимой столицей Израиля») сохраняли свою силу.

Сфера потенциального палестинского суверенитета еще более сужалась мерами, направленными на воссоздание старых (существовавших до 1948 г.) или строительство новых (после 1967 г.) поселений. На них контроль ПНА никогда не распространялся. ПНА лишалась возможности самостоятельных действий в сфере проблем, связанных с беженцами, охраной внешней границы национальной территории и поддержанием там общей безопасности (хотя и могла создать собственную полицию). ООП соглашалась с возникновением не суверенного политического образования, а *квазигосударства*.

Однако сильной стороной Декларации принципов было то, что она открыла Арафату путь на территорию, провозглашавшуюся его сторонниками национальной. Она позволила ему и его соратникам нанести первые (не встретившие сколько-либо серьезного общественного осуждения) удары по «внутренним» противникам, – в ноябре 1994 г. сформированная из числа сторонников движения ФАТХ полиция подавила выступление приверженцев ХАМАС в Газе. Ведущая организация палестинской оппозиции более не могла, как это происходило в ходе контактов с представителями ООП до 1994 г., ссылаться на свою роль в годы первой интифады и требо-

вать не менее 40% мест в будущих органах национального самоуправления [аль-Джабрауи, 1994, с. 28–29].

Весной 1996 г. окружение Арафата предприняло попытку расколоть ХАМАС, оказав содействие становлению Партии национального исламского спасения. Ее основатели заявляли, что, отвергая «несправедливые соглашения, заключенные с израильским противником», они будут участвовать в работе палестинского правительства и «внесут свой вклад в созидание страны» [Legrain, 1998, p. 174].

20 января 1996 г. на территории обоих палестинских регионов прошли первые выборы главы¹ ПНА и депутатов Палестинского законодательного совета (парламента). Формально как президентские, так и парламентские выборы были альтернативными и массовыми – в них приняли участие более 80% всех зарегистрированных избирателей. В обстановке продолжавшейся национальной эйфории и жестких превентивных мер в отношении религиозной оппозиции, сделавших невозможным ее открытое участие в кампании, Арафат получил более 87% голосов избирателей [Ibid., p. 175–176].

Итоги парламентских выборов также продемонстрировали победу ФАТХ, представители которого получили 51 место из (в то время) 88 в Палестинском законодательном совете [The Palestinian Council, 1998, p. 124]. Но официальный отказ ХАМАС участвовать в парламентских выборах не означал, что его сторонники не приняли в них участия в качестве «независимых» кандидатов. В высшем органе палестинской законодательной власти были представлены как приверженцы ФАТХ (61% всех депутатов), так и «независимые» – сторонники ХАМАС (5%) вместе с беспартийными «независимыми» [The Palestinian Council, 1998, p. 224].

Постепенное вхождение ХАМАС во власть подтверждалось и составом сформированного в июне 1996 г. первого палестинского правительства, где два поста (министра коммуникаций, а также по делам молодежи и спорта) были предоставлены «независимым» – сторонникам ХАМАС. В дальнейшем состав правительства (март 1998 г.) подвергся корректировке, когда один из «независимых» – сторонников ХАМАС стал министром без портфеля [The Palestinian Council, 1998, p. 229]. ПНА была окончательно сформирована.

¹ В палестинском дискурсе *ар-раис* – президент.

Представленные в палестинском парламенте беспартийные «независимые» были связаны с влиятельными мусульманскими и христианскими клановыми группировками основных городов Западного берега и сектора Газа. В равной мере это относилось и к членам парламентской фракции ФАТХ. В отличие от них, ни один из «независимых» – сторонников ХАМАС в парламенте и в первых правительствах ПНА не принадлежал к семьям-кланам сектора Газа, представляя собой новую политическую элиту этого региона, в основе легитимности которой лежала харизма шейха Ахмеда Ясина.

Сама же «национальная власть» была не более чем союзом облаченных в партийные одежды кланово-региональных группировок, окружавших Арафата и его ближайших соратников, перенесенных на национальную территорию. Легитимность ПНА в большой степени обеспечивалась признанием со стороны Израиля. Способность ПНА осуществлять управление и предоставлять общественные блага населению едва ли не в полном объеме зависела от курса второго соавтора Декларации принципов. Хрупкость этой системы была очевидна.

Воскрешение «биполярности» палестинского политического поля

В начале октября 2000 г. в секторе Газа и на Западном берегу вновь развернулись ожесточенные столкновения палестинцев с вооруженными силами Израиля – началась интифада мечети Аль-Акса. В логике сторонников ХАМАС это было продолжением первой интифады, задачи которой не были решены.

Национальная власть обвинялась в неэффективности проводившегося ею после создания ПНА курса. В течение 1990-х годов эта власть так и не смогла изменить экономическое положение жителей палестинских регионов. Политическую элиту (и самого Арафата) не без оснований обвиняли в коррупции и nepотизме, расхищении зарубежной финансовой помощи, ограничении социальной мобильности.

Затягивание мирного процесса концентрировало в себе социально-экономические проблемы. 43,7% участников опроса, организованного в декабре 1997 г. Иерусалимским центром информации и коммуникаций, считали, что годы существования

ПНА привели к ухудшению их материального положения, но подчеркивали, что оно может измениться к лучшему, если возникнет «суверенное национальное государство» [Натаидж иститляят... 1999, с. 45–47].

Рейтинг ФАТХ как правящей партии также имел тенденцию к снижению (с 46,6% в июне 1995 г. до 32,9% в мае 1998 г.). В равной мере это относилось и к Арафату. Если в ноябре 1996 г. его рейтинг составлял 67,8%, то в сентябре 1997 г. – только 36,2%. Жители обоих палестинских регионов испытывали все большее разочарование в своем политическом лидере. На этом фоне был очевиден рост популярности шейха Ясина – 0,4% в феврале 1996 г. и 5,6% в мае 1998 г. В свою очередь, росла и степень доверия к ХАМАС – ему доверяли 12,4% респондентов в ноябре 1996 г. и 18% в мае 1998 г. [там же, с. 48–49, 62–64].

В апреле 1997 г. в ходе опроса того же Иерусалимского центра были впервые поставлены вопросы об отношении респондентов к возможности «возобновления вооруженных операций против израильских объектов». Тогда 39,8% всех опрошенных заявили, что эти операции стали бы «подходящим ответом в нынешней политической ситуации». Одновременно 62,7% респондентов выступили за «эскалацию выступлений протеста против Израиля»; 31,3% среди них считали, что «власть должна поддержать эти выступления» и лишь 23,1% – «воспрепятствовать им» [там же, 1999, с. 42–43].

В годы второй интифады власть оказалась неспособна противостоять усиливавшимся тенденциям к открытому проявлению насилия, что, впрочем, было обусловлено самой ее конструкцией. Вооруженные формирования ФАТХ стали (наряду с вооруженным крылом ХАМАС) одной из сил, осуществлявших акции устрашения в границах ПНА и на израильской территории. Арафат следовал в русле господствовавших настроений, что предполагало возобновление антиизраильской «национальной и освободительной борьбы» и поддержку новой интифады. Его пребывание в осажденной президентской резиденции в Рамалле возвращало ему ореол «жертвенного героизма». Но тот же ореол обретал и ХАМАС – в марте 2004 г. израильские специальные службы убили шейха Ясина, а в апреле того же года – его преемника Абдель Ази-за ар-Рантиси.

Интифада мечети Аль-Акса восстановила равенство сил между ФАТХ и ХАМАС. Эта ситуация стала итогом более ранних процессов, фиксировавшихся палестинскими социологами еще в конце 1990-х годов. Они отмечали, что сторонник ХАМАС – это житель, прежде всего, сектора Газа (30,7% его жителей поддерживали это движение) и, чуть в меньшей степени, Западного берега (26,8%). Приверженцами ФАТХ в секторе Газа были 42,3% и на Западном берегу 43,9% всех опрошенных [Хиляль, 1997, с. 140–145].

Примерное равенство сил обеих политических структур создавало условия для их обращения к демократическим формам государственного строительства, тем более что вторая интифада клонилась к закату. В январе 2005 г., после смерти Я. Арафата 11 ноября 2004 г., состоялись президентские выборы и в январе 2006 г. – парламентские.

Выборы нового главы ПНА вновь были альтернативными, в них участвовали не только премьер-министр и избранный после смерти Арафата председателем Исполкома ООП Махмуд Аббас, но и шестеро его соперников. Среди них два «независимых» – сторонники ХАМАС: уроженец Газы, специалист по международному праву Абдель Карим Шбайр и уроженец деревни близ Тулькарама, обладатель магистерской степени по специальности «менеджмент» университета штата Миссисипи Абдель Халим аль-Ашкар [The Presidential Elections... 2005, p. 49–52].

Программы кандидатов на вакантный пост главы ПНА кардинально не различались – они были обращены ко всем слоям населения обоих регионов и содержали с теми или иными нюансами положения, принципиальные для палестинского общества после очередной вспышки насилия. Кандидаты обещали избирателям «хлеб, работу, медицинское обслуживание, экономическое развитие, строительство новых домов», а также «бескомпромиссную борьбу с коррупцией и nepотизмом». Эти положения сопровождались заявлениями о необходимости «создания суверенного государства» [аль-Барамидж аль-интихабийя... 2005, с. 2–13].

Представители ХАМАС не требовали «уничтожения» Израиля и не квалифицировали Палестину как *вакф*, но призывали «уважать решения международной законности». Они провозглашали задачу создания в Палестине «гражданского общества», действующего «на основе демократического законодательства» и «независимого от государства и его институтов». Оба кандидата

выступали как защитники женского равноправия и поборники «выработки хартии чести, регулирующей отношения между светскими и религиозными» группами политического действия [аль-Барамидж аль-интихабийя... 2005, с. 8–13].

Победа Махмуда Аббаса на президентских выборах (62,3% голосов всех избирателей) была ожидаема. Он возглавлял палестинское правительство, имел поддержку международного сообщества и Израиля, становился новым лидером ООП (обеспечив себе поддержку всех входящих в нее политических структур) и действовал как прямой наследник своего предшественника.

Результаты выборов в Палестинский законодательный совет демонстрировали иную картину политических предпочтений. На этих выборах победил блок «Перемены и реформа», созданный накануне выборов ХАМАС и некоторыми «независимыми» кандидатами – 76 мест против 45, полученных ФАТХ [аль-Интихабат атташрийий ас-сания].

Победа ХАМАС укрепила ситуацию «биполярности». Глава ПНА Аббас сохранил за собой широкие полномочия и в законодательной сфере, и в областях, связанных с внешними связями, безопасностью и переговорами с Израилем. ХАМАС не располагал парламентским большинством в две трети (88 мест), что не позволяло ему определять процедуру принятия основных законов. Но парламентская фракция ФАТХ была обязана достигать консенсуса с депутатами, представляющими ХАМАС, чтобы обеспечить возможность принятия лоббируемых ею законодательных актов.

ХАМАС, опираясь на свое парламентское большинство, мог инициировать формирование нового правительства. Но это правительство должно было быть многопартийным (при ведущей роли победившего движения). Внешние обстоятельства обязывали ХАМАС продемонстрировать максимум реализма в политической борьбе. Он должен был учитывать и то, что его военизированное крыло уступало вооруженным формированиям, лояльным главе ПНА.

В феврале 2006 г. Аббас поручил лидеру избирательного списка «Перемены и реформа» Исмаилу Ханийе сформировать новое правительство, но настоятельно рекомендовал парламентской фракции ФАТХ отказаться от участия в нем. Президент не был свободен в своих действиях – его позиция едва ли не в полной мере определялась подходами Израиля, США и Европейского союза, продолжавших считать ХАМАС террористической органи-

зацией и угрожавших введением санкций против национальной власти.

В марте 2007 г. после кровавых столкновений между ФАТХ и ХАМАС в начале 2007 г. в Газе «правительство национального единства» во главе с Ханийей было все же сформировано. 16 министров этого правительства представляли ФАТХ, а также «независимых», а восемь министров – ХАМАС. Правительственная программа, обнародованная 16 марта 2007 г., провозглашала стремление «сохранить перемирие (с Израилем. – Г. К.)» и превратить его во «всеобъемлющее, взаимное и согласованное во времени». Правительство обязалось «уважать международные соглашения, подписанные» ООП [ан-Насс аль-камиль].

Новая угроза экономических санкций в случае, если ХАМАС продолжит свое участие во властных структурах, подтолкнула Аббаса к тому, чтобы в июне 2007 г. в одностороннем порядке отправить правительство в отставку. Итогом этого шага стали вооруженный мятеж, предпринятый ХАМАС 15 июня 2007 г. в секторе Газа, и международные санкции в отношении этого палестинского региона.

ХАМАС: Новый вариант «национального» исламского проекта

1 мая 2017 г., менее чем через десять лет после захвата власти в секторе Газа, в ходе пресс-конференции в столице Катара Дохе лидер ХАМАС Халед Машаль представил «Документ о генеральных принципах и политике» (далее – Документ. – Г. К.). Это новый (но сохранивший основополагающие подходы) вариант национального действия, который по сравнению с Хартией в значительно меньшей степени обрамлен религиозной риторикой. ХАМАС попрощался со своим прошлым – в Документе более не присутствуют какие-либо указания на генетическую связь с Движением «Братья-мусульмане». Ислам провозглашается «религией мира и толерантности», устремленной к «умеренности» [Васика... Преамбула], а не к экстремизму, что свидетельствует о стремлении ХАМАС отмежеваться от обвинений в джихадистском салафизме и связях с ИГИЛ. Документ лишь в малой степени апеллирует к «арабской и исламской нации». Эта страница исчезала из истории

Движения, уступая место акцентированному подчеркиванию национального характера и самой политической структуры, и методов ее действия.

Преамбула Документа говорит о Палестине как о «земле, где появился, с которой связан и которой принадлежит арабо-палестинский народ», определяя суть палестинского вопроса – «проблемы народа, лишенного земли, народа, права которого мир не смог обеспечить». Этот вопрос возник, потому что на «земле палестинцев» был реализован и продолжает существовать «захватнический и расистский сионистский проект», ответом на который стало «сопротивление, цель которого – освобождение земли, возвращение [к родным очагам] и создание суверенного государства со столицей в Иерусалиме» [Васика... Преамбула]. Границы этой «неделимой земли» четко маркировались – «от реки Иордан на востоке до Средиземного моря на западе, от Рас-эль-Накура¹ на севере до Умм ар-Рашраш² на юге». «Создание сионистского образования» не отменяло «права палестинского народа на всю эту землю» [Васика... ст. 1].

Хотя в преамбуле Документа и говорится, что «ислам возвысил Палестину», она более не рассматривается как *вакф*. Напротив, Палестина квалифицируется как собственность «единого», но «религиозно, культурно и политически многообразного палестинского народа», отмечается, что Иерусалим – *Бейт аль-Микдас* с его «мусульманскими и христианскими святынями» был не только «первой *киблой*³ мусульман и местом вознесения Пророка», но и «колыбелью Христа» [Васика... ст. 7, 10]. ХАМАС же определяется как «палестинское исламское национально-освободительное движение сопротивления», цель которого «освобождение Палестины и противостояние сионистскому проекту, а устремления, задачи и методы действия опираются на ислам» [Васика... ст. 7].

При этом Документ подчеркивает, что «борьба с сионистским проектом не является религиозной борьбой с иудеями», хотя «сионистские захватчики и используют концепции иудаизма», т.е. откровенно антисемитские пассажи Хартии были опущены. В ми-

¹ Мыс на израильско-ливанской границе.

² Арабская деревня, находившаяся на месте современного израильского города Эйлат.

³ Сторона, в направлении которой молится мусульманин. Первоначально – Иерусалим.

ре, где антисемитизм не может принести долгосрочные политические дивиденды, ХАМАС, нуждавшийся в прорыве международной блокады, оправдывает свой новый подход ссылками на «интересы палестинского народа» [Васика... ст. 15–16].

Как и Хартия, Документ ХАМАС далек от оригинальности – многие его положения едва ли не дословно повторяют пункты Палестинской национальной хартии. Это относится не только к «неделимости» Палестины и отказу от смещения сионизма и иудаизма, но и к определению того, кто является палестинцами («арабские граждане, проживавшие в Палестине до 1947 г., как изгнанные с ее территории, так и оставшиеся на ней», и «родившиеся после этой даты от отцов – палестинских арабов»), а также к квалификации «палестинской идентичности» – «не исчезающей и передающейся от отцов к сыновьям» [там же, ст. 4–5].

В равной мере это относится и к определению «сионистского проекта» в его качестве «инструмента создания израильского образования». Этот проект провозглашается «основанным на попрании прав других и враждебным стремлению палестинского народа к свободе и самоопределению» [там же, ст. 14, 17], хотя терминологически речь не идет об открытом призыве к уничтожению еврейского государства. Документ ограничивается провозглашением международно-правовых актов, сделавших возможными еврейское поселенчество в Палестине и создание Израиля (Декларация Бальфура, мандат Великобритании, резолюция № 181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины) «не имеющими законной силы» [там же, ст. 18].

Отвечая на Декларацию принципов, Документ подтверждает незыблемость позиций ХАМАС – «полное («от реки до моря») освобождение Палестины» [там же, ст. 20]. Это же относится и к вопросу о палестинских беженцах, право на возвращение которых провозглашается «естественным» [там же, ст. 12]. Декларация принципов и последовавшие за ней палестино-израильские договоренности «не могут привести к миру», а «сопротивление и джихад во имя освобождения Палестины – закон, долг и честь для сынов ее народа» [там же, ст. 20, 23]. Документ считает вооруженное сопротивление «законным с точки зрения Божественных установлений и международного права» [там же, ст. 25].

Но все же в Документе присутствуют и еще более существенные нюансы, обусловленные как изменившимся статусом

ХАМАС, так и ситуацией вокруг сектора Газа. В нем признается необходимость созидания межпалестинских отношений на основе «плюрализма, демократического выбора и национального партнерства». Подчеркивая важность «перестройки ООП на демократической основе» и «служения ПНА палестинскому народу в деле защиты его безопасности и законных национальных прав» [Васика... ст. 28, 31], ХАМАС более не настаивает на союзе с властью только при условии ее перехода на религиозные позиции.

Декларированное стремление к «национальному партнерству» находит выражение в важнейшем положении Документа: «Создание независимого суверенного палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме (*аль-Кудс*) в границах 4 июня 1967 г.¹ с возвращением беженцев и перемещенных лиц к их очагам» должно стать «формой общенационального консенсуса». При этом ХАМАС утверждает, что речь не идет об «альтернативе освобождению Палестины» либо «признании сионистского образования и уступке в отношении палестинских прав» [там же, ст. 20]. Однако соответствующее положение Документа воспринимается как частичное признание существующей реальности. Содержащееся же в Документе утверждение о «праве народа развивать методы и механизмы сопротивления», воплощавшемся в «управлении сопротивлением, требующим его эскалации либо снижения уровня» [там же, ст. 26], вытекает из контактов пришедшего к власти в Газе ХАМАС с израильской стороной и заключения ими обоюдовыгодных «перемирий».

ХАМАС как правящая партия: Вместо заключения

В начале мая 2017 г. Машаль покинул пост главы Политбюро Движения, а его место занял Ханийя, т.е. в руководстве ХАМАС усилились позиции постоянно проживающих в секторе Газа командиров Бригад Изз ад-Дина аль-Кассам. Риторика ХАМАС менялась, становясь в большей мере национальной и менее религиозной. Но это определялось не только организационными изменениями – Документ был промежуточным итогом развития

¹ День, предшествовавший началу арабо-израильской войны в июне 1967 г.

уже не оппозиционного движения, а политической структуры, обретшей власть и пытавшейся решить проблемы сектора, сохраняя приверженность основополагающим принципам своей доктрины. Многочисленность этих проблем очевидна.

На обстрелы территории еврейского государства (часто инициировавшиеся сторонниками «Исламского джихада») израильская армия отвечала разрушавшими инфраструктуру воздушными налетами и наземными операциями вторжения. Египетские и израильские санкции (как элемент международных санкций) превратили хозяйственную жизнь сектора в «экономику туннелей», по которым осуществлялись контрабандные поставки промышленных и продовольственных товаров из Египта. Осуществляя давление на ХАМАС, ПНА вводила «меры экономической оптимизации» – в апреле 2017 г. распоряжением ее главы были прекращены выплаты израильской стороне за поставляемую в сектор Газа электроэнергию и сокращены на 30% зарплаты работающих там государственных служащих. Если в 2011 г. уровень «глубокой бедности» в секторе составлял 38,8%, то в 2017 г. он достиг 53%.

Экономическая деградация и все расширявшаяся бедность снижали доверие жителей сектора к ХАМАС. Проведенный в августе 2017 г. опрос Иерусалимского центра информации и коммуникаций показал, что уровень этого доверия составлял только 22,9%. В то же время уровень доверия ФАТХ в секторе Газа достиг 34,7% (19,2% на Западном берегу). При этом Ханийя лидировал по популярности среди респондентов сектора – 17,1%, а рейтинг Аббаса был минимален – 3,3% (10,1% на Западном берегу) [Иститля ракм 90... с. 17]. Но уже в январе 2018 г. только 16,7% опрошенных в секторе Газа доверяли ХАМАС, ФАТХ же – 28,9% (18,3% на Западном берегу). Снизился и рейтинг Ханийи – 14,9%. Популярность же Аббаса увеличилась до 10,7% (10,5% на Западном берегу) [Иститля ракм 91... с. 17–18].

Однако ХАМАС сохранил власть. Это было достигнуто не только мерами по подавлению инакомыслия (сразу же после его прихода к власти был нанесен удар по позициям ведущих кланов – сателлитов ФАТХ), но и проведением курса экономического *laissez-faire*. Речь идет не только о деятельности контрабандистов, сформировавших спаянную с ХАМАС страту местного общества, но и об отказе от регулирования деятельности локальных бизнес-структур (объединенных в Торгово-промышленную палату Газы),

самостоятельно (но при учете мнения власти) развивавших контакты с внешними контрагентами (при ведущей роли израильтян). Неизменной осталась и связь рабочей силы сектора с израильским рынком труда; израильский шекель – денежная единица сектора.

Живущие в Газе респонденты Иерусалимского центра информации и коммуникаций лишь в последнюю очередь возлагали вину за свое положение на местную власть, предпочитая обвинять в этом Израиль, власти ПНА либо иные внешние силы. 47% опрошенных в январе 2018 г. считали причиной прекращения поставок электроэнергии в сектор действия Израиля, 22,9 ПНА и 22% – правительства ХАМАС [Иститля ракм 91... с. 12].

Приход ХАМАС к власти не означал разрушения уже существовавших в секторе протогосударственных структур – там продолжало действовать отстраненное Аббасом «правительство народного волеизъявления» Ханийи. Не ставя под сомнение законность результатов президентских выборов, ХАМАС считает, что ПНА должна финансировать учреждения образования, здравоохранения и социального обеспечения. Из этого вытекает более высокая степень разочарования респондентов Газы в отношении администрации ПНА по сравнению с опрошенными на Западном берегу: в январе 2018 г. 42,7% респондентов считали «неудовлетворительной» работу органов здравоохранения (23,7% на Западном берегу), 25,6 – образования (19,3% на Западном берегу), 39,3% – социального обеспечения (28,3% на Западном берегу).

Тогда же 85,8% респондентов выразили убеждение в том, что ПНА коррумпирована (75,9% на Западном берегу) [там же, с. 14–15]. 46% опрошенных в секторе «пессимистичны» или «очень пессимистичны» в отношении ПНА – на Западном берегу эта доля составила 34% [там же, с. 5]. Отвечая в августе 2017 г. на вопрос о том, за кого бы они проголосовали на президентских выборах – за Аббаса или Ханийю, 30% опрошенных отдали свои голоса главе правительства ХАМАС (28% – Аббасу) [Иститля ракм 90, с. 9]. В январе 2018 г. деятельность Аббаса на посту главы ПНА «не удовлетворяла» или «полностью не удовлетворяла» 66% опрошенных сектора (против 48% на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 12].

Ликвидация влияния ранее ведущих семей создавала в секторе новые возможности социальной мобильности. Иранская и катарская финансовая помощь обеспечивала деятельность репрес-

сивных структур, полиции и Бригад Изз ад-Дина аль-Кассама – их ряды пополняла безработная молодежь. Борьба за выживание подталкивала к созданию разнообразных мастерских и цехов (примитивное оборудование не было препятствием для самостоятельности). Общество Газы архаизировалось – одним из показателей этого процесса стал высокий уровень религиозности, порождающий стоицизм в ситуации санкций и израильских военных репрессий. Если в августе 2017 г. общепалестинский показатель религиозности («религия очень важна в моей жизни») составил 96,4%, то в секторе Газа он был равен 97,8%.

Религиозная идентичность в секторе сопрягается с национальной. 72% жителей Газы заявили в январе 2018 г., что считают себя палестинцами (против 11,6% на Западном берегу), и только 11,6% – мусульманами (12% на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 17]. Общество Газы выбирало более решительные меры воздействия на еврейское государство, чем его аналог на Западном берегу. В сентябре 2017 г. «противниками» и «решительными противниками» возобновления палестино-израильских переговоров были 49,8% респондентов сектора Газа (37,1% на Западном берегу). 40% опрошенных в то же время отвергали «арабскую мирную инициативу»¹ (среди респондентов Западного берега – 33,8%), а 28,2% поддерживали вооруженные нападения на израильские объекты [Иститля ракм 90, с. 7–8]. В январе 2018 г. 50,2% респондентов считали необходимым для создания палестинского государства начать антиизраильское «вооруженное восстание», а 21,8% выступали за возобновление интифады (26,9 и 36,3% соответственно на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 10]. Эта точка зрения предвосхитила будущий «Великий марш возвращения».

Существовали ли причины коррекции позиции ХАМАС в отношении ФАТХ и ООП? В этом не приходится сомневаться.

Если в августе 2007 г., спустя два месяца после вооруженного мятежа в Газе, 34,3% жителей сектора считали необходимым «вернуться к правительству национального единства» (22% предлагали «провести внеочередные парламентские выборы» и 25,2%

¹ Принята в 2002 г. на бейрутском саммите Лиги арабских государств. Предусматривает урегулирование арабо-израильского конфликта при условии вывода израильских войск с территорий, оккупированных в ходе войны 1967 г. и создания палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

призывали «возобновить диалог» между обеими ведущими политическими структурами) [Иститля ракм 62, с. 9], то эта позиция могла быть объяснена тем, что в то время власть ХАМАС была далека от стабильности. Однако и в сентябре 2017 г. 60% респондентов в секторе Газа (68,8% на Западном берегу) считали необходимым сохранить ПНА под контролем ООП [Иститля ракм 90, с. 7].

Отвечая на вопрос о том, кто «несет ответственность» за межпалестинские столкновения в секторе Газа, 40,7% респондентов говорили, что это ХАМАС, и 30,9% – ФАТХ (45,1% и 26,9% соответственно на Западном берегу) [Иститля ракм 62, с. 7–8]. В январе 2018 г. эти оценки мало изменились: 42,4% опрошенных в Газе полагали, что обе организации в равной мере ответственны за сохраняющийся разрыв отношений (30,1% на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 11]. Тогда же 70,2% респондентов в Газе (69,6% на Западном берегу) считали, что «примирение ХАМАС и ФАТХ» будет отвечать «интересам палестинского народа» [там же, с. 7]. В сентябре 2017 г. 36,4% опрошенных (33,9% на Западном берегу) поддержали «новый подход ХАМАС к вопросу о границах, существовавших в июне 1967 г.» [Иститля ракм 90, с. 13].

* * *

Уже в момент своего становления ХАМАС не мог рассматриваться в качестве исламской политической организации, поскольку действовал как структура, стремящаяся в максимально возможной степени обрести национальный характер. Его исламская риторика в первую очередь объяснялась острой политической конкуренцией с ФАТХ, но в целом придание национальной идее трансформированного религиозного измерения является одной из распространенных форм национально-государственного строительства в мусульманском социуме [см.: Кудряшова, 2017, с. 353–354].

Прошедшее с тех пор время лишь укрепило эту тенденцию. Об этом говорит не только способность ХАМАС удерживать обретенные властные полномочия, но и его последовательное движение ко все более глубокой корректировке программных установок, а также перемены на уровне руководства, обусловленные в том числе и динамикой ближневосточной ситуации. Это означает, что

дальнейшее изменение его позиции, продиктованное необходимостью решения палестинского вопроса (и сопоставимое с уже произошедшей трансформацией ФАТХ), будет определяться реальным движением всех игроков на палестинской арене по пути исключающего политическое насилие урегулирования палестино-израильского конфликта.

Список литературы

- Аль-Барамидж аль-интихабийя ли мурашшихи ар-риаса аль-фалястынийя (Предвыборные программы кандидатов на пост президента Палестины). – Рамалла: Ляджна аль-интихабат аль-марказийя, 2005. – 24 с. – аль-Ихса яъалян мустава-ят аль-маиша фи Фалястын (Бюро статистики распространило данные об уровне жизни в Палестине). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.pcbs.gov.ps/postar.aspx?tabID=512&lang=ar&ItemID=3114&mid=3915&wversion=Staging> (Дата посещения: 15.04.2018.)
- Аль-Муарада аль-фалястынийя... иля айн? [Палестинская оппозиция... что дальше?] // А. Аль-Джабрауи, З. Абу Амру, И. Абу Люгд, Х. Аш-Шаккаки. – Наблус: Джамийа ан-Наджх, 1994. – 62 с. – Араб. яз.
- Аль-Интихабат ат-ташриийя ас-сания (Итоги вторых парламентских выборов). – 2006. – Араб. яз. – Режим доступа: http://www.elections.ps/Portals/30/pdf/PLC2006-ResultsFinalDistributionOfPLCSeats_AR.pdf (Дата посещения: 04.04.2018.)
- Ан-Насс аль-камиль ли барнамадж аль-хукума ва хитаб Ханийя (Полный текст программы правительства и речь Ханийи). – Араб. яз. – Режим доступа: <https://www.arab48.com> (Дата посещения: 28.05.2018.)
- Байян сухуфий садыр ан Харака аль-мукавама аль-ислямийя (Пресс-релиз Движения исламского сопротивления). – Араб. яз. – Режим доступа: <https://hamas.ps/ar/post/8905> (Дата посещения: 30.03.2018.)
- Васика аль-мабадиа ва ас-сиясат аль-амма. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://hamas.ps/ar/uploads/documents/599abf9aafa1b76837c1242eb229e87b.pdf> (Дата посещения: 03.05.2018.)
- Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (Дата посещения: 02.04.2018.)
- Иалян истикляль ли Дауля Фалястын (Декларация независимости Государства Палестина). ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократическая трансформация в Палестине). – Иерусалим: Мультака аль-фикр аль-арабийя, 1999. – С. 13–14. – Араб. яз.
- Иститляя ракм 90. Айлюль 2017 (Опрос № 90. Сентябрь 2017). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.jmcc.org/documentsandmaps.aspx?id=875> (Дата посещения: 25.05.2018.)

- Иститля ракм 91. Канун ас-сани 2018 (Опрос № 91. Январь 2018). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.jmcc.org/documentsandmaps.aspx?id=878> (Дата посещения: 25.05.2018.)
- Кассис М.* Илякат аль-фард би аль-муджтамаа ва баад кадая аль-муджтамаа аль-маданий фи Фалястын (Взаимоотношения индивидуума и общества, а также некоторые проблемы гражданского общества в Палестине) // Дирасат тахлилийя ли ат-таваджджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаыйя фи Фалястын (Аналитические исследования тенденций политического и социального развития в Палестине). – Наблус: Джамийа ан-Наджах, 1997. – С. 132–158. – Араб. яз.
- Коран / Пер. и ком. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1982. – 612 с.
- Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: Священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2017. – Т. 19, № 4. – С. 349–365.
- Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя (Хартия Движения исламского сопротивления). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://palestine.paldf.net/> (Дата посещения: 15.05.2018.)
- Натаидж иститляят ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясийя аль-ания. 1993–1998 (Иерусалимский центр информации и коммуникаций. Итоги опросов общественного мнения в связи с точкой зрения палестинцев по текущим политическим проблемам. 1993–1998). – Аль-Кудс (Иерусалим): Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. – 1999. – 228 с. – Араб. яз.
- Хилляль Дж.* Кираа фи масх ли таваджжухат аль-джумхур аль-фалястыний фи Ад-Дыффа аль-гарбийя ва кытаъа Газа тиджах низам аль-хукм (Анализ тенденций общественного мнения палестинского населения Западного берега и сектора Газа в отношении системы власти) // Дирасат тахлилийя ли ат-таваджджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаыйя фи Фалястын. – Наблус: Джамийа ан-Наджах, 1997. – С. 139–157. – Араб. яз.
- Legrain J.-F.* Autonomie palestinienne: La politique des néo-notables. – Les parties politiques dans les pays arabes. Le Machrek // *Révue des mondes musulman et de la Méditerranée*. – Aix-en-Provence, 1998. – N 81/82. – P. 153–206.
- Mishal S., Sela A.* HAMAS: A behavioral profile. – Tel-Aviv, 1997. – 45 p.
- The Palestinian Council. – Jerusalem: Jerusalem Media & Communication Center, 1998. – 229 p.
- The Presidential Elections 2005. Guide Book. – Ramallah: Center Elections Commission, 2005. – 56 p.

Е.В. ПИНЮГИНА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В ЕВРОПЕ

Аннотация. Растущая миграция мусульман в европейские страны сопровождается институционализацией ислама, которая несет с собой политические риски. В связи с этим рассматриваются такие проблемы, как легализация деструктивных мусульманских организаций, деятельность имамов-иностранцев или фундаменталистов, гендерный вопрос, свобода слова и чувства верующих, интеграция мусульманского права в национальное. Предлагается анализ подходов принимающих государств к представительству мусульман через конфессиональные ассоциации, рассмотрен вопрос поиска новых управленческих решений в сфере организации религиозной жизни мусульман.

Ключевые слова: риски институционализации ислама в Европе; интеграция мусульман; «национальный имамат»; религиозная идентичность мусульман; представительство мусульман по конфессиональному признаку.

Для цитирования: Пинюгина Е.В. Политические риски институционализации ислама в Европе // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 203–222. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.10

* **Пинюгина Елена Викторовна**, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: pinjugina@rambler.ru

Pinjugina Elena, Institute of Scientific Information on Social Studies of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: pinjugina@rambler.ru

© Пинюгина Е.В., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.10

E.V. Pinjugina
Political risks of institutionalizing Islam in Europe

Abstract. Growing migration of Muslims to European countries is followed by institutionalization of Islam, which brings forth certain political risks. In this context the article discusses such issues as legalization of disruptive Muslim organizations, activities of foreign imams or fundamentalists, the dynamics of gender, freedom of speech, believers' feelings, the integration of Muslim law into the national law of various countries. It then analyzes the ways hosting countries approach the representation of Muslims in religious associations and searches new managerial methods of organizing the religious life of Muslims.

Keywords: risks of institutionalization of Islam in Europe; integration of Muslims; «national Imamah»; religious identity of Muslims; confessional representation of Muslims.

For citation: Pinjugina E.V. Political risks of institutionalizing Islam in Europe // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 203–222. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.10

Растущая миграция мусульман в европейские страны на протяжении второй половины XX – начала XXI в. сопровождается их стремлением организовать свою религиозную жизнь и сохранить религиозную идентичность в инокультурном окружении. Это стремление ставит принимающие общества перед вызовом институционализации ислама. Вызов воспринимается ими неоднозначно с учетом тревожных сигналов о радикализации мусульман, крайнее проявление которой – участившиеся террористические акты.

Нормы, определяющие статус религии в национальных государствах Европы, формировались относительно идентификационного для большинства населения христианства. Они без проблем распространяются на иудаизм, который является традиционной религией Европы в силу многовекового проживания там еврейских общин; его приверженцы хорошо интегрированы в национальные культуры. Вдобавок сложившаяся система норм является для европейских наций продуктом компромисса между признанием светского характера современного государства и культурообразующей ролью христианской традиции. Ислам же представляется религией «чужаков», порой не освоивших язык страны и отвергающих ее культуру.

Публично-правовое пространство, в которое приходит религия иммигрантов, с одной стороны, предусматривает рамочные

ограничения для вмешательства государства, а с другой – наделяет религиозных акторов широкими возможностями: в некоторых европейских странах нормой является участие церкви в сфере образования, а также помощь государства религиозным организациям в сборе налогов с верующих.

В Европе взаимоотношения между религией и государством многообразны: есть государственные привилегированные конфессии (Швеция, Дания, Финляндия, Англия); официальные конфессии (Бельгия); конфессии, имеющие статус корпорации публичного права (ФРГ); признанные конфессии (Австрия). Все эти варианты легального статуса подразумевают финансовую поддержку конфессии со стороны государства.

Исламские общины и при наличии такого привилегированного статуса (Австрия, Бельгия), и при его отсутствии получают от государства и местных органов управления поддержку в качестве «местного религиозного сообщества», «культурного сообщества» или «общественно полезного союза» (так происходит в Швейцарии, Великобритании, ФРГ, Нидерландах, Швеции). Им выделяют земельные участки для строительства мечетей, мусульманских кладбищ и забоя скота, содействуют в организации мусульманского меню для образовательных и лечебных учреждений, оплачивают работу имамов в армии, тюрьмах и больницах.

При этом в некоторых странах вмешательство во внутренние дела учреждений религиозного сообщества возможно (Великобритания, Австрия), а в некоторых – нет (ФРГ), при этом государство должно субсидировать и конфессиональные школы привилегированных сообществ. В ФРГ мусульманские организации стремятся к обретению статуса «корпорации публичного права», имеющегося у ряда христианских церквей и иудейских союзов. Его получение будет означать необходимость финансирования мусульманских учебных заведений наряду с христианскими и иудейскими без права внешнего вмешательства в составление программ и учебных планов.

На настоящем этапе европейские государства не финансируют мусульманские конфессиональные школы, но оплачивают уроки религиозного обучения в общеобразовательных государственных школах. Такие уроки есть в странах, признавших ислам официальной религией (Бельгия, Австрия), и там, где у религиозных сообществ, в том числе и мусульманских, есть статус общест-

венно-полезных союзов или религиозных общин (ФРГ, Великобритания, Швеция, Нидерланды). В этих странах через правительственные субсидии и местные коммунальные органы по возможности выделяются бюджетные средства на ремонт и строительство храмов и молитвенных сооружений, в том числе мусульманских.

Институционализация ислама в рамках устоявшейся системы взаимоотношений государства с идентификационными религиозными акторами (католическими и протестантскими) и с не претендующими на общественную значимость немногочисленными представителями таких религий, как иудаизм, сикхизм или буддизм, в каждом национальном контексте несет в себе политические риски. Их выявлению и анализу и посвящена настоящая статья.

Риски легализации мусульманских религиозных организаций

Из-за отсутствия в исламе единой иерархически и территориально организованной организации (аналога церкви) и в связи с разнообразием мест происхождения мусульман европейские государства сталкиваются с запросом на легализацию многочисленных и малоизвестных властям религиозных акторов. Во-первых, это локальные, региональные, общенациональные союзы, сообщества, ассоциации, как правило, содержащие в названии слово «исламский» или «мусульманский». Союз может быть учредителем мечети или религиозной школы, ассоциация может объединять мечети и школы одного этнического профиля или богословского толка. Во-вторых, это так называемые учебные или культурные центры – турецкие, арабские, пакистанские, – ведущие образовательную, миссионерскую, издательскую деятельность. В-третьих, религиозно-политические организации, не обязательно содержащие в названии слово «исламский».

Среди этих акторов встречаются организации и лица, враждебные по отношению к демократическим конституционным принципам принимающих стран, при этом различные организации, имеющие одиозную репутацию в странах происхождения или даже в мире, могут зарегистрировать свои филиалы под новыми названиями. То же самое относится и к отдельным лицам – лидерам и членам подобных организаций или самостоятельным игрокам.

Правовая идеология европейских стран в любом случае защищает свободу убеждений. Если антиконституционные убежде-

ния религиозных проповедников или политическая ориентация религиозных организаций становятся известны государству, их деятельность остается легальной, пока они не призывают верующих или членов организации к насильственным действиям. Например, швейцарский имам, произнесший во время проповеди «смерть христианам и евреям» и получивший обвинение в экстремизме, пытался оправдаться тем, что «он призывал Бога осуществить небесную справедливую кару согласно своим религиозным убеждениям» [Ich bitte... 2017]. Дополнительную трудность в таких случаях вызывает и то, что суверенитет европейских государств в сфере религиозной политики может быть ограничен общеевропейскими и международными нормами. Так, в предписаниях ОБСЕ относительно регулирования государствами религиозных объединений указано: «В целях контроля допустимой может быть оценка по формальным признакам уставов и прочих документов организационного характера, <...> но только если при этом не производится оценка религии по содержательным признакам, поскольку вмешательство государства в оценку справедливости, добродетельности или пользы религиозных доктрин недопустимо» [Дурам, 1999].

Перемены в отношении мусульман к социализации и интеграции

Следующий из рисков институционализации ислама – амбивалентное влияние этого процесса на модель отношений мусульман с принимающим обществом. До институционализации ислама социализация и интеграция мусульман происходили (или должны были происходить) по сценарию, универсальному для всех иммигрантов: овладение языком страны, получение образования, аккультурация (знакомство с особенностями, историей и традициями страны), интеграция на рынке труда. Эти действия принимающее общество расценивало как алгоритм, не зависящий от конфессиональных, этнических и языковых характеристик иммигрантов. Строительство мечетей воспринималось скорее как завершающий этап интеграции ислама, показывающий мусульманам, что они здесь свои, такие же, как все. Но с ростом числа мечетей и школ Корана религиозная идентичность мусульман, особенно молоде-

жи, посещающей такие учреждения, стала укрепляться и влиять на отношение к социализации.

Появившись позднее других авраамических религий, ислам содержит богословский компонент полемики с ними (как иудаизм содержит полемику с язычеством, а христианство – с иудаизмом) и утверждение своего превосходства в полноте обладания истиной. Также в Коране можно найти рекомендации по выстраиванию отношений с христианами, иудеями и язычниками, а конструктивный или негативный потенциал этих рекомендаций зависит от интерпретации ситуации, в которой происходит взаимодействие. Поскольку понятия «запрещенного» и «дозволенного» очень важны в повседневной жизни верующих, интерпретация правил, обстоятельств и принципов взаимодействия с немусульманским обществом, утвержденная авторитетными инстанциями, приобретает для них решающее значение. Такими доступными для мусульман авторитетами являются священнослужители – имамы, а также преподаватели основ религии в государственных школах (такие опции доступны в Австрии, ФРГ, Швейцарии, Великобритании) или частных мусульманских школах.

В результате приоритетным мотивом поведения европейских мусульман в процессе социализации и интеграции может становиться не ориентация на личную эффективность или на общественные стандарты, а отношение к «запретному» и «дозволенному», соответствие рекомендациям имама или ожиданиям местной религиозной общины. Также на «наполнение» их идентичности влияют идеи и концепции, имеющие распространение и поддержку в исламском мире. Среди них салафизм (стремление соблюдать «чистый» ислам времен первых трех поколений мусульман – сподвижников Пророка, их последователей и последователей последователей – и неприятие всего западного как «нечистого») и так называемый джихадизм – военно-политическая борьба с противниками во имя религии.

В связи с этим в ФРГ СМИ упоминают уже и такой феномен, как «враждебность к немецкому», присущую мусульманам-подросткам [Lehrer stehen... 2018]. Обычно приверженцы салафитских идей имеют «готовое решение» для мусульман в инокультурном окружении: в Бельгии дети с таким воспитанием уже в детских садах называют одноклассников свиньями (нечистое животное в исламе) и угрожают им жестом, обозначающим «перерезанное

горло»; около 500 жалоб на такое поведение из школьной системы поступило в специально созданную службу *Netverk Islamexperter* за первый год работы – с 2016 по 2017 г. [Spoormakers, 2017]. В Швеции школьники, посещающие мечеть салафитского толка, ежедневно спешат после занятий в мечеть совершить омовение после контакта с неверными, а также демонстрируют соученикам ролики с обезглавливаниями, обещая повторить это на практике [Mellan salafism... 2018]. Своим единоверцам взрослые шведские салафиты угрожают адскими муками за участие в демократических выборах любого уровня [Ibid.].

К городским и районным администрациям такие общины обращаются с требованиями запретить рождественские елки и украшения на улицах, и под их давлением праздничные символы убирают из учреждений. Стараниями «ревнителей благочестия» в мусульманских кварталах образуются *no go area* («зоны отчуждения», закрытые для посещения «иноверцами») – так, по данным полиции и спецслужб Швеции, в стране есть 61 такая зона, и их число ежегодно возрастает [Bergman, 2018]. Религиозным превосходством мотивируются нападения на магазины «неверных», разорение их предприятий малого бизнеса, а также увольнения недостаточно религиозных мусульман [Mellan salafism... 2018].

Проблема гендерных стереотипов

Институционализация ислама укрепляет мусульман в необходимости следования гендерной этике, сфокусированной на регулировании внешнего вида женщины, ее поведения, семейной и половой морали. Такой подход считается верным не только внутри семьи или общины, но и в рамках взаимодействия с принимающим обществом, где, наоборот, женская эмансипация и половая свобода поставлены во главу угла, и женщины к тому же преобладают среди работников учебных, медицинских и социальных служб и учреждений, посещение которых является необходимым условием социализации.

Риском для всего социума является отсутствие у мусульманских мужчин и мальчиков понимания необходимости как минимум дифференцированного подхода к женщинам-мусульманкам и немусульманкам – последние даже в теории не обязаны придержи-

ваться правил поведения, предписанных в общине. Школьные учителя, сталкивающиеся с такой молодежью каждый день, сообщают, что вербальные оскорбления соучениц, а иногда и учительниц за «нескромный внешний вид» следуют регулярно, а объяснить родителям, что это недопустимо и требует их вмешательства, невозможно, если они и сами придерживаются таких взглядов [Schmidt-Wyk, 2018; Iken, 2018; Moench, 2010; Fueller, 2015]. Наиболее тяжелые эксцессы, проистекающие из такого непонимания, — акции массового харассмента, оскорблений и изнасилования одиноких европейских женщин, имевшие место в дни праздников в немецком Кёльне в канун 2016 г. и на музыкальных фестивалях в Швеции в 2014–2015 гг.

При этом гендерные предубеждения присущи не только выходцам из «мусульманской глубинки». В британской практике обсуждались случаи в кампусах, когда девушкам на семинарах было рекомендовано молчать и не высказывать своего мнения в одном помещении с мужчинами, а при организации лекций на религиозную тематику обеспечивалась отдельная рассадка в зале мужской и женской части слушателей. Но основные опасения в гендерном вопросе все же связаны с возможностью оправдания религиозной идентичностью таких этнических или патриархальных практик, как женское обрезание, семейное насилие, ограничение свободы передвижения женщин, принудительные и ранние браки, «убийства во имя чести» членами семьи за «аморальное поведение» — например, откровенную одежду вместо головного платка, связь или брак с немусульманином, супружескую измену.

Пытаясь защитить право мусульманок на свободу от давления общины, государство столкнулось с неоднозначностью вопроса о хиджабах (головных платках), никабах (закрывающих лицо головных уборах с узкой прорезью для глаз) или бурках (плащах, покрывающих фигуру с головы до пят). Часть мусульманок выступает за свое право носить такую одежду либо с позиции свободной артикуляции религиозной идентичности, либо на основе трезвой оценки требований семейного окружения; некоторые мусульманки рассматривают хиджаб и бурку как манифест эмансипации, требующий не оценивать женщину по ее внешним данным и взаимодействовать с ней независимо от ее одежды или привлекательности. Вместе с тем нельзя игнорировать права женщин, не

желающих носить такие религиозно маркированные атрибуты и рассчитывающих на защиту государством своих прав и свобод.

С учетом наличия сторонниц двух противоположных подходов европейские правительства выбрали срединную позицию. Так, платки везде, кроме Франции, разрешены для учащихся и повсюду – для работающих женщин, за исключением некоторых стран (например, ФРГ, Франции, Австрии), где есть запрет на демонстрацию религиозной принадлежности работниками государственных учреждений, к которым относится и школа. Относительно таких случаев вопрос обычно оставляется на усмотрение руководства школ и родительских комитетов, но иногда мусульманки решают его через суд. В частном секторе фирма может заранее внести в устав запрет на религиозные символы и отказать в найме работнице, не согласной с этим пунктом, но не имеет права избирательно запретить мусульманке носить платок после найма. Что касается бурки или паранджи, любой женской одежды, закрывающей лицо, то некоторые европейские страны (Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Австрия и др.) сочли ее ношение противоречащим принципам светского государства, а также ставящим под угрозу безопасность общества из-за трудностей с идентификацией личности, и законодательно запретили под угрозой денежных штрафов¹.

Свобода слова *versus* чувства верующих

Для многих мусульман важной является артикуляция своей приверженности религиозным ценностям и готовности их защищать. Таким образом, в западных обществах свобода слова может вступать в конфронтацию с религиозными чувствами тех, кто отвергает секуляризм как навязываемую большинством модель.

В истории с так называемыми «датскими карикатурами»² акции протеста части европейских мусульман показали их культурное единство с мусульманским миром, а не с принимающими

¹ Подробнее о ситуации с правовым регулированием ношения женщинами мусульманской одежды в 28 странах – членах ЕС по состоянию на апрель 2018 г. см.: [Restrictions on Muslim women's dress... 2018].

² В 2005 г. датская газета «Jyllands-Posten» опубликовала карикатуры на пророка Мухаммада, что вызвало не только межкультурный, но и политический конфликт во многих странах Европы.

обществами. Второй подобный эпизод – убийство мусульманином голландского режиссера Т. ван Гога, критиковавшего в своем фильме дискриминационные практики мусульман внутри своего сообщества. Третьим, самым знаковым, стал теракт в редакции сатирического еженедельника «Шарли Эбдо», затронувшего религиозные чувства мусульман издевательскими сюжетами и изображениями пророка Мухаммеда.

Поиск баланса между запросами этой части мусульман и требованиями всех остальных, включая по-иному мыслящих мусульман, защитить свободу слова и право на свое понимание идентичности – это серьезный вызов для демократического государства. К примеру, британским спецслужбам пришлось взять под защиту семью британского министра-мусульманина, поддержавшего легализацию гей-браков и заявившего о праве каждого по-своему выстраивать религиозную идентичность и быть «светским мусульманином».

Однако у государства недостаточно ресурсов, чтобы защитить всякого, кто навлекает на себя волну «оскорбленных чувств». Понимая это, в Великобритании оно пытается ограничить свободу слова, запрещая посещать страну создателям таких спорных культурных продуктов, как критические фильмы об исламе, а также упоминать религиозную принадлежность террористов.

Имплементация мусульманского права в национальную правовую систему

Мусульманское богословие устанавливает два важнейших критерия мирного сосуществования с немусульманским большинством в одной политике: религиозная свобода (возможность ходить в мечети и соблюдать ритуалы) и шариатская судебная система для мусульман. Опросы мусульман европейских стран показывают, что среди них высок процент людей, полагающих законы шариата более важными, чем законы страны: 29% во Франции [Religion... 2016], 43 – в Великобритании [Shock... 2016], 47 – в ФРГ, 52 – в Швеции, 43% в Дании [Koormans, 2015]. Шариат (*путь* на арабском языке) – это не только законы, но и вся полнота учения ислама в области догматических и культовых установок, этических

норм, правил взаимодействия мусульман между собой, с властью, с иноверцами.

Вопрос о способах и допустимости инкорпорирования институтов мусульманского права в национальные правовые системы стоит в Европе достаточно остро. Применительно к семейному праву он уже частично решен положительно. Некоторые страны, не признавая допустимых в исламе браков с несовершеннолетними, мусульманских «моментальных» устных разводов по решению мужа и многоженства, тем не менее принимают их как данность, если брак заключен за пределами ЕС и не нарушает законов страны, где такие браки и разводы состоялись (ФРГ, Бельгия, Швеция).

В Великобритании многоженство полуофициально признается в системе оформления социальных пособий и пенсий, а элементы мусульманского семейного и наследственного права стали интегрироваться в правовую систему. Некоторые шариатские суды функционируют вполне легально, на основе принципа арбитража и при обоюдном согласии сторон рассматривать тяжбу именно в таком суде. При этом отсутствуют гарантии, что женщины, права и статус которых в мусульманском праве отличаются от таковых у мужчин, будут иметь реальную возможность отказаться от рассмотрения семейных тяжб в таком суде; некоторые из них, привезенные из-за рубежа с целью замужества и прожившие несколько лет взаперти, вряд ли вообще будут осведомлены о наличии альтернативы. Как отмечает исследовавший этот вопрос британский правовед Д. МакЭон, наиболее уязвимым является ребенок – шариатские суды оставляют детей после развода отцу, невзирая на стабильность его социального положения, отношение к ребенку или опасность для ребенка [MacEoin, 2009].

Имамы национальные и иностранные

Даже в случае максимальной адаптации общества и государства к нуждам мусульман в таких сферах, как политическое представительство, образование, финансы, страхование, пищевые и ритуальные особенности (в этом аспекте следует отметить Великобританию [Пинюгина, 2014]), на территории страны может сохраняться значительное количество воинственных по отношению к принимающему обществу граждан. Количество салафитов и экс-

тремистов, характеризующихся как «опасные», т.е. готовые к насильственным действиям, растет: в ФРГ их численность оценивается в 10 800 человек [Jansen, 2017], во Франции – в более чем 8000, [Wiegel, 2016], в Великобритании – в 25 000 [Dearden, 2017]. Однако работники спецслужб Европы указывают в своих интервью [Jansen, 2017], что пока опасный субъект не приступит к подготовке теракта, они не имеют права арестовывать его. Поэтому для предупреждения терроризма важно отсутствие питательной среды и авторитетного источника укрепления экстремистских взглядов.

Тем не менее в принимающих странах регулярно обнаруживаются очаги экстремизма в мечетях, где проповедуют имамы с нетерпимыми к принимающему обществу настроениями. Такова ситуация в Швеции, ФРГ, Швейцарии, Бельгии, Великобритании.

Причиной, как показывает пример Великобритании, могут быть эндогенные особенности богословской традиции, «привезенной» переселенцами из мест происхождения, в том числе связанные с историческим и этническим контекстом ее формирования. Так, большинство мусульман Великобритании – сунниты, но треть из них принадлежат еще и к течению деобанди (появилось в 1867 г. в г. Деобанд в Британской Индии), ставшему реакцией на реформы британских властей в сфере мусульманского права и образования. В середине XX в. богословы деобанди поддержали раскол Индии по конфессиональному признаку, создание мусульманской нации и образование Пакистана. Распространяемое через образовательные центры школы учение повлияло на рост фундаменталистских настроений среди населения Афганистана и Пакистана.

Представители этого течения создают в Великобритании свои центры подготовки имамов, и влияние их головной структуры – Ассоциации улемов Великобритании («Джамиат-и-улама-британия») распространяется на более чем 600 мечетей страны из 1350, что составляет почти половину. Еще в 2007 г. британские СМИ обнародовали показания учеников школ деобанди и прихожан соответствующих мечетей о формировании у них резко отрицательного отношения к западному обществу, к идее гражданства в немусульманском государстве, а также о вербовке сторонников для участия в борьбе с Западом.

Обычно негативное отношение к интеграции, формируемое в мечети, соотносят с деятельностью имамов-иностранцев, не мотивированных помогать единоверцам в вопросах адаптации и

предвзято относящихся к демократическим ценностям. Вдобавок имамы часто не владеют языком страны пребывания, поэтому их оценка окружающей действительности может быть неадекватной.

Схожей с Великобританией является ситуация в странах с преобладанием выходцев из Турции (Австрия, Швейцария, ФРГ), где последние годы идет наступление на завоевания сторонников лаицизма – кемалистов, а доминирующая Партия справедливости и развития (ПСР) и ее лидер мобилизуют мусульман, используя религиозный компонент в публичной политике [Матюхин, 2013].

Турецкое Управление по делам религий (Диянет) до прихода ПСР во власть служило инструментом государственного контроля за имамами, религиозными школами и училищами. Со сменой политической парадигмы оно стало уделять много внимания созданию и финансированию ассоциаций мечетей и турецко-исламских культурных центров в странах с растущими диаспорами (в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Нидерландах, Бельгии), а также подбору имамов, направляемых в страны диаспоры в длительную командировку с выплатой зарплаты. Целью командированных имамов является сохранение и поддержание в верующих турецко-исламской идентичности. В связи с этим многие европейские правительства (Великобритании, Франции, Австрии, ФРГ, Швейцарии) с 2006–2007 гг. обсуждают на различных площадках институт национальной подготовки кадров для мечетей.

С формированием «национального имамата» связан вопрос об инициировании «сверху» формирования национальных структур управления и организации религиозной жизни мусульман. Подход здесь может быть разным. Так, ассоциация «Исламское сообщество Австрии» стала партнером правительства и согласовала с ним «Закон об исламе», признающий официальный статус этой религии и регулирующий механизм ее взаимодействия с государством, требования к мечетям и имамам, регламент работы правления и кооптации в него представителей от разных мечетей и организаций. Закон запрещает иностранное финансирование имамов, мечетей и религиозных союзов. За невыполнение этого закона в 2018 г. Австрия закрыла семь мечетей и готовит к депортации около 60 имамов с членами семей. Регулярно реагируют на радикализм имамов швейцарские власти: в одних случаях это высылка, в других – заключение под стражу.

Еще в 2000-х годах проблема с имаматом была не только признана такими принимающими странами, как Франция, ФРГ, Великобритания, но и обсуждалась на правительственном уровне. За обсуждением последовали публикации о скором запуске программ подготовки имамов внутри страны. Однако только в Нидерландах власти приступили к строгому контролю за выдачей разрешений на деятельность имамов. С одной стороны, им присваивается статус госслужащих с выплатой зарплаты, с другой – для въезда из-за рубежа имам должен пройти отдельную проверку личности в диппредставительстве на территории страны, а по приезде пройти обязательные годовичные курсы нидерландского языка, законодательства и культуры со сдачей экзамена. Мусульманские общины суринамского и индийского происхождения, известные более умеренными взглядами, получили в Нидерландах государственное согласие на организацию подобных курсов для имамов своими силами.

Насколько велика роль имамов «по месту жительства» в распространении радикальных взглядов среди молодых европейских мусульман по сравнению с интернет-пропагандистами джихада, особенно ИГИЛ? Как представляется, она очень значительна [см.: Пинюгина, 2008]. Исследование по интеграции британских мусульман, выполненное в 2017 г. общественной организацией «Граждане Соединенного Королевства», называет постановку перед британскими имамами строгих условий (знание языка, наличие британского образования, уважение светских законов страны и запрет на деятельность тех, кто им не соответствует) критически важной для удержания общества от раскола, а мусульман – от радикализации [The missing Muslims... 2017].

Во Франции также обращают внимание на безотлагательный характер реформы организации мусульманской религиозной жизни. Так, президент Э. Макрон в начале 2018 г. заявил о совещаниях с мусульманскими имамами, активистами и учеными в целях поддержки «французского ислама», деятели которого будут исходить из приоритета светских законов Республики.

Кто и как представляет верующих мусульман

Признавая особенности ислама как религии, интегральной частью которой является регулирование жизни верующих в социаль-

но-политической, экономической и юридической сферах, власти европейских стран предпринимали попытки организовать каналы мусульманского непартийного представительства для контроля за различными аспектами институционализации ислама. Эти меры можно назвать беспрецедентными: другим иммигрантам и конфессиональным меньшинствам ничего подобного не предлагалось. В ФРГ уникальным решением стало создание специального регулярного форума, Немецкой исламской конференции, для диалога представителей мусульманских организаций с федеральными министрами. Практически все правительства принимающих стран инициировали создание общенациональных мусульманских организаций, выразив готовность сотрудничать с любым представительным органом за неимением в исламе аналога церковной иерархии. Эти организации стали не членскими, а зонтичными, объединяющими множество общин и организаций.

Однако эти условно общенациональные организации не являются полностью самостоятельными, выражая интересы различных зарубежных акторов. Например, Мусульманский совет Швеции поддерживается ближневосточной политической организацией «Братья-мусульмане», в Нидерландах две из четырех национальных зонтичных ассоциаций контролируются странами происхождения иммигрантов – Турцией и Марокко и т.д. Также участников этих зонтичных союзов разделяют многочисленные противоречия. Это могут быть конфликт интересов (ФРГ), разногласия на этнической почве (Бельгия, Австрия) и даже конкуренция в бизнесе (Франция).

Сформированные преимущественно в 1990-е или 2000-е годы общенациональные мусульманские структуры не справились с задачей организации религиозной жизни мусульман своих стран в интересах всего общества. Более того, они не могут считаться легитимными представителями интересов местных мусульман (в совокупности членами общин и союзов, входящих в такие организации, являются обычно не более 10–15% мусульман той или иной европейской страны). В руководстве этих организаций есть персоны, дискредитировавшие себя перед властью радикальными взглядами и связями с экстремистскими организациями (например, один из лидеров Мусульманского совета Британии Тахир Аллам, замешанный в исламизации государственных школ Бирмингема; основатель Центрального исламского совета Швейцарии Н. Абдулла Бланшо, поддерживающий «Аль-Каиду» и ИГИЛ).

В 2018 г. Э. Макрон заявил, что французским властям придется инициировать реформу представительства и организации религиозной жизни мусульман. Проект, подготовленный политологом Хакимом эль-Каруи, является второй – после австрийской – моделью преодоления дисбалансов, образующихся при существующих формах институционализации ислама.

Главная цель реформы – создание не «организации организаций», а Мусульманской ассоциации французского ислама (МАФИ) как членской ассоциации для мусульман, не ориентирующихся на экстремистские политические движения. Вторая задача – установление прозрачности в области финансовых потоков, циркулирующих в мусульманских учреждениях. Для создания финансовой независимости организации от внешних спонсоров предлагается закрепить за МАФИ право сертифицировать производителей халяльной продукции и установить на нее налог. МАФИ готовит республиканский политический устав, требующий от членов полного принятия свободы веры, права смены религии и атеизма, уважения к светскому обществу и равенству мужчин и женщин, и в свою очередь обещает защиту мусульман во французской гражданской системе.

Этот проект напоминает введение в Российской империи духовных управлений мусульман для удобства государственного администрирования и, несмотря на некоторые полезные идеи, может вызвать протесты, потому что означает вмешательство немусульманского государства в дела религиозного сообщества. Во Франции это считают неприемлемым не только многие мусульмане – по религиозным соображениям, но и другие граждане – в силу принципа лаицизма, понимаемого как строгое разделение церкви и государства, которому Французская Республика в силу соответствующего законодательства следует уже более ста лет.

Заключение

Правовые системы принимающих государств позволяют урегулировать такие вопросы как строительство мечетей, организация молитвенных собраний и ассоциаций, духовное окормление военнослужащих, пациентов больниц и заключенных, удовлетворить значительные потребности в сфере религиозного образова-

ния. Мусульманские религиозные объединения в Европе пользуются широкими правами.

Институционализация ислама и связанных с ним практик стала противодействием радикализации мусульман. Для подавляющего большинства умеренных мусульман и даже для тех, кто частично разделяет идеи фундаменталистов, она выступает доказательством того, что ислам на европейской земле принят, религиозные потребности мусульман свободно реализуются, а свобода убеждений позволяет придерживаться любых взглядов на политику властей.

Однако вовлеченные в институционализацию ислама акторы часто не готовы отказаться от стереотипов, обусловленных культурными формами религиозной жизни стран «исхода», а также от восприятия взаимоотношений ислама и Запада исключительно как противостояния и реванша.

Более важной для части мусульман становится не вера как таковая, а отстаивание своей религиозной идентичности, которая формируется под влиянием авторитетных лиц, особенно имамов и богословов. Последние могут следовать теологическим платформам или политическим программам, не предполагающим адаптации к инокультурному окружению, и / или быть служащими других государств и проводить в жизнь их интересы. В этих случаях наблюдается перенос акцента с установки сотрудничества (между мусульманами и принимающими обществами) на обсуждение его условий.

Инициативы европейских государств по созданию «национальных кадров духовенства» являются естественной защитной реакцией, но заведомо нарушают принцип кооптации имама из среды верующих на основе их представления о «профессиональном соответствии». Одновременно они подспудно предписывают духовному лицу читать проповедь в «прогосударственном» ключе, что нарушает принцип свободы совести и неприемлемо для многих фундаменталистски ориентированных верующих.

В этом контексте более перспективной представляется нидерландская стратегия, о которой шла речь выше. Очевидно, следует направить усилия и на финансирование новых, европейских мусульманских духовных училищ и университетов, требования к финансированию и персоналу которых могут включать ограничения, соответствующие интересам национальной безопасности.

Все более актуальным является вопрос о легитимном институте, способном нести ответственность за организацию религиоз-

ной жизни мусульман в масштабах каждой принимающей страны. Имеющиеся мусульманские организации по существу выполняют функцию представительства учредителей общин и сообществ, а не рядовых верующих. Инициатива перевода мусульманского представительства в формат ассоциаций с персональным членством может оказаться эффективной при должной популяризации среди умеренных мусульман.

Фокус автора на вопросе институционализации ислама оставил за рамками статьи проблему неприятия мусульман как расово, этнически, культурно, а порой и лингвистически чуждых «пришельцев» значительной частью членов принимающих обществ. Неготовность обществ пойти навстречу мусульманам в вопросе уважения религиозных чувств ценой ограничения свободы слова воспринимается последними как избирательная враждебность, стимулирующая дискриминацию. Очевидно, здесь требуется разграничение понятий критики практик или поступков мусульман и кощунства над их святынями и символами, и целесообразны превентивные меры государства по недопущению последнего. Такие возможности у государства на самом деле есть – это старые европейские законы о «богохульстве», принятые в защиту христианской религии, которые во многих христианских странах не отменяли – их просто давно не применяли массово, но прецеденты еще в XX в. были. Также при комплексном изучении проблемы нельзя не учитывать, что после каждого теракта с участием мусульман возникает новый виток исламофобии, нивелирующей ценность состоявшейся институционализации ислама в принимающих странах.

Список литературы

- Дурам К. Свобода религии или убеждений: Законы, влияющие на структуризацию религиозных общин. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru/publisher,OSCE,LEGALPOLICY,,52736bcc4,0.html> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Матюхин В.В. «Постсекулярная» Турция // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 2. – С. 126–141.
- Пинюгина Е. Исламизация Великобритании: Социально-политические последствия // Перспективы. – 2014. – 24 сентября. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/islamizacija_velikobritanii_socialno-politicheskiye_posledstvija_2014-09-29.htm (Дата посещения: 24.06.2018.)

- Пинюгина Е.В. Великобритания и ФРГ: Правительственные стратегии интеграции мусульман // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2008. – № 1. – С. 178–194.
- Bergman J. Sweden in free fall // Gatestone.org. – 2018. – May, 16. – Mode of access: <https://www.gatestoneinstitute.org/12295/sweden-free-fall> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Dearden L. UK home to up to 25,000 Islamist extremists who could pose threat, EU official warns // Independent.co.uk. – 2017. – September, 15. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/islamist-extremists-uk-highest-number-europe-25000-terror-threat-eu-official-isis-islam-britain-a7923966.html> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Fueller C. So wird das nichts mit der Integration // Spiegel.de. – 2015. – October, 12. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/kommentar-zu-fluechtlingskindern-an-schulen-integration-bleibt-erfolglos-a-1057044.html> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Ich bitte nur Allah um Gerechtigkeit»: Bieler Imam sieht sich nicht als Hassprediger // Solothurnerzeitung.ch. – 2017. – September, 1. – Mode of access: <https://www.solothurnerzeitung.ch/schweiz/ich-bitte-nur-allah-um-gerechtigkeit-bieler-imam-sieht-sich-nicht-als-hassprediger-131668788> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Iken M. Eine unbequeme Wahrheit über Integration an Berlins Schulen // Morgenpost.de. – 2018. – April, 12. – Mode of access: <https://www.morgenpost.de/berlin/article213999193/Eine-unbequeme-Wahrheit-ueber-Integration-an-Berlins-Schulen.html> (Дата посещения: 8.06.2018.)
- Jansen F. «Die Salafisten-Szene wird weiblicher» // Tagesspiegel.de. – 2017. – 19.12. – Mode of access: <https://www.tagesspiegel.de/themen/reportage/jahrestag-des-breitscheidplatz-anschlags-die-salafisten-szene-wird-weiblicher/20739536.html> (Дата посещения: 25.07.2018.)
- Koopmans R. Religious fundamentalism and hostility against out-groups: A comparison of Muslims and Christians in Western Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2015. – Vol. 41, N 1. – P. 33–57. – Mode of access: <http://www.npdata.be/BuG/255-Fundamentalisme/Article-Koopman.pdf> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Kotte A. «Ihr dürft Schüler auch mal aufgeben»: Ex-Lehrerin zeigt Grenzen des Berufes auf // Focus.de. – 2018. – July, 21. – Mode of access: www.focus.de/familie/schule/lehrer-ueber-dem-limit-genannt-ist-das-limit-ueberschritten-lehrer-ueber-dem-limit-genannt-ist-das-limit-ueberschritten_id_8691146.html (Дата посещения: 7.07.2018.)
- Lehrer stehen mit muslimischen Jungen vor besonderer Herausforderung // Focus.de. – 2018. – February, 20. – Mode of access: https://www.focus.de/familie/schule/nrw-lehrer-stehen-mit-muslimischen-jungen-vor-besonderer-herausforderung_id_8496582.html (Дата посещения: 21.06.2018.)
- MacEoin D. Sharia law or 'One law for all'? / Ed. by D.G. Green. – L.: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2009. – Mode of access: www.civitas.org.uk/pdf/ShariaLawOrOneLawForAll.pdf (Дата посещения: 26.06.2018.)
- The missing Muslims: Unlocking British Muslims potential for the benefit of all. Report by the Citizens commission on Islam, participation and public life / Citizens UK. – L., 2017. – 75 p. – Mode of access: https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/newcitizens/pages/1261/attachments/original/1499106471/Missing_Muslims_Report_-_Electronic_copy.pdf?1499106471 (Дата посещения: 10.07.2018.)

- Moench R.* Das Gift der muslimischen Intoleranz. – 2010. – October, 4. – Mode of access: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/integration/schule-und-integration-das-gift-der-muslimischen-intoleranz-1594843.html> (Дата посещения: 30.06.2018.)
- Mellan salafism och salafistisk jihadism / M. Ranstorp, F. Ahlin, P. Hyllengren, M. Normark; Centrum för Asymmetriska Hot – och Terrorismstudier (CATS), vid Försvarshögskolan. – 2018. – June, 28. – Mode of access: <https://www.fhs.se/download/18.7df9907163ed7475b4abe94/1530198487005/Mellan%20salafism%20och%20salafistisk%20jihadism.pdf> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Religion, famille, société: qui sont vraiment les musulmans de France / LEJDD.fr. – 2016. – September, 18. – Mode of access: <https://www.lejdd.fr/Societe/Religion/Religion-famille-societe-qui-sont-vraiment-les-musulmans-de-France-810217> (Дата посещения: 19.07.2018.)
- Restrictions on Muslim women's dress in the 28 EU member states: Current law, recent legal developments, and the state of play / Open Society Foundations. – 2018. – 104 p. – Mode of access: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:wYBJMP_ptHUJ:https://www.opensocietyfoundations.org/reports/restrictions-muslim-women-s-dress-28-eu-member-states&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsr=0 (Дата посещения: 16.06.2018.)
- Schmidt-Wyk F.* Wenn Lehrer überfordert sind – Pädagogin will klare Regeln für Integration. – 2018. – 27.04. – Mode of access: http://www.allgemeine-zeitung.de/lokales/rhein-main/schule-migrantenkinder-paedagogik-frankfurt-lehrerin-regeln_18710183.htm (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Shock poll: Four in ten British Muslims want some aspect of Sharia Law enforced in UK // Express.co.uk. – 2016. – December, 2. – Mode of access: <https://www.express.co.uk/news/uk/738852/British-Muslims-Sharia-Law-enforced-UK-Islam-poll> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Spoormakers S.* Radicalisering bij kleuters ze noemen klasgenootjes varkens en bedreigen hen met vinger over de keel // Het Laatste Nieuws. – 2017. – August, 21. – Mode of access: <https://www.hln.be/nieuws/binnenland/onderwijs/radicalisering-bij-kleuters-ze-noemen-klasgenootjes-varkens-en-bedreigen-hen-met-vinger-over-de-keel~a5cde429/> (Дата посещения: 1.08.2018.)
- Wiegel M.* In Frankreich hat sich die Zahl radikalisierter Islamisten verdoppelt // FAZ.net. – 2016. – February, 3. – Mode of access: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/zahl-radikalisierter-islamisten-in-frankreich-verdoppelt-14049772.html> (Дата посещения: 1.08.2018.)

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.С. КОЗИНЦЕВ*

БОРЬБА ЗА ГОСУДАРСТВО: СИРИЙСКИЙ КРИЗИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье сирийский кризис рассматривается как результат нарушения каналов коммуникации между центром и периферией. Полагая, что настоящий кризис отражает трудности территориально-политического формирования САР, автор анализирует стратегии государственного строительства, которые привели к делегитимации центра и вспышке насилия. Выявлено, что замещение роли центра механизмом многоуровневого посредничества является оптимальной моделью урегулирования, способствующей консолидации сегментированной территории.

Ключевые слова: Сирия; государственное строительство; центр-периферийные отношения; урегулирование конфликта; посредничество.

Для цитирования: Козинцев А.С. Борьба за государство: Сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 223–240. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

* **Козинцев Александр Сергеевич**, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

Kozintsev Alexander, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

© Козинцев А.С., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

A.S. Kozintsev

**A fight for the state: Syrian crisis through
the lens of center-periphery relations**

Abstract. The article sees the Syrian intrastate crisis as a result of a breakdown in communication between center and periphery. On the assumption that the current crisis reflects the difficulties of territorial and political formation of SAR, the author analyses the strategies of state-building that led to the delegitimization of the center and an outbreak of violence. It is stated that a mechanism of multilayered mediation which replaces the center is an optimal model of reconciliation, which facilitates consolidation of fragmented territory.

Keywords: Syria; state building; center-periphery relations; conflict mediation; conflict resolution.

For citation: Kozintsev A.S. A fight for the state: Syrian crisis through the lens of center-periphery relations // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 223–240. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

Сирийский кризис, выдвинутый на передний план «арабской весной», анализируется в научной литературе много и в разных ракурсах. Среди них траектория и внутренняя динамика кризиса [The Syrian uprising... 2018]; особенности политического режима Б. Асада [Ходынская-Голенищева, Сапронова, 2018], религиозно-конфессиональная ситуация в стране [Сарабьев, 2017], состав и цели сирийской оппозиции [Васецова, 2016; Ходынская-Голенищева, 2015], терроризм и борьба с ним [Дейч, 2017; Демченко, 2015], политика России в Сирии [Васильев, 2017; Вахшитех, 2018; Korybko, Hadda, 2017], вовлеченность региональных и внерегиональных держав [Кузнецов, 2014; Фененко, 2014; Шумилин, 2017].

Многие аспекты сирийского кризиса потребовали его рассмотрения в контексте общеарабской проблематики: это, например, трудности идентификационного выбора и конструирования национальной идентичности [Наумкин, 2014], факторы арабских революций и их последствия [Гринин, Исаев, Коротаев, 2016], арабская модернизация и политические институты [Кудряшова, 2015], политика региональных держав в зонах нестабильности [Малышева, 2016], новая специфика конфликтов на Ближнем Востоке [Звягельская, 2017; Конфликты и войны XXI века...].

В фокусе настоящей статьи – анализ сирийского кризиса как сбой в процессе строительства современного государства, для которого характерно наличие двух пространств: территориального и

национально-гражданского. Общая рамка исследования определена теорией центр-периферийной полярности, разработанной С. Рокканом и его последователями. Для Роккана центр-периферийные структуры выступают важной особенностью территориальной организации политических систем, раскрывающейся в процессах территориальной экспансии, политической централизации и концентрации населения.

В этой логике процесс государственного строительства имеет два аспекта: это *локализация власти* на территории с помощью стандартизации социальных норм и *организация каналов коммуникации* между центром и периферией [Rokkan, 1975]. Как показывает Роккан на историческом опыте Европы, в ходе процесса локализации формируется центр, устанавливается баланс отношений между землевладельцами, городским населением и военно-бюрократическими институтами, а также вырабатывается система сигналов, которая демаркирует территорию и определяет правила проходящих на ней транзакций. Этот этап обычно носит конфликтный характер. Если военная элита принудительно распространяет нормы, то городское население и землевладельцы предпочитают создавать механизмы разрешения споров и защиты прав собственности. Таким образом, конфигурация власти зависит от преобладающего компонента: принуждения, политической кооптации, экономического перераспределения, создания единых культурных норм.

В свою очередь, создание каналов центр-периферийной коммуникации связывает географическое пространство с пространством принадлежности (национально-гражданским) [Rokkan, 1987, p. 17–50] при помощи организации транспортной системы, размещения населения, экономической стратификации и реакции на внешние угрозы.

Сирийская Арабская Республика (САР) не является исключением из длинного списка государств, не сумевших завершить свое территориально-политическое формирование. Развитые городские центры Леванта¹, конкурирующие за капитал в зоне Средиземноморья, затрудняли создание единого государства, а транспортная система, сохранившаяся со времен Великого шелкового

¹ Левант – общее название стран восточной части Средиземноморья (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др.), в узком смысле – Сирии, Палестины и Ливана. В статье термин используется в узком смысле.

пути, формировала вокруг городов неоднородные периферии и способствовала углублению социально-политических размежеваний. Зависимость городов от иностранного капитала также затрудняла государственное строительство. Так, в ходе Второй мировой войны и последующих региональных конфликтов власть не увеличивала значительно налоговое бремя граждан и полагалась на крупные мировые державы, что привело к своеобразной «ресурсной автономии» государств Леванта от населения. В тех полициях, где у центра не хватало ресурсов для интеграции периферии и формирования пространства принадлежности, стабильность поддерживалась на основе патрон-клиентских связей, неформального распределения полномочий и нередко политической маргинализации [Wimmer, Min, 2006]. До середины XX в. связующим звеном территорий были племена.

В 2011 г. в Сирии вспыхнул ожесточенный военно-политический конфликт. Судя по его течению, можно предположить, что он выявил латентные противоречия, которые стали значимыми на образовавшейся критической развилке, предполагающей возможность принятия альтернативных решений [см.: Патцельт, 2013]. Что это за противоречия? Что спровоцировало их обострение? Каковы перспективы разрешения сирийского кризиса? Чтобы найти ответ на этот вопрос, мы выделим и проанализируем этапы государственного и национального строительства в стране сквозь призму попыток центра выстроить коммуникацию с периферией.

Стратегии территориально-политической консолидации Сирии до прихода к власти Башара Асада

Истоки процесса национального строительства на территории современной Сирии можно отнести ко второй половине XIX в. Османские власти выстраивали отношения преимущественно с арабами-суннитами, которые занимали ведущее положение среди других этноконфессиональных групп, составляя большинство населения. К 1920 г., когда империя прекратила свое существование, проявились две противоположные тенденции. С одной стороны, широкое распространение приобрела идея «Великой Сирии» как первого национального арабского государства. С другой стороны, соглашение Сайкса – Пико, разработанное зимой 1916 г. и поде-

лившее владения Порты между Великобританией и Францией, перечеркнуло все попытки создания единого государства [Александров, 1934]. Сирия, оказавшись под властью французов, была разделена на пять фактически независимых частей (Джабель Друз, Алеппо, Латакия, Дамаск и Александретта). Осознавая опасность объединения населения на основе арабского национализма, французы намеренно проводили политику поддержки этнических и религиозных меньшинств, в том числе закрепляя за ними должности в государственном аппарате [Hinnebusch, 2014]. Таким образом, контроль над территорией был организован по этноконфессиональному принципу, а племена занимали практически всю территорию административных областей Дамаска и Латакии и свободно кочевали в течение года.

Власти использовали две стратегии взаимодействия с региональными элитами: силовое усмирение особенно вольнолюбивых и покупку лояльности путем установления неформальных связей. Формальным выражением 20-летней политики «уступок и подчинения» стал изданный 4 июня 1940 г. указ № 132/LR [Hourani, 1946], который кодифицировал все декреты, касающиеся земельных вопросов, и установил взаимные обязательства населения периферии и правительства. Важным стало закрепление за отдельными феодалами права собственности, что способствовало формированию лояльной элиты.

В 1943 г. Сирия была провозглашена независимым государством. Последовавший за этим период характеризовался ростом националистических настроений и политической нестабильностью. Новые сирийские власти отошли от османской и французской концепции отношений с сегментами в парадигме «государства в государстве». Вплоть до 1958 г. сирийское правительство проводило региональную политику «принуждения», стремясь разрушить систему межклановых связей и заменить ее системой государственных институтов. В социально-экономической сфере произошла трансформация подходов к собственности на землю и к стратегии ведения хозяйства. Введение в оборот новых орудий производства превращало сельский труд в эффективную форму деятельности, что, в свою очередь, приводило к росту оседлых групп населения. Кочевникам пришлось сместить маршруты перегона скота ближе к крупным или средним городским агломерациям. К 1963 г. барьер между урбанизированной и сельской частью страны стал проницаем

не только из-за развития инфраструктуры, но и из-за проникновения в Бадию (восток и юго-восток) и Джазиру (северо-восток) отделений Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Последним проектом государственного и национального строительства в Сирии (1979–2000) стало создание неопатримониальной системы, в основе которой лежала личная преданность тогдашнему лидеру страны – Хафезу Асаду. Стремясь преодолеть конфликт между центром и периферией, он достиг компромисса между алавитским военным командованием, суннитской экономической элитой и племенами. В конечном итоге эта система стала основываться на предоставлении суннитам защиты от посягательств на их предприятия и на гарантиях сохранения монополий в отдельных секторах экономики [Hinnebusch, 1989, p. 165–167]. Взамен суннитская буржуазия обеспечивала военных внеэкономической рентой, а племена, которые естественным образом располагались на обширных территориях юго- и северо-восточной части Сирии, поддерживали порядок, охраняли границы и сдерживали влияние курдов.

Кризис центр-периферийных связей в 2000–2011 гг.

Рассматриваемый в этом разделе период приходится на правление сына Х. Асада – Башара, который после смерти отца попал в сложное положение [см.: Юрченко, 2004]. С одной стороны, на него оказывали давление «старожилы» – военные, давние соратники отца, которые придерживались в основном консервативного курса. С другой – ожидания общественности, надежды на реформы в сфере экономики и модернизацию производства.

Вступив в должность, Б. Асад продолжил обновление «ближнего круга» государственного аппарата. Так, за два года около 50% политических и военных руководителей разного уровня были отправлены в отставку [Hinnebusch, 2012]. Это было принципиально важно для нового президента, так как он, совершив невероятный карьерный скачок, практически не имел верных союзников. В первые годы казалось, что он стремится перенести центр управления от военных к гражданским институтам, однако «обновление» так и не было доведено до конца: армия осталась одним из главных политических акторов в стране.

В 2003 г. были проведены выборы в парламент, состав которого обновился приблизительно на три четверти. Было расширено представительство традиционно «племенных» регионов (Ракка, Суэйда и др.), отправлен в отставку начальник Генерального штаба Сирии, алавит и близкий друг семьи Асадов А. Аслан. Во многом это было связано со стремлением восстановить конфессиональный баланс. Однако, хотя государственный аппарат и «помолодел» в среднем на семь-восемь лет, многие из функционеров сохраняли лояльность своим бывшим начальникам эпохи Асада-старшего, оставшимся в окружении его сына.

После 2005 г. в связи с внешнеэкономическими шоками и падением доходов от экспорта углеводородов государство сократило большинство субсидий и региональных трансфертов. Попытка либерализации торговли и привлечения иностранных инвестиций положительно сказалась на городах, где сфера услуг была относительно развита, но отдаленные районы испытывали нехватку финансирования, необходимого для сохранения кормовой и сельскохозяйственной базы на прежнем уровне. В Сирии началась деградация сельского хозяйства, которую усугубляли аномально долгая засуха и эрозия почв. Из-за либерализации экономики рынки стали занимать монополии, практически всегда основанные на клановых связях. Они концентрировали капитал в крупных городских центрах. Разорение сельского населения инициировало активную скупку земли по заниженным ценам представителями монополий, особенно теми, кто работал в сфере строительства. Началась активная миграция жителей периферии, которые расселялись в пригородах или в наиболее бедных городских районах. В дальнейшем они сформируют наиболее активную базу протеста и пополнят отряды вооруженной оппозиции.

Вместе с ухудшением социально-экономических условий продолжилась начавшаяся еще при Х. Асаде замена популярных региональных лидеров правительственными чиновниками из центра, которые думали о собственном обогащении больше, чем об интересах развития территорий. Если в 2003 г. Сирия занимала 66-е место в Индексе восприятия коррупции, то в 2009 г. – уже 126-е¹. В результате политический контроль над территориями был ослаблен. Таким обра-

¹ Corruption Perceptions Index / Transparency International. – Mode of access: https://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2001/0 (Дата посещения: 06.05.2018.)

зом, попытка Б. Асада интегрировать периферию экономическими методами [Ахмедов, 2005] подорвала сложившийся за последние 40 лет баланс и привела к острейшему внутривластному конфликту, осложненному общей ситуацией в регионе.

Динамика конфликта после 2011 г.

Особенностью сирийского кризиса на начальных этапах его развития стала актуализация социально-статусных противоречий; позже к ним присоединились клановые и только затем этноконфессиональные разногласия. Первые протесты проходили под национальными лозунгами, да и сами оппозиционные силы, которые боролись против «диктаторского режима», старались привлечь на свою сторону как можно больше последователей из разных социальных групп. Немногим позже вакуум власти, образовавшийся в ряде регионов вследствие ослабления контроля центра, способствовал тому, что именно клановый фактор стал предопределять расклад сил на местах.

Начало открытой фазе сирийского кризиса было положено в провинции Дера, когда делегация племени пришла на встречу с руководителем местного отделения безопасности Атифом Наджибом с просьбой отпустить детей, помещенных в тюрьму за антиправительственные надписи на стенах местной школы. Руководствуясь обычаем, они сняли головные повязки и положили их на стол, подразумевая, что снова наденут их, когда вопрос будет решен (согласно традиции головная повязка – символ мужества и уважения). Наджиб же взял головные уборы со стола и бросил их в мусорное ведро. В ответ на это представители племен Зу'би и аль-Масалмех организовали в городе ряд демонстраций, которые стали предтечей многотысячной «пятницы племен», охватившей всю страну.

Динамика конфликта на северо-востоке (Джазира). С началом протестов Б. Асад предпринял ряд мер, направленных на замирение с преимущественно курдским населением региона [Аль-Асад ясдур марсум... 2011]. Предоставление сирийского гражданства, которого курды были лишены на протяжении нескольких поколений, и попытка наделить праздник Новруз статусом официального [Фусейфиса ат-танавуу... 2012] воспринима-

лись правительством как важный компромисс. Однако в 2011–2013 гг. конфликт на этой территории стал быстро интернационализироваться. Молодое поколение курдов получало поддержку от соотечественников из соседних Ирака и Турции. При помощи М. Барзани¹ началось активное формирование курдских сил национальной обороны в Сирии, аналога иракской *пешимерга* [Акрад сирийа... 2013].

События 2012 г. вкупе с недостатком материальных и людских ресурсов вынудили правительство эвакуировать большую часть подразделений Сирийской арабской армии с территории Джазиры, оставив под своим контролем только два больших города – аль-Хасека и аль-Камышлы. Образовавшийся вакуум власти стал быстро заполняться отрядами курдской партии «Демократический союз» (PYD), которая стала формировать собственные институты управления. К концу 2012 г. в регионе сложилось равновесие: центральное правительство продолжало контролировать крупные города, тогда как за курдами оставались сельские и пригородные территории.

Параллельно с этим курдские власти запустили процесс реорганизации территории. Они разделили регион на три кантона, в каждом из которых были образованы муниципалитеты, управляемые местным советом и подотчетные PYD. Новацией явилась организация коммун – низовых структур курдских общин, ответственных за предоставление базовых услуг населению и обеспечивающих связь с центральным аппаратом PYD.

К 2016 г. курдский административный аппарат стал перехватывать контроль над крупными городами и инфраструктурой региона. Например, в Камышлы жители создали три муниципалитета, которые обеспечивают безопасность и контролируют реализацию указов местных советов. При этом курдские вооруженные формирования поддерживают участие в самоуправлении и других меньшинств, в частности ассирийцев. Однако местные старейшины арабских племен не доверяют курдам, предпочитая взаимодействовать с Дамаском (либо с террористической организацией «Исламское государство» (ИГ) в период ее подъема).

Необходимо признать, что стратегия PYD принесла свои плоды. Территориальное деление северо-востока на три уровня

¹ Масуд Барзани – курдский и иракский политический деятель, в 2005–2017 гг. президент Иракского Курдистана (Курдского автономного района).

управления – кантоны, муниципалитеты и коммуны – помогает поддерживать обратную связь с населением и формирует новых представителей местной элиты, которые в перспективе могут выступить посредниками между населением и властными структурами. Одновременно курдская партия отодвигает на задний план представителей богатых землевладельческих семей и назначает главами муниципалитетов, больниц, учебных заведений специалистов из небольших городов (Катанийя / Румейлан), поощряя вертикальную мобильность. В связи с угрозой распространения ИГ курдские власти издали специальный указ [Исдар канун... 2014], обязывающий каждого молодого человека пройти шестимесячные курсы военной подготовки. Это не только способствовало защите территории, но и позволяло контролировать молодежь.

Динамика конфликта на востоке и юго-востоке (Бадия).

Этот регион обладает своей конфликтной спецификой, обусловленной добычей и транспортировкой углеводородов. Там расположены нефтяные месторождения, а также инфраструктура транспортировки иракской нефти и газа. Хотя в настоящее время нефтепровод, ведущий из Ирака, не функционирует, в случае возобновления его работы он станет ключевой транспортной артерией. Что касается местных племен, то они, не обращая особого внимания на проведенную в 1920 г. границу между Ираком и Сирией, исторически поддерживают друг с другом прочные культурные, этнические, семейные и экономические связи.

Копившиеся десятилетиями региональные дисбалансы и неудачные попытки авторитарной консолидации привели к тому, что в рассматриваемый период социальные процессы в стране определяются двумя факторами – фрагментацией социальных связей до уровня отдельных семей и подвижностью лояльностей, которая приводит к многочисленным вооруженным столкновениям на локальном уровне. Например, в провинции Дейр эз-Зор, чье население насчитывает порядка 2 млн человек с преимущественно племенной идентичностью, протесты против Б. Асада всего лишь через 10 месяцев сменились «войной всех против всех». Отсутствие центра, разрозненность, внутригрупповая солидарность на основе родства объясняют сложность создания какой бы то ни было политической структуры, которая взяла бы на себя функцию представления интересов населения Бадии.

Этот факт объясняет и ход вооруженного противостояния жителей Бадии с правительством. В 2012–2013 гг. захвату подверглись КПП, военные базы, посты полиции и дорожно-патрульных служб, которые располагались вдоль дорог, проходящих через «сирийскую степь». Также в регион проникли структуры ИГ, быстро нарастившие свое влияние за счет грамотной идейно-организационной работы. По принципу родства стали создаваться военизированные отряды, усложняя и без того мозаичную картину конфликта. Если еще в 2015 г. представлялось возможным анализировать динамику конфликта сквозь призму племенных связей, то в современных условиях, когда центральное правительство самоустранилось от посреднической роли, расколы пролегают внутри отдельных племен по оси «семья шейха – остальные претенденты на этот статус».

Политический курс на создание лояльных племенных элит, проводившийся в течение 40 лет, был комфортен для центра, однако привел к делегитимации шейхов среди местного населения. В результате на ранних этапах конфликта они не смогли выполнить свою основную задачу: быть посредниками в урегулировании противоречий, обеспечить возможность коммуникации между населением и правительством. Центр же сконцентрировался на собственном выживании, защищая наиболее урбанизированные территории, и предоставил население региона самому себе. В результате регион должен был сам обеспечивать безопасность, денежные поступления, оказание базовых услуг населению небольших городов. В таких условиях жителям ничего не оставалось, кроме как взяться за оружие и сотрудничать с террористическими группировками и региональными игроками. Так, клан Бушамель, входящий в состав племени Акейдат и формально подчиняющийся ему, на протяжении нескольких лет (до 2014 г.) продавал нефть ИГ, зарабатывая до 3 млн долл. в день [Gordts, 2014], что позволяло обеспечивать жизнедеятельность нескольких поселений и поддерживать отряды самообороны. Оппортунизм, захват нефтяных вышек и нефтепроводов стали настолько обычным явлением, что потребовалось сотрудничество террористических организаций ИГ и «Джабхат ан-Нусра» (ДАН) в создании шариатских судов, которые жестоко карали лидеров нелояльных вооруженных группировок. После раскола, произошедшего между этими организациями, обе использовали племенной фактор для мобилизации населения в своих целях. В целом сирийская периферия вернулась

к состоянию «государства в государстве», характерному для периода французского мандата.

Таким образом, при всем разнообразии рисунка протестов в качестве лейтмотива сирийского кризиса важно выделить две составляющие – фрагментацию и самоорганизацию групп. В этих процессах скрывается вызов не только перспективам урегулирования, но и возможности прекращения боевых действий.

Посредничество как основное направление сирийского урегулирования

Что позволяло купировать насилие и добиваться институционализации конфликта между центром и периферией до событий 2011 г.? Принципиальным в этом отношении представляется умение баасистского руководства и военного аппарата прислушиваться к поступающим от регионов сигналам и достигать компромисса с элитами вне зависимости от степени централизации власти.

Перелом произошел в конце правления Х. Асада, когда региональные элиты стали полностью формироваться центром. Местные лидеры оказались в ситуации «двойной лояльности» – и в этой ситуации выбрали подотчетность центру. Этот шаг запустил процесс делегитимации власти среди жителей периферии, который не прекращался вплоть до 2011 г. Столкнувшись с внутренними и внешними вызовами и растеряв свой авторитет, формальные руководители регионов не только не смогли транслировать разумные инициативы центра о деволюции полномочий, но не справились и с ролью коммуникаторов между населением и государством. Таким образом, *посредничество* (внешние гарантии и третья сторона, действующая имплементации компромиссов) и *распределение полномочий* (*de jure* в договоренностях) представляются единственной возможной стратегией урегулирования гражданской войны.

Принцип посредничества на международной арене. В ходе сирийского кризиса все региональные (Иран, Турция, КСА, Катар, Иордания, отчасти Ливан) и международные (Россия и США) игроки пришли к выводу, что без наличия политической опоры внутри страны любые договоренности останутся на бумаге. С этой целью каждый из обозначенных игроков стал заниматься «оформлением» оппозиции как внутри страны, так и за ее пределами.

По разным оценкам, в стране действует более 1000 вооруженных группировок, которые объединяются во фронты, коалиции и армии. Большинство из них постоянно меняют лояльности в зависимости от динамики на фронтах и материально-технической подпитки.

Большинство мероприятий по сирийскому урегулированию с участием России, Ирана и Турции в рамках «астанинского формата», т.е. прямых переговоров между противоборствующими сторонами, являются практическим воплощением принципа посредничества в условиях разрушения центр-периферийных связей. Деятельность стран – гарантов режима прекращения боевых действий (РПБД) по формированию лояльных группировок не уступает по своей значимости задаче завершения насилия и принуждения воюющих сторон к сложению оружия.

Интересно отметить, что Россия и Иран в этом вопросе придерживаются разных подходов. Москва консолидирует лояльные силы с помощью *центров по примирению сторон*, настаивая на том, чтобы Турция и Иран закрепляли замирения через центры Министерства обороны России. Российский тип посредничества, подкрепленный переговорами в Астане и членством в Совете Безопасности, сближает Москву с видением урегулирования командой специального представителя Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистуры. Иран опирается на конфессиональные и клановые связи, а также «особые» отношения с Дамаском. Это дает возможность объемного видения ситуации на местах, но подрывает инклюзивный характер урегулирования. Для Турции «курдский вопрос» остается основной угрозой, а сирийский регион Джазира – ключевым.

С приходом ближневосточной команды Д. Трампа, костяк которой составляют выходцы из военных структур, США увеличили свое присутствие в районах Джазире и координацию с курдскими отрядами. Реализация идеи *зон стабильности и перемирия*, с точки зрения американцев, будет способствовать закреплению политической и социально-экономической роли местных советов и поощрять самоуправление. Важным моментом является налаживание параллельной координации с Россией в рамках Международной группы посредников по Сирии (МГПС), созданной Советом Безопасности ООН и пока находящейся в подвешенном состоянии, и контактами по линии Россия – США – ООН. Ось КСА – Катар – Иордания хотя и оказывает значительное влияние на формирование

лояльной оппозиции, ограничена в выборе средств материальным стимулированием, информационно-пропагандистской работой и предоставлением тренировочных баз (Иордания) преимущественно в южных и юго-восточных районах Сирии.

Женевский¹ и астанинский форматы урегулирования зависят от динамики боевых действий. Участники обеих площадок пытаются не только сблизить позиции сторон, но и согласовать подходы различных игроков, так или иначе контролирующих расклад сил «на земле». Переговоры в Астане используются Москвой как эффективный инструмент включения в политический процесс группировок, не требующих немедленной отставки президента Б. Асада, а также как площадка проработки новых инициатив.

Внутрисирийскую динамику отражают так называемые *платформы*, которые представляют вооруженную и мирную оппозицию на международной арене. Наиболее крупные среди них – «Эр-Риядская платформа», представленная преимущественно Высшим комитетом по переговорам (ВКП), «Московская» и «Каирская» платформы. Команда С. де Мистуры перед женевскими конференциями по сирийскому урегулированию формировала единую делегацию от оппозиции, которая и выступает «общим фронтом» в ходе переговоров с правительством Б. Асада. Несмотря на то что посредником в переговорах выступает ООН, ход процесса контролируется как странами – гарантами РПБД, так и монархиями Персидского залива. Таким образом, ситуацию определяет группа медиаторов с разной степенью влияния.

В дальнейшем все игроки, очевидно, будут стремиться к деэскалации путем достижения договоренностей с отдельными группировками, самоуправляющимися территориями и местными советами. Учитывая сохраняющуюся сегментированность САР, неизбежным может оказаться районирование территорий² с закреплением границ ряда оппозиционных центру областей. Облегчение гуманитарной ситуации и предоставление первоочередных услуг населению должны стать отправной точкой урегулирования. Однако наиболее принципиальным будет, как представляется,

¹ Мирные конференции по Сирии в Женеве под эгидой ООН (2012, 2014, 2016).

² Начало этому процессу положила договоренность стран-гарантов о принципах деэскалации в Сирии, достигнутая в мае 2017 г.

присутствие сил стран-посредников, способных контролировать имплементацию соглашений.

Развитие ситуации в ряде районов САР отвечает авторскому видению ситуации в Сирии. Это, в частности, прекращение боевых действий в районах провинции Дамаск Куфрае и Забадани на основе соглашения между представителями Турции и Ирана при посредничестве ООН; случай Хамы, где Б. Асаду удалось сохранить контроль с помощью увеличения финансирования и опоры на влиятельные семьи; случай аль-Таля, где при посредничестве России договор между городом и центром был изменен в сторону расширения самоуправления.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что, несмотря на сменявшие друг друга политические проекты, методы консолидации сирийской территории не претерпевали существенных изменений: это поиск легитимных посредников от сегментов, достижение с ними неформальных договоренностей, имплементация договоренностей. Другими словами, отношения между центром и территориями всегда носили патрон-клиентский характер и строились на основе компромисса с региональными элитами [Batatu, 1999]. Протесты 2011 г. и последующая радикализация оппозиции явились следствием нарушения устоявшейся системы, и процесс торга, который всегда неявно присутствовал, приобрел характер открытого вооруженного противостояния. Причиной этого стала не только ошибочная стратегия Б. Асада на первом этапе протестов, но и кризис сети патрон-клиентских связей, выстроенных еще во второй половине XX в.

В этой логике внутренняя вооруженная оппозиция – это представители периферийных элит, с которыми правительство Б. Асада и все внешние игроки пытаются выработать новую модель взаимоотношений. Отсюда берут свое начало идеи локальных замирений, местных советов и автономии.

Очевидно, в условиях произошедшей делегитимации центральной власти потребуется двухуровневая система *посредников-гарантов*, которые вырабатывают положения перемирия и контролируют его исполнение. Первый уровень – внешние игроки, обес-

печивающие имплементацию соглашений между центральным правительством и регионами, второй – новый слой региональных элит, который восстановит разрушенные связи между центром и местным населением.

Список литературы

- Акрад сурийа: Сыраа дахилия ас-сыраа [Сирийские курды: борьба внутри борьбы] / International crisis group. – 2013. – Араб. яз. – Режим доступа: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/syrias-kurds-a-struggle-within-a-struggle-arabic.pdf> (Дата посещения: 23.03.2016.)
- Александров Б.А. Колониальные мандаты. Мировая колониальная система после 1919. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 179 с.
- Аль-Асад ясдур марсум ли таджнис акрад шимали шарки сурийа [Асад издал закон о натурализации курдов на северо-востоке Сирии] / BBC Arabic. – 2011. – 19 апреля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/arabic/multimedia/2011/04/110> (Дата посещения 3.07.2017.)
- Ахмедов В.М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. – М.: ИВ РАН, 2005. – 189 с.
- Васецова Е.С. Исламистские группировки в сирийском конфликте // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2016. – № 4. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27811175> (Дата посещения: 15.06.2018.)
- Васильев А.М. Сирия: Аргумент военно-космических сил // Азия и Африка сегодня. – М., 2017. – № 9. – С. 2–11; № 10. – С. 2–10.
- Вахитов А.Н. Политика России на Ближнем Востоке в контексте кризиса в России: Вызовы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2018. – Т. 20, № 1. – С. 36–42.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2016. – 384 с.
- Дейч Т.Л. Сирийский кризис и борьба с терроризмом: Международный аспект // Конфликтология / nota bene. – М., 2017. – № 2. – С. 8–24. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/knt/article_23704.html (Дата посещения: 20.06.2018.)
- Демченко А.В. Конфликт в Сирии: Стагнация миротворчества и экспансия исламистов // Перспективы. [Электронный журнал]. – 2015. – № 4. – С. 79–99. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/konflikt_v_sirii_stagnacija_mirotvorchestva_i_ekspansija_islamistov_2015-11-02.htm (Дата посещения: 12.06.2018.)
- Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем Востоке: Тенденции и игроки // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – 2017. – № 3. – С. 16–24.
- Исдар канун таджнид аль-иджбарий фи манатык аль-идара аз-затийа [Издание Закона об обязательной воинской повинности на территориях самоуправления]. – 2014. – 14 октября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://bit.ly/2n1PYP0> (Дата посещения: 7.05.2018.)

- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 504 с.
- Кудряшова И.В. Кризисы политического развития: Арабское измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2015. – № 4. – С. 33–52.
- Кузнецов А.А. О роли Ирана в сирийском кризисе // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2014. – № 2. – С. 84–93.
- Малышева Д.Б. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – Т. 60, № 9. – С. 28–36.
- Наумкин В.В. Проблема цивилизационной индентификации и кризис наций-государств // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – М., 2014. – № 4. – С. 5–20.
- Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 2. – С. 50–70.
- Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы таковыми являлись // Религия и общество на Востоке. – М., 2017. – № 1. – С. 126–180.
- Фененко А.В. Междержавная конкуренция на Ближнем Востоке // Международные процессы. – М., 2014. – Т. 12, № 38. – С. 34–54.
- Фусейфиса ат-танавуу аль-муджтамаи масдар кувва саяскут аль-муамара [Мозаика социального разнообразия – основа силы против заговора] // Тишрин. – 2012. – 22 марта. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://archive.tishreen.news.sy/tishreen/public/read/254095> (Дата посещения: 17.06.2018.)
- Ходынская-Голенничева М.С. Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. – М., 2015. – № 6. – С. 13–20.
- Ходынская-Голенничева М.С., Сапронова М.А. Светские и этноконфессиональные аспекты политической системы Сирии до «арабской весны» (2000–2011 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск, 2018. – № 1. – С. 157–163.
- Шумилин А.И. Эволюция подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке // США и Канада: Экономика, политика, культура. – М., 2017. – № 1. – С. 32–53.
- Юрченко В.П. Сирия: Проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004). – М.: ИИИиБВ, 2004. – 246 с.
- Batai H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1999. – 413 p.
- Gordts E. This is how ISIS makes \$3 million a day // The Huffington Post. – 2014. – Mode of access: https://www.huffingtonpost.com/2014/09/22/isis-funding_n_5850286.html (Дата посещения 01.02.2018.)
- Hinnebusch R. Globalization, the highest stage of imperialism: Core-periphery dynamics in the Middle East // The Middle East and Globalization: Encounters and Horizons / Ed. by Stetter S. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 21–40.

- Hinnebusch R.* Peasant and bureaucracy in Ba'thist Syria: The political economy of rural development. – Boulder, CO: Westview Press, 1989. – 325 p.
- Hinnebusch R.* Syria, revolution from above. – L.: Routledge, 2014. – 175 p.
- Hourani A.H.* Syria and Lebanon: A political essay. – L.: Oxford univ. press, 1946. – 402 p.
- Korybko A., Hadda H.* The revolution in Russia's Mideast strategy // Сравнительная политика. – М., 2017. – Т. 8, № 3. – С. 38–44.
- Rokkan S.* Dimensions of state formation and nation-building. A possible paradigm for research on variations within Europe // The formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1975. – P. 562–600.
- Rokkan S.* The center-periphery polarity. Center-periphery structures in Europe: An ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verl., 1987. – P. 17–50.
- The Syrian uprising: Domestic origins and early trajectory / R. Hinnebusch, O. Imady (eds). – N.Y.: Routledge, 2018. – 344 p.
- Wimmer A., Min B.* From empire to nation-state: Explaining wars in the modern world, 1816–2001 // American sociological review. – 2006. – Vol. 71, N 6. – P. 867–897.

Е.А. ЗАХАРОВА *

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу современного терроризма во Франции, его причинам и последствиям. В частности, показано образование раскола между иммигрантами-мусульманами и коренными жителями, обозначены причины укрепления исламского компонента идентичности французских мусульман. Представлена хронология терактов 2012–2017 гг., выявлены их основные черты. Отмечено, что в большинстве случаев их совершали террористы-одиночки, представители второго-третьего поколения иммигрантов-мусульман, которые были связаны с джихадистскими группировками или находились под влиянием джихадистских идей. На основе статистических данных продемонстрировано, что избиратели департаментов, где имеется большое количество иммигрантов-мусульман и распространены радикальные исламистские воззрения, в первом туре президентских выборов поддерживали правопопулистский «Национальный фронт». Сделан вывод, что раскол во французском обществе и конфликты на Ближнем Востоке ведут к трагическим последствиям.

Ключевые слова: терроризм; интеграция иммигрантов-мусульман; правый популизм; исламофобия; президентские выборы во Франции 2017.

Для цитирования: Захарова Е.А. Современный терроризм в зеркале французской политики // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 241–257. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

* **Захарова Евгения Александровна**, аспирант кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, e-mail: eva5094@mail.ru

Zakharova Evgenia, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: eva5094@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 16-03-00872 «Политические режимы разделенных обществ в условиях глобализации».

E.A. Zakharova
Modern terrorism through the prism of French politics

Abstract. The article focuses on the analysis of terrorism in France, its roots and consequences. In particular, it demonstrates how a cleavage between Muslim immigrants and native French people appeared and outlines the reasons why the Islamic component of French Muslims' identities strengthened. It also chronicles the 2012–2017 terrorist acts and outlines their main traits. The author stresses that in most cases the acts were performed by single perpetrators – representatives of 2nd or 3rd generation of Muslim immigrants, connected with Jihadi groups or influenced by Jihadi ideas. Statistical analysis shows that Departments where many Muslim immigrants live and radical Islamist ideas are popular supported the right-wing populist National Front party in the first round of presidential elections. The author concludes that the mentioned cleavage and conflict-full reality of the Middle East lead to tragic consequences.

Keywords: terrorism; integration of Muslims; right-wing populism; Islamophobia; 2017 French presidential elections.

For citation: Zakharova E.A. Modern terrorism through the prism of French politics // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 241–257. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

В последние годы во французской политике обострилась проблема иммигрантов-мусульман, доля которых в 2015 г. увеличилась до 9,34% населения страны¹ [Tribalat, 2017]. Индикаторами этой проблемы стали, с одной стороны, волна терроризма 2012–2017 гг., а с другой – рост исламофобии.

В связи с этим встает вопрос о природе нового французского терроризма. Почему в стране, известной своей приверженностью республиканским, демократическим и светским ценностям, у граждан-мусульман стали усиливаться исламский компонент идентичности и чувство причастности к внешнему исламскому миру? Почему отчетливо обозначился раскол между иммигрантами-мусульманами и коренными жителями? Как он повлиял на политические позиции «Национального фронта»², призывающего бо-

¹ Для сравнения: по состоянию на 2007 г. мигранты составляли 8,35% населения Франции, на 2012 г. – 8,84% [Tribalat, 2017]; в 2016 г. французское Управление по защите беженцев и лиц без гражданства (OFPRA) получило на 6,5% больше ходатайств о предоставлении убежища по сравнению с 2015 г. [Immigration: les premiers chiffres... 2017].

² С 1 июня 2018 г. – «Национальное объединение».

роться с иммиграцией мусульман как основной угрозой безопасности?

Ислам как маркер идентичности иммигрантов-мусульман

В 1960–1970-х годах при классификации жителей-иммигрантов бюрократией европейских стран этнонациональные категории преобладали над конфессиональными. То же самое можно сказать и о самосознании мигрантов. Но с конца 1980-х категория «мусульмане» начинает использоваться и в идентификации определенных групп иммигрантов, и в их самоидентификации. По мнению В. Малахова, в начале XXI в. эта тенденция усилилась благодаря новому геополитическому контексту [Малахов, 2014].

Франция в качестве интеграционной стратегии применяет ассимиляцию, при которой иммигранты рассматриваются как лица, заключившие контракт с государством и обязавшиеся принять традиции и обычаи принимающей страны. В сущности, принимающее общество видит в чужеродной культуре угрозу своему выживанию [Веретевская, 2012]. На сегодняшний день многие коренные европейцы не воспринимают мусульман как равных [Wike, Stokes, Simmons, 2016].

При ассимиляции интеграция имеет принудительный характер, что вызывает ответную негативную реакцию иммигрантов-мусульман: они прибегают к стратегии закрытия, или избегания (*flight*), и борьбы (*fight*) для сохранения своей культуры и обычаев¹. Обращение иммигрантов-мусульман к исламу обусловлено необходимостью самоопределения в западном обществе и поиском защиты от недружественных действий [Кудряшова, 2017, с. 358]. В условиях конфликтности в культурно гетерогенном сообществе они используют ислам для артикуляции групповых интересов и идентичности, проводя разграничение по линии мусульмане – немусульмане [Кудряшова, 2003, с. 90].

Сложности интеграции проявляются и в росте исламофобии. Исламофобия подразумевает конструирование некоей статичной и вызывающей негативные коннотации «мусульманской идентично-

¹ По классификации моделей поведения в межэтническом взаимодействии в условиях адаптации К. Додда [Dodd, 1998].

сти», априори присущей всем мусульманам. Она охватывает не только бедных рабочих или средние слои, которые могут быть дезинформированы относительно мусульман и ислама, но и образованные элиты. Там, где мусульмане проживают компактно, исламофобия иногда проявляется в открытых конфликтах между ними и местным населением [Рязанцев, 2010, с. 145–146]. Как отмечают Э. Байракли и Ф. Хафиз, «физические расправы и наложение политических ограничений приветствуются европейцами, право на такие меры активно отстаивается в условиях атмосферы недоверия и вражды» [Bayraktli, Hafez, 2016, p. 7].

Особенности террористической активности во Франции (2012–2017)

С 11 марта 2012 г. по 1 октября 2017 г. во Франции произошло 13 терактов (не считая предотвращенных), которые также можно рассматривать как сигнал о сбоях в интеграционном процессе. Первые два теракта совершил Мухаммад Мера: 11 марта в Тулузе он убил троих военных, произнеся «ты убил моих братьев, я убью тебя» [Mohamed Merah a filmé... 2012], а 19 марта в Монтобане застрелил раввина и троих детей, учившихся в еврейской школе «Оцар-ха-Тора». На теракт его подвигло увиденное кровопролитие в Афганистане и Пакистане, а также количество жертв палестинцев в палестино-израильском конфликте [En direct... 2012]. У террориста, связанного с «Аль-Каидой», было двое сообщников: Феттах Малки и брат, Абделькадер Мера [Paolini, Mareschal de, 2017].

Спустя почти три года был совершен теракт, вызвавший широчайший общественных резонанс, – атака на редакцию сатирического журнала «Шарли Эбдо» (7 января 2015 г.), в связи с которой тогдашний президент страны Франсуа Олланд заявил, что террористы посягнули не столько на карикатуристов, сколько на основополагающую ценность демократического мира – свободу слова [Attack against Charlie Hebdo... 2015]. В результате теракта, совершенного французами алжирского происхождения братьями Саидом и Шерифом Куаши, погибли 17 человек. Ответственность за него взяли боевики «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове и ИГИЛ [Ibid, 2015]. Следующий теракт был совершен 9 января со-

общником братьев Куаши Амеди Кулибали, который родился в семье малийских эмигрантов. Террорист устроил нападение на кошерный магазин в Париже у Венсенских ворот и застрелил четырех человек, прежде чем был ликвидирован французским спецназом; накануне он убил полицейского в Монтруже. За это нападение ответственность взяло ИГИЛ [Lombard-Latune, 2016].

26 июня 2015 г. в Сен-Кентен-Фаллаве Ясин Салхи (за шесть лет до теракта он в течение года жил в Сирии) обезглавил своего начальника на химическом заводе компании *Air Products*, а затем спровоцировал взрыв газовых баллонов, после чего был арестован. Ответственность за это происшествие также взяло на себя ИГИЛ [Yassin Salhi... 2015].

Одна из самых кровопролитных в истории Франции террористических атак – это серия из семи терактов, совершенных семью террористами-смертниками (впервые на территории страны) 13 ноября 2015 г. В результате терактов в людных местах (стадион «Стад де Франс», кафе «Ла Белль Экип», концертный зал «Батаклан» и др.) погибли 129 человек [Le déroulé exact... 2015]. Вдохновителем и организатором серии терактов стал гражданин Бельгии марокканского происхождения Абдельхамид Абауд, действовавший в составе ИГИЛ в Сирии [Paris attacks... 2015].

В 2016 г. серия терактов началась 13 июня, когда Ларосси Аббалла «во имя ИГИЛ» убил двоих полицейских в департаменте Ивелин [Paolini, Mareschal de, 2017]. 14 июля последовал крупный теракт в Ницце: выходец из Туниса Мохамед Лауэж-Буллель на грузовике врезаясь в толпу людей, наблюдавших за салютом в честь Дня взятия Бастилии. Жертвами теракта стали 86 человек [Jacob, Morvan, 2016]. 26 июля двое террористов, Адель Кермиш и Абдель Малик Птитжан, зарезали католического священника Жака Амеля в церкви Сен-Этьен-дю-Рувре и взяли в заложники трех монахинь и несколько прихожан, после чего были ликвидированы полицейскими [Paolini, 2017].

20 апреля 2017 г. на Елисейских Полях был убит полицейский и еще двое получили ранения. Нападение совершил Карим Шёрфи, на теле которого была найдена записка со словами поддержки ИГИЛ. 6 июня студент-алжирец напал на троих полицейских у Нотр-Дам де Пари. Теракт был предотвращен, но один полицейский был ранен. Мотивом к нападению послужила «месть за сирийский народ» [Paolini, Mareschal de, 2017]. 19 июня на Ели-

сейских Полях связанный с ИГИЛ мужчина протаранил автомобилем полицейскую машину, после чего обе машины загорелись [Cornevin, 2017]. 1 октября в Марселе две девушки были убиты мужчиной, который кричал «Аллах акбар» [Ibid].

На основе анализа этой информации можно констатировать, что в основном теракты совершались террористами-одиночками (восемь из 13), и с 2015 г. все они связаны с ИГИЛ (10 из 10), причем некоторые были в Сирии (3 из 13). Большая часть террористов – иммигранты второго-третьего поколения (8 из 13), что также неслучайно: как отмечает И.В. Кудряшова, в условиях кризисных ситуаций отрыв от традиционной исламской среды способствует интересу к «чистому исламу» и к экстремистской деятельности [Кудряшова, 2017, с. 358]. В первую очередь речь идет о молодежи: возраст джихадистов от 16 до 31 года. Отчасти теракты совершались как своего рода акты поддержки сирийского населения (три из 13), против войн на Ближнем Востоке, спровоцированных странами Запада (один из 13), но были и такие террористы, которые видели смысл жизни в убийствах во славу ИГИЛ (четыре из 13) (см. таблицу в Приложении).

Одной из предпринятых французским правительством мер по обеспечению безопасности стал запуск операции «Часовой» (*Opération Sentinelle*) после терактов 7, 8 и 9 января 2015 г. [*Opération Sentinelle...*]. В ней задействованы армейские части. Кроме того, среди мер по предотвращению радикализации населения Сенатом был принят документ, в котором прописана 21 рекомендация для местных властей. В частности, местные власти должны брать под контроль людей, которые возвращаются из Сирии и Ирака и которые могут придерживаться джихадистских идей [Bockel, Carvounas, 2017]. Также в связи с высоким уровнем террористической угрозы в период с 14 ноября 2015 г. по 1 ноября 2017 г. во Франции действовало чрезвычайное положение [*Etat d'urgence...* 2017].

Волна террористической активности не могла не сказаться на отношении французов к иммигрантам. Так, летом 2015 г., когда СМИ опубликовали фото тела трехлетнего сирийского мальчика Айлана Курди, утонувшего вместе с матерью и братом при попытке семьи добраться до Греции, 49% населения выступили за необходимость приема мигрантов на территории Франции. Ситуация изменилась после трагических событий 13 ноября: уже только 38%

опрошенных выступили за дальнейший прием беженцев [Lauren, 2018]. Теракты, сдвиг общественного мнения в сторону негативного отношения к иммигрантам и введение чрезвычайного положения привели к росту популярности лидера «Национального фронта» Марин Ле Пен.

Фактор иммигрантов-мусульман и электоральные предпочтения граждан

Результаты национальных выборов отражают волнующие общество вопросы. В 2012 г. в первом туре президентских выборов Марин Ле Пен заняла третье место с результатом 18,5% голосов (что на 8,06% превышает показатель «Национального фронта» в 2007 г., когда его лидером был Жан-Мари Ле Пен) и начала набирать политический вес [Gabet, 2012]. В 2017 г. она вышла во второй тур (21,43%), уступив в первом только Эмманюэлю Макрону (23,86%) [Election présidentielle... 2017]. Макрон – независимый кандидат, придерживающийся центристских взглядов, был единственным из кандидатов, кто заявлял о вере в европейское будущее и давал свободную интерпретацию французской идентичности и культуры. В частности, он сообщил, что собирается упростить процедуру предоставления убежища, сократив срок ожидания до шести месяцев, и публично поддержал политику канцлера ФРГ Ангелы Меркель по дальнейшему приему беженцев, отметив, что «Европа не должна отворачиваться от тех, кто ищет убежища». При этом политик подчеркивал, что «необходимо различать террористов, лиц, требующих убежища, и беженцев, разграничивать разные виды мигрантов» [Programme de Macron].

Ле Пен выступала за закрытие границ, ограничение иммиграции и выход из ЕС; в ее электорат входили те, кто верили, что Франция на сегодняшний день теряет свою идентичность и суверенитет [A new dawn... 2017]. По мнению политика, следовало сократить легальную иммиграцию до 10 000 человек в год, упразднить «право почвы» и двойного гражданства, запретить и ликвидировать любые связанные с исламистами организации, закрыть все мечети, в которых звучит призыв к фундаменталистскому исламу [Le Pen, 2017].

Насколько фактор иммигрантов был значим для электорального выбора? Если посмотреть на результаты голосования в первом туре (рис. 1 в Приложении), то французские департаменты можно разделить на северо-восточные, голосовавшие преимущественно за Ле Пен (47 из 101), и юго-западные (33 из 101), отдавшие предпочтение Макрону (всего в первом туре за него проголосовало 42 департамента). Если наложить эту карту на карту расположения мечетей, исламских ассоциаций и школ по изучению Корана (рис. 2 в Приложении), то сохранится похожее разделение: в северо-восточных департаментах находится более 30 подобных организаций. Среди 28 департаментов, в которых было отмечено 50 и более сигналов о распространении фундаментализма (рис. 3 в Приложении), 15 отдали предпочтение Ле Пен.

Одним из показателей, который свидетельствует о наличии мусульман второго, третьего и других поколений в том или ином департаменте, является количество мусульманских имен у новорожденных детей (см. рис. 4 в Приложении). Такой анализ был проведен Национальным институтом статистики и экономических исследований Франции. В выборку попали только «чисто мусульманские» имена, распространенные среди выходцев из Магриба и не имеющие древнееврейского или иного происхождения. Например, из выборки были исключены такие женские имена, как Сара, Инэс, Лина, София, Сабрина и др., и такие мужские имена, как Адам, Абель, Лиам и др. [Etude exclusive... 2017]. Из 47 департаментов, в которых победителем стала Ле Пен, в 23 было отмечено наибольшее количество присвоенных мусульманских имен.

Также необходимо обратить внимание на данные, фиксирующие количество принятых департаментами мигрантов (рис. 5 в Приложении). После расселения «джунглей» Кале, основными регионами, которые приняли мигрантов, стали Овернь-Рона-Альпы, Аквитания и Гранд-Эст. Согласно данным Французского офиса иммиграции и интеграции, три четверти из 11 000 человек, размещенных в Центрах приема и ориентации, уже размещены не в Кале [Damgé, 2017].

Совместив карты голосования департаментов в первом туре президентских выборов и карту расселения мигрантов, можно увидеть значительные совпадения: многие департаменты, принявшие большое число мигрантов, голосовали за Ле Пен. В частности, это департамент Кале: в нем находится более 30 мечетей и

отмечен высокий уровень распространения джихадистских идей. До расселения «джунглей» Кале был лидером по лагерям мигрантов. Тем не менее этот департамент сталкивался с проблемой иммигрантов первого поколения, а не второго или третьего, поскольку в этом департаменте дано не самое большое количество мусульманских имен при рождении.

Можно сделать вывод, что фактор миграции мусульман оказал влияние на электоральное поведение граждан Франции на президентских выборах 2017 г. Однако во втором туре (см. рис. 6 в Приложении) 99 департаментов отдали предпочтение Эмманюэлю Макрону. Исключением стали Па-де-Кале (62) и Эна (02), которые и во втором туре отдали свои предпочтения Марин Ле Пен и в которых ситуация с мигрантами стояла особенно остро.

Заключение

Волна террористической активности во Франции была обусловлена комплексом факторов. С одной стороны, это неудачи интеграционной политики и неготовность правительства ее своевременно корректировать, с другой – внешнеполитические проблемы и вызов джихадизма. Мотивацией иммигрантов-мусульман к осуществлению терактов, помимо личных побуждений, было выражение поддержки сирийскому народу, протест против западного вмешательства на Ближнем Востоке и симпатии к ИГИЛ.

Стереотипизация иммигрантов-мусульман, как и борьба с «отсталыми» мусульманскими ценностями, привели к углублению раскола между мусульманами и автохтонным населением. Экстремизм, терроризм, потеря чувства безопасности внутри страны вызвали рост исламофобии и, как следствие, способствовали политическим успехам «Национального фронта».

Для Франции формирование подобного отношения к иммигрантам-мусульманам является относительно новым явлением, поскольку она традиционно принимала мигрантов из бывших колоний, следуя политике ассимиляции и веря в формирование общегражданской идентичности.

Список литературы

- Веретевская А.В.* Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2012. – 209 с.
- Кудряшова И.В.* Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 2. – С. 86–116.
- Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: Священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2017. – Т. 19, № 4. – С. 349–365.
- Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – М.: Новое литературное обозрение: Институт философии РАН, 2014. – 232 с.
- Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф.* Мировой рынок труда и международная миграция: Учебное пособие. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2010. – 303 с.
- A new dawn in French politics // France24. – Paris, 2017. – April, 20. – Mode of access: <http://www.france24.com/en/20170425-france-new-dawn-french-politics-presidential-election-macron-le-pen> (Дата посещения: 15.05.2018.)
- Annuaire des mosquées en France // Annuaire des mosquées et aire de répartition hexagonale. – 2018. – Janvier, 8. – Mode of access: <https://muzulmania.wordpress.com/cartographie-des-lieux-de-culte-islamique-france-metropolitaine/> (Дата посещения: 10.05.2018.)
- Attack against Charlie Hebdo. Statement by Mr François Hollande, President of the Republic (January 7, 2016) // France Diplomatie. – 2015. – January, 7. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/events/article/attack-against-charlie-hebdo> (Дата посещения: 13.04.2018.)
- Bayrakli E., Hafez F.* Introduction // European Islamophobia Report. – Istanbul: SETA, 2016. – P. 5–8. – Mode of access: https://www.islamophobiaeurope.com/reports/2015/en/EIR_2015.pdf (Дата посещения: 17.04.2018.)
- Bockel J.-M., Carvounas L.* Les collectivités territoriales et la prévention de la radicalisation, N 483, Session Ordinaire de 2016–2017, Rapport d'Information au nom de la délégations aux collectivités territoriales et à décentralisation sur les collectivités territoriales et la prévention de la radicalisation / Sénat de la France. – Mode of access: <http://www.senat.fr/rap/r16-483/r16-4830.html#toc0> (Дата посещения: 18.07.2018.)
- Cornevin Ch.* Attaque des Champs-Élysées: Paris a évité une tragédie // Le Figaro. – 2017. – Juin, 22. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2017/06/22/01016-20170622ARTF1G00350-le-mystere-de-l-attentat-rate-des-champs-elysees.php> (Дата посещения: 17.07.2018.)
- Damgé M.* Auvergne, Aquitaine... l'accueil des migrants dans les régions // Le Monde. – 2017. – October, 26. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/10/26/auvergne-rhone-alpes-nouvelle-aquitaine-grand-est-les-regions-qui-ont-accueilli-le-plus-de-migrants-depuis-un-an_5206112_4355770.html#411LdB8HvW2D9XWW.99 (Дата посещения: 26.04.2018.)

- Dodd C.H.* Dynamics of intercultural communication. – Boston, MS: McGraw Hill, 1998. – 289 p.
- Election présidentielle 2017 – France entire: résultats au 1er tour / Ministère de l'intérieur. – Mode of access: <http://elections.interieur.gouv.fr/presidentielle-2017/FE.html> (Дата посещения: 7.04.2018.)
- En direct. Toulouse : Merah encerclé, le Raid joue la montre // L'OBS. – 2012. – Mars, 22. – Mode of access: <https://www.nouvelobs.com/societe/20120321.OBS4237/en-direct-toulouse-merah-encerclé-le-raid-joue-la-montre.html> (Дата посещения 16.07.2018.)
- Etat d'urgence dans le droit commun: les enjeux de la loi // Le Monde. – 2017. – Septembre, 26. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/09/26/etat-d-urgence-dans-le-droit-commun-les-enjeux-de-la-loi_5191447_4355770.html (Дата посещения: 15.07.2018.)
- Etude exclusive: le taux de prénoms musulmans département par département / FDESOUCHE.COM. – 2017. – January, 6. – Mode of access: <http://www.fdesouche.com/807775-etude-exclusive-le-taux-de-prenoms-musulmans-departement-par-departement> (Дата посещения: 20.05.2018.)
- European Islamophobia report / E. Bayrakli, F. Hafez (eds). – Istanbul: SETA, 2015. – 578 p. – Mode of access: https://www.islamophobiaeurope.com/reports/2015/en/EIR_2015.pdf (Дата посещения: 17.04.2018.)
- Gabet E.* Présidentielle 2012: Les cartes du premier tour // France Culture. – 2012. – Avril, 23. – Mode of access: <https://www.franceculture.fr/politique/presidentielle-2012-les-cartes-du-premier-tour> (Дата посещения: 5.07.2018.)
- Hewstone M.* Contact and categorization: Social psychological interventions to change intergroup relations // Stereotypes and stereotyping / C.N. Macrae, Ch. Stangor, M. Hewstone (eds). – N.Y.: The Guilford press, 1996. – P. 323–360.
- Immigration: les premiers chiffres pour l'année 2016 // Vie publique. – 2017. – Janvier, 17. – Mode of access: <http://www.vie-publique.fr/actualite/alaune/immigration-premiers-chiffres-pour-annee-2016.html> (Дата посещения: 11.08.2018.)
- Jacob Et., Morvan V.-X.* Attentat de Nice: Qui est Mohamed Lahouaiej-Bouhlel, le tueur au camion? // Le Figaro. – 2016. – Juillet, 15. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2016/07/15/01016-20160715ARTFIG00131-le-tueur-au-camion-un-homme-solitaire-et-silencieux.php> (Дата посещения: 10.07.2018.)
- Lauren A.* Sondage: Les Français veulent plus de fermeté vis-à-vis de l'immigration // L'Express. – 2018. – Janvier, 11. – Mode of access: https://www.lexpress.fr/actualite/societe/sondage-les-francais-veulent-plus-de-fermete-vis-a-vis-de-l-immigration_1974649.html (Дата посещения: 15.06.2018.)
- Lauren S.* Combien la France compte-t-elle de mosquées? // Le Monde. – 2015. – Avril, 8. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/04/08/combien-la-france-compte-t-elle-de-mosquees_4611547_4355770.html (Дата посещения: 5.07.2018.)
- Le déroulé exact des attentats du 13 novembre // Liberation. – 2015. – Novembre, 14. – Mode of access: http://www.liberation.fr/france/2015/11/14/le-deroule-exact-des-attentats-du-13-novembre_1413492 (Дата посещения: 22.05.2018.)
- Le Pen M.* Mon Projet – Engagements Présidentiels Marine 2017. – Mode of access: <https://www.marine2017.fr/programme/> (Дата посещения: 17.03.2018.)

- Lombard-Latune M.-A.* De « Charlie » à Hyper Cacher, 72 heures qui ont ébranlé la France // Le Figaro. – 2016. – Janvier, 5. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2016/01/06/01016-20160106ARTFIG00378-de-charlie-a-l-hyper-cacher-72heures-qui-ont-ebranle-la-france.php> (Дата посещения: 27.06.2018.)
- Maurey H.* Rapport d'information N 345 fait au nom de la délégation aux collectivités territoriales et à la décentralisation (1) sur le financement des lieux de culte / Senat. – Mode of access: <https://www.senat.fr/rap/r14-345/r14-3451.pdf> (Дата посещения: 23.06.2018.)
- Mennucci P.* Rapport N 2828 fait au nom de la Commission d'Enquête sur la surveillance des filières et des individus djihadistes / Assemblée Nationale de la France. – Mode of access: http://www.assemblee-nationale.fr/14/rap-enq/r2828.asp#P222_36004 (Дата посещения: 10.07.2018.)
- Mohamed Merah* a filmé toutes ses tueries // Ladepeche.fr. – 2012. – Mars, 22. – Mode of access: <https://www.ladepeche.fr/article/2012/03/22/1312616-mohamed-merah-a-filme-toutes-ses-tueries.html> (Дата посещения: 12.07.2018.)
- Opération Sentinelle / Ministère des Armées de la France. – Mode of access: <https://www.defense.gouv.fr/operations/operations/france/operation-sentinelle> (Дата посещения: 18.07.2018.)
- Paolini E.* Saint-Etienne-du-Rouvray : Un an après, le désir de « tourner la page » sans oublier // Le Figaro. – 2017. – Juillet, 26. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2017/07/25/01016-20170725ARTFIG00347-saint-etienne-du-rouvray-un-an-apres-le-desir-de-tourner-la-page-sans-oublier.php> (Дата посещения: 8.07.2018.)
- Paolini E., de Mareschal E.* Terrorisme : De 2012 à 2017, la France durement éprouvée // Le Figaro. – 2017. – Octobre, 1. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2017/10/01/01016-20171001ARTFIG00134-terrorisme-de-2012-a-2017-la-france-durement-eprouvee.php> (Дата посещения: 15.07.2018.)
- Paris attacks: Who was Abdelhamid Abaaoud? // BBC news. – 2015. – November, 19. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34835046> (Дата посещения: 30.06.2018.)
- Présidentielle 2017: Les résultats du second tour ville par ville // Le Monde. – 2017. – Mai, 7. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/05/07/presidentielle-2017-retrouvez-les-resultats-du-second-tour-dans-votre-ville_5123842_4854003.html (Дата посещения: 08.05.2018.)
- Programme de Macron: employ, immigration, retraite... L'inverse du FN // Lintern@ute. – Mode of access: <http://www.linternaute.com/actualite/politique/1343676-programme-de-macron-emploi-immigration-retraite-l-inverse-du-fn/#programme-macron-immigration> (Дата посещения: 23.03.2018.)
- Racisme, xénophobie et discrimination en France: Que nous enseignent les procédures enregistrées par les forces de sécurité ? / Ministère de l'Intérieur // Interstats analyse N 15. – 2017. – Mars, 30. – Mode of access: <https://www.interieur.gouv.fr/Interstats/Actualites/Racisme-xenophobie-et-discrimination-en-France-que-nous-enseignent-les-procedures-enregistrees-par-les-forces-de-securite-Interstats-Analyse-N-15-Mars-2017> (Дата посещения: 15.07.2018.)

- Safdar A.* France likely to close more than 100 mosques // Aljazeera. – 2015. – December, 3. – Mode of access: <http://www.aljazeera.com/news/2015/12/france-100-mosques-close-151202142023319.html> (Дата посещения: 3.03.2018.)
- Tribalat M.* Immigration: «De 2007 à 2016, le nombre d'admis au séjour a augmenté de près d'un tiers» // Le Figaro. – 2017. – Avril, 18. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2017/04/17/31003-20170417ARTFIG00099-michel-tribalat-non-les-chiffres-de-l-immigration-ne-sont-pas-stables.php> (Дата посещения: 10.07.2018.)
- Wike R., Stokes B., Simmons K.* Negative views of minorities, refugees common in EU / Pew Research Center. – 2016. – July, 11. – Mode of access: <http://www.pewglobal.org/2016/07/11/negative-views-of-minorities-refugees-common-in-eu/> (Дата посещения: 20.07.2018.)
- Yassin Salhi*, qui avait décapité son patron en Isère, s'est suicidé en prison // Le Figaro. – 2015. – Décembre, 23. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2015/12/23/01016-20151223ARTFIG00016-yassin-salhi-qui-avait-decapite-son-patron-en-isere-s-est-suicide-en-prison.php> (Дата посещения: 9.07.2018.)

Приложения

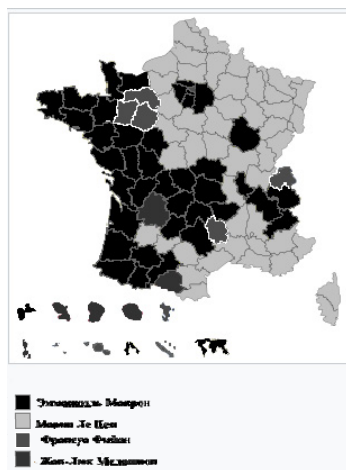

Рис. 1.

Результаты голосования по департаментам на президентских выборах во Франции 2017 г. (1 тур)

Источник: Election présidentielle 2017 – France entire: résultats au 1er tour // Ministère de l'intérieur. – Mode of access: <http://elections.interieur.gouv.fr/presidentielle-2017/FE.html> (Дата посещения: 7.04.2018.)

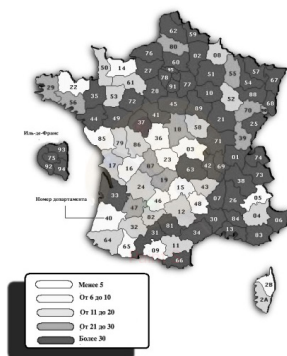

Рис. 2.

Количество мечетей на территории Франции по департаментам (2018)

Источник: Annuaire des mosquées en France // Annuaire des mosquées et aire de répartition hexagonale. – 2018. – 8 janvier. – Mode of access: <https://muzulmania.wordpress.com/cartographie-des-lieux-de-culte-islamique-france-metropolitaine/> (Дата посещения: 10.05.2018.)

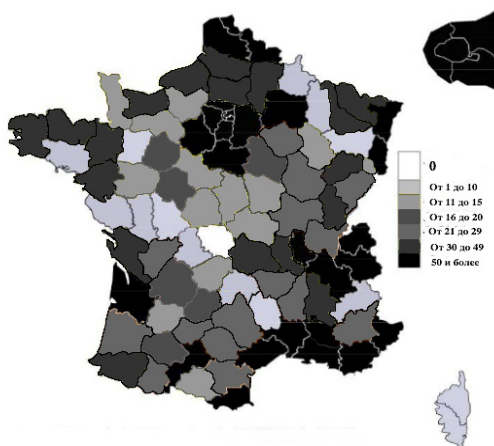

Рис. 3.

Карта распространения джихадистских идей по департаментам (2018)

Источник: *Mennucci, Patrick* Rapport N 2828 fait au nom de la Commission d'Enquête sur la surveillance des filières et des individus djihadistes // Assemblée Nationale de la France. – Mode of access: http://www.assemblee-nationale.fr/14/rap-enq/r2828.asp#P222_36004 (Дата посещения: 10.07.2018.)

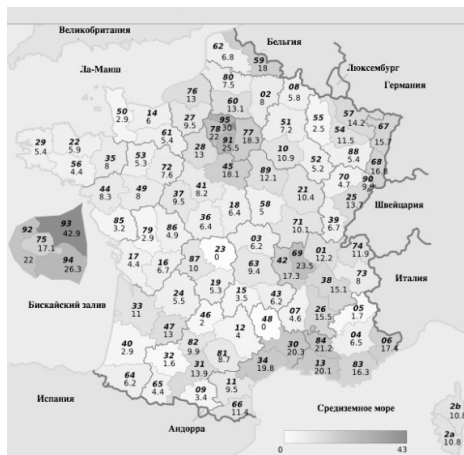

Рис. 4.

Количество мусульманских имен, данных при рождении, в департаментах Франции по состоянию на 2016 г.

Источник: Etude exclusive: le taux de prénoms musulmans département par département // FDESOUCHE.COM. – 2017. – 6 janvier – Mode of access: <http://www.fdesouche.com/807775-etude-exclusive-le-taux-de-prenoms-musulmans-departement-par-departement> (Дата посещения: 20.05.2018.)

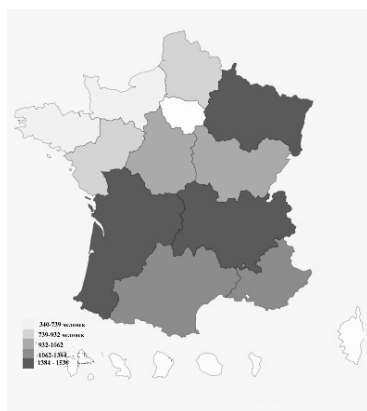

Рис. 5.

**Регионы, которые приняли основную массу мигрантов
(по состоянию на 1 января 2017 г.)**

Источник: *Damgé, Mathilde* Auvergne, Aquitaine... l'accueil des migrants dans les régions // *Le Monde*. – 2017. – 26 Octobre. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/10/26/auvergne-rhone-alpes-nouvelle-aquitaine-grand-est-les-regions-qui-ont-accueilli-le-plus-de-migrants-depuis-un-an_5206112_4355770.html#411LdB8HvW2D9XWW.99 (Дата посещения: 26.04.2018.)

Рис. 6.

**Результаты голосования на втором туре
президентских выборов во Франции**

Источник: *Présidentielle 2017: les résultats du second tour ville par ville* // *Le Monde*. – 2017. – 7 mai. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/05/07/presidentielle-2017-retrouvez-les-resultats-du-second-tour-dans-votre-ville_5123842_4854003.html (Дата посещения: 08.05.2017.)

Таблица

**Сводная таблица характерных особенностей исполнителей
террористических актов во Франции, 2012–2017 гг.**

	<i>Теракт</i>	<i>11 и 19 марта 2012</i>	<i>7 января 2015</i>	<i>9 января 2015</i>	<i>26 июня 2015</i>	<i>13 ноября 2015</i>	<i>13 июня 2016</i>	<i>14 июля 2016</i>	<i>26 июля 2016</i>	<i>20 апреля 2017</i>	<i>6 июня 2017</i>	<i>19 июня 2017</i>	<i>1 октября 2017</i>	<i>Всего</i>
Характеристики террористов	Террористы-одиночки			1	1		1	1		1	1	1	1	8
	Группа / сообщники	1	1			1			1					4
	Связь с ИГИЛ		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	?	10
	Связь с «Аль-Каидой»	1	1				1							3
	Уезжали в Сирию		1		1	1							?	3
	Уезжали в Афганистан	1												1
	Уезжали в Пакистан	1												1
	Иммигрант 1 поколения					1		1	1		1		?	4
	Иммигрант 2 и 3 поколений	1	1	1	1	1	1		1	1				8
	Мотив: в поддержку сирийского народа					1			1		1		?	3
	Мотив: против войн на Ближнем Востоке	1												1
	Личные мотивы				1	1	1		1					4

В.М. БАРСЕГЯН*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ
АКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ:
ИГРА С НУЛЕВОЙ СУММОЙ?¹**

Аннотация. В статье исследуется связь политической активности и научной деятельности молодых политологов. На основе авторского сравнительного исследования, в рамках которого проведен анкетный опрос (N = 1212, из них 107 человек – политологи), сделан вывод, что молодые политологи политически активнее своих сверстников, имеющих другой профиль образования, т.е. политическая активность политологов выступает как «функция» от их интереса к политической сфере. Между политической и научной активностью молодых политологов не выявлено разрыва, как в случае политологов старшего поколения. Одной из причин этого можно считать более системное политологическое образование молодых политологов.

Ключевые слова: политическая активность; политологи; молодежь; образование; мотивы политической активности; политические взгляды.

Для цитирования: Барсегян В.М. Политическая и научная активность молодых политологов: Игра с нулевой суммой? // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 258–270. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.13

* **Барсегян Вардан Меружанович**, кандидат политических наук, магистрант социологии и социальных исследований Утрехтского университета, Нидерланды, e-mail: barsegyanwm@gmail.com

Barsegyan Vardan, PhD in Political Science, MSc-student in Sociology and Social Research, Utrecht University, Netherlands, e-mail: barsegyanwm@gmail.com

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 17-33-01034 (a2) «Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России».

V.M. Barsegyan
Political and scientific activity of young political scientist:
A zero-sum game?

Abstract. The article is devoted to the analysis of the connection between political activity and scientific activity of young political scientists. On the basis of the author's comparative study, within which a questionnaire survey was conducted (N = 1212, of which 107 are political scientists), it was concluded that the political activity of political scientists is higher than among young people having a different profile of education, i.e. political activity acts as a "function" from their interest in the political sphere. It was revealed that among young political scientists there is no gap or contradiction between political and scientific activity, at the same time, as other studies show, among political scientists of the older generation this gap exists. One of the reasons for this is that young political scientists receive more systematic political science education.

Keywords: political activity; political scientists; youth; education; motives of political activity; political views.

For citation: Barsegyan V.M. Political and scientific activity of young political scientist: A zero-sum game? // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 258–270. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.13

Введение

Социальные теоретики дают противоположные ответы на вопрос, должен ли обществовед быть включен в те процессы, которые изучает, и если да, то насколько. Позитивистским идеалом научного исследования в социальных науках является полная отстраненность от предмета исследования по аналогии с моделью исследования в естественных науках [Конт, 2012; Карнап, Ган, Нейрат, 2005]. Марксисты, наоборот, основываясь на своих знаниях об «объективных законах» социального развития, призывают активно включаться в политическую борьбу во имя лучшего будущего [Маркс, Энгельс, 1961]. Другой подход предложен М. Вебером, который в принципе не разделяет авторскую личную ценностную позицию и научную работу в том смысле, что не существует ценностно нейтрального выбора объекта исследования [Вебер, 1990, с. 369].

Важной работой для нашего исследования стала статья О. Малиновой, в которой автор показывает разрыв между сообществами тех, кто «говорит о политике», и тех, кто исследует политику [Малинова, 2015]. В частности, группы известных политических комментаторов лишь в малой степени совпадают с научным сообществом политологов (по сравнению с экономистами и истори-

ками) [Малинова, 2015, с. 229]. Таким образом, исследователю удалось зафиксировать подобие игры с нулевой суммой: если человек – известный медийный политический аналитик, то с высокой долей вероятности он будет менее известен как ученый-политолог.

Следует отметить, что в отечественной научной литературе есть работы, посвященные участию молодых политологов в политической жизни. Так, Д. Сельцер утверждает, что аналогично спортсмену, который напряженно тренируется и затем участвует в соревнованиях, студент-политолог должен активно осваивать практику политической деятельности путем стажировки в органах власти, политических партиях, движениях и т.д. [Сельцер, 2011]. Как отмечает С. Дубровская, значительную роль в обучении политологов профессии играет кейс-стади [Дубровская, 2015]. И. Николаев анализирует эмоциональное восприятие экстремистской активности студентами-политологами [Николаев, 2015]. Гендерную дифференциацию в профессиональной мотивации студентов-политологов исследует Л. Ожигова [Ожигова, 2012].

Вопрос о политической активности политологов актуален и потому, что политическое действие может иметь этическое измерение. Например, это касается работы политолога в качестве политтехнолога в избирательных кампаниях.

Считая важной как теоретико-исследовательскую подготовку политологов (которая выливается в научные публикации), так и практическую (участие в политической жизни), можем поставить следующий исследовательский вопрос: как соотносятся научно-исследовательская и политическая активность молодых политологов? Для этого выявим уровень политической активности молодых политологов в сравнении с молодежью других направлений подготовки, а затем попытаемся определить, как связаны между собой научно-исследовательская и политическая активность политологов.

Методы сбора и анализа данных

В качестве объекта исследования выбраны молодые люди, интересующиеся политическими мероприятиями: зарегистрированные на сайте Всероссийского молодежного форума «Территория смыслов на Клязьме», который впервые проходил в 2015 г. на территории Владимирской области.

Посредством интернет-анкетирования было опрошено 1212 человек в возрасте 18–35 лет¹. Частично вопросы анкеты авторского исследования основаны на анкете Европейского социального исследования². Генеральную совокупность составляют люди, проявившие интерес к молодежному политическому мероприятию. Факт участия в форуме не учитывался. Выборка репрезентует генеральную совокупность по полу и возрасту. При анализе данных проведено взвешивание выборки по полу, для того чтобы приравнять пропорцию мужчин и женщин к пропорции в генеральной совокупности (что важно для политических исследований и политической жизни в целом, где еще не преодолено гендерное неравенство [Albanesi, Zani, Cicognani, 2012]).

Главным основанием дифференциации выборки стало направление подготовки (научная специальность) респондентов. Выбор предоставлялся среди 18 научных направлений, которые на следующем этапе были разделены на две группы: «политологи» и «неполитологи» (все остальные).

Таблица 1

Направления подготовки и уровень образования молодежи

Направления подготовки	N	%
Неполитологи	1105	91,2
Политологи	107	8,8
Итого	1212	100
Уровень образования	N	%
Среднее и ниже	518	43
Высшее (бакалавр, магистр, специалист)	631	52,2
Кандидат наук	58	4,8
Итого	1207	100
Получают первое высшее образование	N	%
Да	590	48,7
Нет	622	51,3
Итого	1212	100

¹ В соответствии с Основами государственной молодежной политики Российской Федерации, утвержденными на период до 2025 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р, молодежью считаются люди в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях (молодые предприниматели, ученые) – до 35 лет.

² Европейское социальное исследование. – Режим доступа: <http://www.ess-gu.ru> (Дата посещения: 26.09.2018.)

Половозрастной состав выборки исследования представлен в таблице 2.

Таблица 2

Половозрастной состав выборки

Направления подготовки		Пол		Возраст		
		Жен.	Муж.	18–22	23–27	28–35
Неполитологи	n	676	429	527	392	180
	%	61,2	38,8	48	35,7	16,4
Политологи	n	65	42	63	30	13
	%	60,7	39,3	59,4	28,3	12,3
Итого	n	741	471	590	422	193
	%	61,1	39,8	49	35	16

Проценты рассчитаны по строке.

При проведении корреляционного анализа в большинстве случаев применялся коэффициент парной корреляции Пирсона. При интерпретации результатов тестов уровень значимости коэффициентов корреляции применялся на 5%-ном уровне значимости.

Уровень политической активности политологов

В качестве основных показателей политической активности выбраны следующие: интерес к политике, интенсивность политического участия, мотивы политической активности.

Индекс политической активности

Респондентам был задан вопрос, принимали ли они участие хотя бы в одном из перечисленных видов политической активности за последние 12 месяцев. Можно было выбрать все варианты ответа или ни одного, что означало бы нулевой уровень политической активности. За каждый отмеченный вид политической активности присваивался один балл. В качестве индекса политической активности использовался суммарный балл всех отмеченных респондентом видов политической активности. В итоге получены следующие результаты.

Только 1% опрошенных среди политологов показали нулевой уровень политической активности, в то время как среди опро-

шенных неполитологов – 7,5%. Осуществление только одного вида политической активности может означать ситуативную, несистемную политическую активность. Для разграничения нулевого уровня политической активности и случайной политической активности, с одной стороны, и систематической политической активности – с другой, можно взять проявление двух и более видов политической активности. Два и более вида политической активности практикуют 92,2% политологов и 77,3% других опрошенных. Итоговый индекс политической активности различается между группами политологов и неполитологов значимо ($r = 0,137$, $p < 0,000$).

Среди составных компонентов индекса политической активности наибольшие различия между политологами и неполитологами проявляются в уровне участия в работе в политических партиях, группах и движениях ($r = 0,215$, $p < 0,000$).

В обеих группах наиболее популярно участие в общественных объединениях, не являющихся сугубо политическими (партии, например) (политологи – 82,8%, неполитологи – 69,7%). Реже всего практикуется бойкотирование (политологи и неполитологи – 23,8% и 24% соответственно).

Мотивы политической участия. В результате опроса выявлены мотивы политической активности. Результаты ответа на соответствующие вопросы представлены на рис. 1.

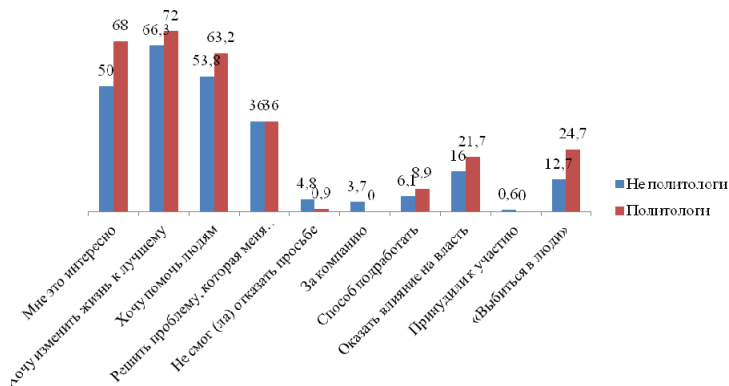

Рис. 1.

Мотивы политической активности политологов и неполитологов

Показано, что в обеих группах наибольшее число респондентов мотивировано «идеалистическими» мотивами изменения жизни людей, помощи людям или просто интересом. Мотив «случайного» участия в политике отсутствует у политологов, в то время как 9,7% представителей других специальностей указали именно такие мотивы (участие по просьбе, за компанию или под давлением). Статистически дифференциация мотивов по групповой принадлежности значима в мотивации интереса к политике ($r = 0,108$, $p < 0,000$), политологам политика интереснее, чем остальным (что логично), и мотив «выбиться в люди» ($r = 0,098$, $p < 0,000$).

Политикой как профессиональной деятельностью планируют заниматься 79,4% политологов (при 14,5% затруднившихся ответить) и 36,4% неполитологов (при 33% затруднившихся ответить). Различия статистически значимы ($r = 0,245$, $p < 0,000$).

Онлайн-активность

Вместе с политической активностью «на улице» сегодня стала нормой политическая онлайн-активность. Распределение ответов респондентов на вопрос о политической активности онлайн представлено ниже на рис. 2.

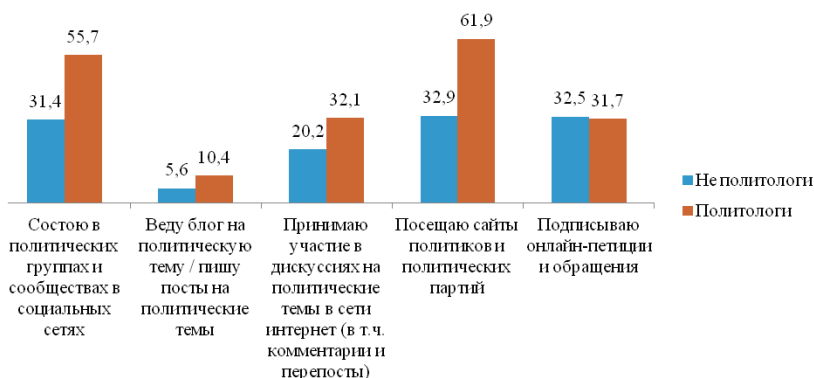

Рис. 2.
Политическая онлайн-активность
политологов и неполитологов

Параллельно был проведен корреляционный анализ, показавший, что онлайн-активность политологов статистически значимо выше, чем неполитологов по всем видам политической онлайн-активности, кроме подписывания онлайн-петиций и обращений (здесь различия незначимы).

Далее составим и рассчитаем индекс политической онлайн-активности. Индекс рассчитывается путем сложения всех видов онлайн-активности индивида. Итоговая сумма – показатель уровня политической онлайн-активности. Индекс политической онлайн-активности равен нулю (не проявляют ни один из видов политической онлайн-активности) у 26% политологов и 38% неполитологов. Высокий уровень политической онлайн-активности (индекс больше или равен 2) наблюдается у 57,8% политологов и 34,4% неполитологов. Полученные различия статистически значимы ($r = 146, p < 0,000$).

Итоговый индекс политической активности

Итоговый индекс политической активности (итоговый ИПА) рассчитывается путем сложения индексов офлайн- и онлайн-политической активности. Итоговый ИПА равен нулю у 5,1% неполитологов, среди политологов не выявлено ни одного респондента, который не занимался бы ни одним видом онлайн- или офлайн-активности. Высокий итоговый ИПА (проявляется более одного вида онлайн- или офлайн-активности) наблюдается у 98% политологов и 84,9% неполитологов. Причем медианное значение итогового ИПА у политологов равно 5, а у неполитологов – 4. Выявленные различия статистически значимы ($r = 0,171, p < 0,000$).

Роль в политических мероприятиях и акциях

Выявить уровень политической активности молодежи можно не только построениями индексов вовлеченности, но и определением той роли, которую молодые люди играют в организации и проведении политических акций и мероприятий. Логично предположить, что вовлеченность в политическую жизнь инициатора или непосредственного организатора политического мероприятия вы-

ше, чем, например, рядового участника или стороннего наблюдателя. В связи с этим приведем результаты выявления роли респондентов политологов и неполитологов в организации и проведении политических мероприятий.

Респондентам был задан вопрос, как бы они оценили свой уровень участия (свою роль) в организации и проведении мероприятий по 10-балльной шкале в качестве (1) инициатора, (2) организатора, (3) исполнителя роли в рамках организации мероприятия, (4) простого участника мероприятия и (5) стороннего наблюдателя.

Первоначально был проведен факторный анализ, который показал, что вся группа респондентов делится на две большие подгруппы: (1) те, кто находится внутри организации мероприятия (инициатор, организатор, исполнитель роли в рамках организации), (2) те, кто находится снаружи организации и проведения мероприятий (простой участник и сторонний наблюдатель). Было выявлено, что политологи в большей степени, чем все остальные, вовлечены в процесс организации и проведения мероприятий ($r = 0,124$, $p < 0,000$). Отдельно проанализирована степень вовлеченности в ту или иную роль политологов и неполитологов. Средний балл по самооценке политологов как инициаторов мероприятий равен 7, а как организаторов – 7,3; аналогичные самооценки среди неполитологов ниже: 5,2 и 5,8 соответственно.

Политические взгляды

Наряду с политической активностью важную роль играют и политические взгляды молодежи. Респондентам было предложено выбрать один вариант из нескольких. У такого подхода есть и плюсы, и минусы. Среди минусов можно отметить, что сегодня трудно встретить молодого человека с четко устоявшимися политическими взглядами, с другой – политические взгляды могут носить комплексный характер (например, либерально-демократический, социал-демократический, национально-консервативный). Однако плюс возможности выбора только одного варианта ответа в том, что респонденты «вынуждены» назвать наиболее приемлемый для себя вариант, т.е. выбрать идеологию, имеющую наибольшее значение для самого респондента. Результаты опроса приведены на рис. 3.

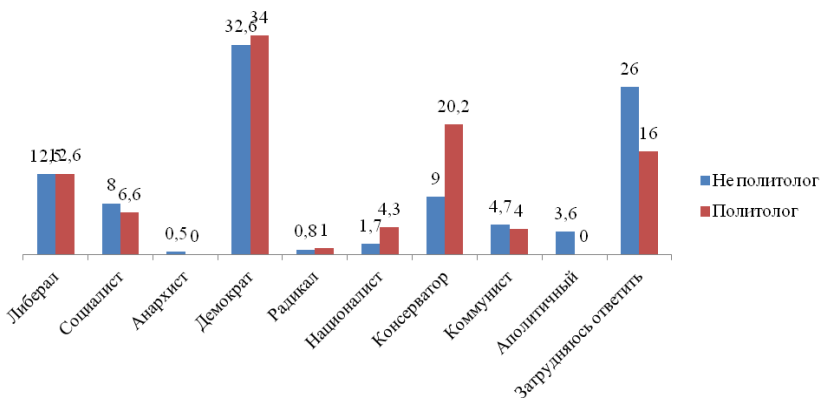

Рис. 3.

Политические взгляды политологов и неполитологов

Результаты анкетирования показывают, что политологи лучше представляют свои политические взгляды, чем неполитологи (16,4% затруднившихся ответить против 26%). Наибольшая доля среди респондентов, как политологов, так и других, придерживаются демократических взглядов. На втором месте по распространенности – либеральные взгляды. Наиболее значительные различия среди политических взглядов политологов и неполитологов проявляются в том, что среди политологов около одной пятой (20,2%) респондентов придерживаются консервативных взглядов, в то время как среди неполитологов – всего 9,3%. Это наибольший разрыв в политических взглядах среди проанализированных данных.

Научная деятельность молодых политологов

В качестве главного индикатора научно-исследовательской деятельности было взято количество публикаций в научных журналах из перечня ВАК, а также в журналах, индексируемых в международных базах научного цитирования Scopus и Web of Science. Было выявлено, что количество публикаций (интервальная шкала) и факт наличия публикаций (две и более статей для журналов из списка ВАК и одна и более – из базы Scopus и Web of Science)

(номинальная шкала) статистически значимо не связаны с уровнем политической активности молодых политологов (как и респондентов из всей выборки в целом)¹. Особо отметим, что не наблюдалась ни положительная значимая связь, ни отрицательная.

Также был задан вопрос, какие исследовательские проблемы больше интересуют респондентов: теоретические (фундаментальные) или практические (эмпирические). Интерес молодежи к тому или иному уровню анализа также не был статистически значимо связан с уровнем их политической активности (как при парном, так и при частном корреляционном анализе).

Далее было проанализировано, занимаются ли респонденты научно-исследовательской и преподавательской работой. Здесь было выявлено статистически значимое различие между политологами и неполитологами. Уровень политической активности политологов статистически не связан с тем, занимаются ли они преподавательской или научной деятельностью. Однако для неполитологов выявлена статистически значимая отрицательная связь между уровнем политической активности и занятием научно-исследовательской деятельностью ($r = -0,104$, $p < 0,008$). То есть для неполитологов научная и политическая активность – это игра с нулевой суммой: наиболее политически активные неполитологи скорее не проявляют высокую научную активность. При этом занятие преподавательской деятельностью у респондентов-неполитологов значимо не связано с их политической активностью.

Обсуждение результатов и выводы

В результате исследования было выявлено, что политологи политически более активны, чем молодые люди, имеющие другой профиль образования. Большая политическая активность среди политологов наблюдается как в офлайне, так и в онлайне. На наш взгляд, более высокий уровень политической активности среди политологов – это проявление не столько их гражданской позиции,

¹ Здесь и далее корреляционный анализ проведен методом частной корреляции, т.е. был нивелирован эффект возраста респондента, так как по естественным причинам с возрастом респондента количество его публикаций может измениться только в одну сторону – увеличиться. Для нейтрализации этого эффекта и был проведен частный корреляционный анализ (вместо парного).

сколько «функция» от их образования. Выявленные политические взгляды в целом аналогичны политическим взглядам молодежи, получающей или имеющей другой профиль образования, однако распространенность консервативных взглядов среди политологов статистически значительно выше. Предполагаем, что это объясняется, с одной стороны, значительно большей степенью политической вовлеченности и большим знанием «кухни» политической жизни, с другой – лучшей теоретической подготовкой, что помогает более ясно классифицировать свои политические взгляды. Если посмотреть на результаты (см. рис. 3), то разница между консерваторами политологами и неполитологами (10,9%) близка к разнице между теми, кто затрудняется ответить на вопрос о своих политических взглядах в обеих группах (9,6%). Вероятно, это означает, что потенциал роста консервативных сил в России кроется именно в вовлечении в свои ряды неопределившихся, доля которых в общей численности населения (если взять пример нашей выборки) может составлять от одной четверти населения.

По вопросу о соотношении научной и политической активности молодых политологов можно с высокой долей уверенности утверждать, что разрыв между «медиаперсонами» и политологами-учеными, который наблюдается среди взрослого поколения политологов, среди молодых политологов может быть преодолен. Представляется, что эта тенденция сформировалась благодаря систематическому политологическому образованию в России, которое уже насчитывает больше 25 лет. Политическая активность молодых ученых-политологов не влияет на уровень их научной активности. Получение высшего образования политологического направления способствует как усвоению теоретических знаний, так и активному «понимающему» включению в политические процессы, происходящие в России и мире.

Список литературы

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–601.
- Дубровская С.В. Кейс-технология в профессиональной подготовке политологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – Саратов, 2015. – Т. 15, № 4. – С. 97–99.

- Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – М., 2005. – № 2 (47). – С. 13–27.
- Конт О.* Дух позитивной философии. – М.: Либроком, 2012. – 92 с.
- Малинова О.Ю.* Кто формирует общественное «лицо» профессии: Сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. – М., 2015. – № 3. – С. 225–237.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Полное собрание сочинений (ПСС). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 4. – С. 419–459.
- Николаев И.В.* Эмоциональная оценка экстремистской активности студентами-политологами (по материалам фокус-группы) // Политическая концептология: Журнал мецдисциплинарных исследований. – Ростов-н/Д, 2015. – № 4. – С. 253–259.
- Ожигова Л.Н.* Профессиональная и гендерная идентичность в контексте мотивации личности студентов-политологов // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2012. – № 12. – С. 147–149.
- Сельцер Д.Г.* Практики в системе подготовки политолога // Pro nunc. Современные политические процессы. – Тамбов, 2011. – Т. 10, № 1. – С. 150–160.
- Albanesi C., Zani B., Cicognani E.* Youth civic and political participation through the lens of gender: The Italian case // Human Affairs. – Bratislava, 2012. – Vol. 22, Iss. 3. – P. 360–374.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

ОБЗОР ЖУРНАЛА «PERSPECTIVES ON TERRORISM»

«Perspectives on Terrorism» выпускается шесть раз в год Консорциумом центров исследований терроризма и отдельных ученых (Terrorism Research Initiative (TRI)¹ и Центром исследований терроризма и безопасности Массачусетского университета, Лоуэлл (Center for Terrorism and Security Studies, University of Massachusetts Lowell (CTSS, UMass Lowell)). Это независимый научный междисциплинарный рецензируемый онлайн-журнал открытого доступа².

В настоящем обзоре выпусков журнала за 2017 г. будут выделены несколько тематических полей. Это академическая дискуссия о понятиях «радикализм» и «экстремизм»; базы данных по террористическим актам, произошедшим с 1968 по 2017 г.; создание и деятельность «Аль-Каиды»; вопросы истории, стратегии и медиаактивности ИГ(ИЛ)³; проблемы джихадистской радикализации; радикализация и дерадикализация граждан; политические последствия усиления террористической угрозы (в частности, правопопулистский подъем).

¹ TRI основан в 2007 г. и объединяет 16 исследовательских институтов и более 120 ученых; его офисы находятся в Вене и в Массачусетском университете, Лоуэлл.

² Доступ к журналу можно получить по ссылке: <http://www.terrorismanalysts.com>

³ ИГИЛ – террористическая группировка «Исламское государство Ирака и Леванта»; после провозглашения халифата в 2014 г. отбросила географическую привязку в названии и стала называть себя «Исламское государство» (ИГ).

Наш обзор открывает статья А. Бёттихер [Bötticher, 2017], в которой отмечено, что на настоящий момент в международном праве нет четкого определения понятий «радикализм» и «экстремизм», граница между ними размыта. Несмотря на это во многих государствах реализуются программы по предотвращению / поощрению экстремизма и дерадикализации / радикализации. Изучая понимание радикализма и экстремизма в Германии при опоре на теорию концептуальной истории Р. Козеллека, автор показывает, что эти два понятия берут начало в разных социополитических движениях. С помощью теории концептуального анализа Дж. Сартори она проводит разграничение между концептами, составив матрицу опорных категорий для каждого из них. Как итог, выделены десять ключевых различий между «экстремизмом» и «радикализмом». В частности, радикализм можно расположить на краях спектра демократического консенсуса, а экстремизм – нет.

Статья Н.Г. Боуи [Bowie, 2017] представляет собой обзор 60 ключевых сайтов открытого доступа со статистическими данными по терроризму с 1968 г. Большинство из освещаемых ресурсов сформированы западными странами (в основном США, Великобританией и Израилем) и делают акцент на международном терроризме. Все базы данных охарактеризованы по следующим критериям: организация, которая составляет базу данных; объем базы данных; режим доступа; сайт; контактные данные; краткая характеристика содержания.

Следующая тема – «Аль-Каида». Л. Фаррэл [Farrall, 2017] рассматривает раннюю историю группировки, начиная с ее возникновения в 1987 г. до организационного упадка после поражения арабов-«афганцев» в бою при Джалал-Абаде в 1989 г. По ее мнению, росту организации на том этапе способствовали военные успехи и открывшаяся перед молодежью возможность принять участие в боевых действиях, упадку – поражение при Джалал-Абаде.

Д. Расслер [Ressler, 2017] изучает отношения между «Аль-Каидой» и Пакистаном, включая связи «Аль-Каиды» с кластером военизированных группировок, которые следуют исламской школе Деобанди и до трагедии 11 сентября были известны под общим названием «Пакистанское движение Харакат». По мнению исследователя, каждая из них оказывала прямую или косвенную поддержку деятельности «Аль-Каиды» как на идеологическом, так и

на военном уровне. Однако в научной литературе ее взаимодействие с ними не дифференцировано, потенциальные противоречия между группировками не показаны.

Следующая статья посвящена описанию стратегических и идеологических императивов «Аль-Каиды» и ее лидера – Аймана аз-Завахири [GoheI, 2017]. С. Гоэль провел анализ речей и действий аз-Завахири для того, чтобы выявить, каким образом лидер «Аль-Каиды» намерен сохранить международную значимость, выживаемость и устойчивость организации. На основе этого анализа сделан вывод, что при сохранении приоритета борьбы с «дальним врагом» в фокус внимания лидера террористов включена и работа против «ближнего врага», подразумевающая создание для «Аль-Каиды» и аффилированных организаций баз в мусульманском мире.

Статья А. Стенерсен [Stenersen, 2017] предлагает взгляд на «Аль-Каиду» не только как на «глобального мятежника» или «глобальную франшизу». По мнению автора, это в большей степени «передовой революционер», который вовлечен в непрерывную борьбу по продвижению салафитской идеологии «чистого ислама». Как и С. Гоэль, А. Стенерсен говорит о том, что в будущем «Аль-Каида» проведет четкое разграничение между планированием международной террористической деятельности и поддержкой локальных мятежей в мусульманском мире и что она вернется на международный уровень, учитывая возобновление наращивания ее внешнего потенциала.

О совмещении «Аль-Каидой» глобального и регионального уровней джихадизма в исламском Магрибе пишет в своей работе Ж.-П. Филью [Filiu, 2017]. Как отмечает автор, руководство джихадистских группировок в Алжире участвовало в деятельности «Аль-Каиды» на обоих уровнях и в итоге взяло под свой контроль глобальный уровень распространения джихадистских идей, забрав пальму первенства в этой области у «“Аль-Каиды” в странах исламского Магриба» (АКСИМ). Противостояние подразделений «Аль-Каиды» привело к смещению лояльности боевиков и внутри АКСИМ, и среди ее региональных партнеров.

Статья Дж. Зенна посвящена деятельности «Аль-Каиды» в Нигерии [Zenn, 2017]. Автор указывает, что «Боко харам» была признана одной из самых опасных террористических группировок в 2016 г., а Нигерия заняла третье место среди стран, в которых в

2017 г. произошло наибольшее количество терактов. Несмотря на недостаточный анализ документов о внутреннем устройстве и процессе принятия решений в рамках организации, большинство исследователей, опираясь на изучение структурных факторов, пришли к выводу, что изначально группировка была мирной организацией и если и имела, то крайне слабые связи с «Аль-Каидой». По мнению автора, это неверное представление о связях «Боко харам» и «Аль-Каиды»: «Аль-Каида» имела серьезное влияние на создание «Боко харам» в 2002 г., объявление ею джихада в 2009 г. и внедрение практики совершения терактов смертниками в 2011 г.

В статье Р. Смит и Дж. Пэка о стратегии «Аль-Каиды» в Ливии [Smith, Pack, 2017] подчеркивается, что «Аль-Каида», в отличие от ИГИЛ, смогла сохранить свои связи с местными игроками и что ей удалось мимикрировать под ливийские властные структуры и стать их дублером. Основной вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что подъем джихадизма салафитского толка является симптомом более глубоких проблем с политическим управлением в стране.

Внимание Ч. Листера [Lister, 2017] обращено на стратегию «Аль-Каиды» в Сирии. По его мнению, в начале «арабской весны» «Аль-Каида» переживала процесс стратегического переосмысления своей деятельности: ее филиалы стали переориентироваться на локальный уровень, открывавший большие перспективы для продвижения джихадизма в каждой конкретной стране. Такие действия доказали свою эффективность в Сирии, где группировка «Джабхат ан-Нусра» поставила своей задачей интеграцию в ряды революционных сил посредством прагматичного сотрудничества. По мнению автора, вопрос об успешности стратегии контролируемого прагматизма остается открытым.

Присутствию «Аль-Каиды» в Сирии также посвящены работы А. Дж. аль-Тамими [Al-Tamimi, 2017] и С. Хеллер [Heller, 2017].

В работе Д. Холбрука [Holbrook, 2017] предпринята попытка дать ответ на вопрос, каким образом «Аль-Каиде» удастся транслировать свои идеи целевой аудитории в западных странах. Для этого проведено исследование экстремистских материалов, которые фигурировали в 13 расследованиях террористической деятельности в Великобритании. В результате сделан ряд важных выводов: (1) потенциальные сочувствующие, живущие в Великобритании, вряд ли составляют ключевую целевую аудиторию «Аль-Каиды» (отмечено

только несколько напрямую адресованных им сообщений); (2) те, кто желают примкнуть к террористам, используют литературу на английском языке, т.е. полагаются на интерпретаторов контента; (3) идейное воздействие контента продолжается и после смерти его создателей; (4) материалы «Аль-Каиды» присутствуют в «библиотеках» экстремистов наряду с иными публикациями религиозного, политического или идеологического характера из разнообразных источников, при этом ни одна группа или школа не доминирует.

Идеи С. Гоэля и А. Стенерсон развивает Дж. Древол [Drevon, 2017], который рассматривает эволюцию джихадистского движения, возникшего в 1980-х годах в результате войны в Афганистане. По его мнению, в нем больше не будет такого гегемона, как «Аль-Каида» после 2001 г., и в обозримом будущем оно останется внутренне разнообразным. Альтернативу «Аль-Каиде» и ИГ составят национальные проекты джихадистов, пытающихся встроиться в местное окружение.

Следующая тема – это исследования феномена ИГИЛ. К. Уайтсайд [Whiteside, 2017] пытается определить роль видных деятелей режима С. Хусейна в деятельности этой группировки. Опираясь на источники, автор приходит к заключению, что, несмотря на доказанные ключевые позиции некоторых бывших баасистских¹ деятелей в ИГ после 2010 г., группировка формировалась ветеранами джихадистского движения салафитов, которые монополизировали контроль над ее политическими, экономическими, религиозными и медийными позициями, занимались подбором кадров и разработкой стратегии.

А. Шпекхард и А.С. Йайла [Speckhard, Yayla, 2017] на основе опубликованных документальных материалов, а также собственных интервью выявляют структуру и функции разведслужбы ИГИЛ – «Амни». Они доказывают, что «Амни», где главную роль играли националистически настроенные баасисты-сунниты, уволенные из разведки после операции сил международной коалиции в Ирак, породила ИГИЛ и как террористическую организацию, и как формирующееся «тоталитарное государство».

Статья Х. Хельгута-Дуста посвящена инкорпорации женщин в ИГ [Khelghat-Doost, 2017]. Автор задается вопросом, каким обра-

¹ Партия Арабского социалистического возрождения (Баас) – партия власти в период правления С. Хусейна.

зом ИГ, имея ультраконсервативные взгляды на роль женщины в обществе, вовлекает женщин, в том числе из стран Запада, в свою деятельность. На основе данных полевых исследований на Ближнем Востоке он приходит к выводу, что это осуществляется через механизм «гендерно разделенных параллельных институтов» (например, женскую шариатскую полицию, женскую налоговую службу, систему образования для женщин). ИГ сумело противопоставить нарративу женской эмансипации нарратив религиозного спасения.

Р. Зайдел представляет в своей статье коллективный портрет руководителей ИГИЛ [Zeidel, 2017]. Оказалось, что большинство командиров ИГ в Ираке и Сирии, как высшего, так и низшего звена, являются иракцами. По роду предыдущих занятий среди них выделяются две большие группы: учащиеся религиозных заведений и работники баасистской службы безопасности.

Тему технологий и современных вооружений в арсенале террористов исследуют Т.Х. Тоннессен [Tønnessen, 2017] и Дж. Чэпман [Chapman, 2017].

А. Басит [Basit, 2017] обращает внимание на изменения в джихадистской среде Афганистана и Пакистана после возникновения ИГИЛ. Как показывает автор, группировке удалось привлечь внимание молодого поколения джихадистов, что привело к их перетоку в так называемый халифат. Следствием стали предание ИГ остракизму и борьба между ИГ и коалицией «Талибана» и «Аль-Каиды» за влияние, человеческий капитал, ресурсы, лояльность местных военизированных группировок.

О борьбе за влияние между «Аль-Каидой» и ИГИЛ пишет и Т.Р. Хэмминг [Hamming, 2017].

В статье Дж. Франко [Franco, 2017] представлен анализ перспектив джихадистского движения на Минданао (Филиппины). По мнению автора, бои при г. Марави (2017) показали возможность проникновения на остров боевиков из Юго-Восточной Азии. Вместе с тем вряд ли стоит ожидать успеха проекта «Вилайет Минданао», поскольку группировка, поддерживающая прямые оперативные связи с центром (ИГ), более уязвима перед службами безопасности, чем свободные сетевые структуры.

Т.Р. МакКейб [McCabe, 2017] полагает, что ИГ будет непросто перейти на подпольное положение после его краха как «государства» из-за фракционной борьбы, враждебности населения и

утраты теологической / идеологической и функциональной легитимности в результате поражения.

Когда речь идет об ИГИЛ, нельзя обойти вниманием его интернет-журналы «Дабик» и «Румийя». Коллектив авторов [A mixed methods, 2017] использует качественный метод социального семиотического дискурс-анализа и количественный метод информационной визуализации для отслеживания возможных изменений (стилевых или содержательных) в этих изданиях. Сделан вывод о том, что, хотя с течением времени ИГИЛ меняло свой стратегический фокус в зависимости от условий, его мировоззрение, ценности и конечные цели оставались неизменными.

М. Лакоми [Lakomy, 2017] в свою очередь отмечает, что в настоящий момент киберджихад ИГИЛ начинает сходиться на нет, качество размещаемого контента упало, а СМИ-группировки (например, новостные агентства «Амак», «Аль-Фуркан Медиа», студия «Аль-Иа'тисам», библиотека «Аль-Химма») все менее походят на пропагандистские машины.

Следующий блок статей относится к теме джихадистской радикализации. Принято считать, пишут Дж.М. Лутц и Б.Дж. Лутц [Lutz, Lutz, 2017], что высокая плотность населения страны является фактором, который способствует зарождению и развитию терроризма, поскольку большим государствам тяжелее обеспечивать безопасность. Однако, по их мнению, значимых доказательств этой гипотезе нет, и для повышения объяснительной способности генерируемых уравнений предпочтительнее использовать не показатель численности населения, а показатель числа терактов на душу населения.

Статья К. Кэмпбелл [Campbell, 2017] посвящена исследованию стратегического посыла террористов, разрушающих объекты культурного наследия (заупокойный храм Хатшепсут в Дейр аль-Бахри, Пальмира и др.). По мнению автора, их действия объясняются не только военно-политическими, теологическими и экономическими причинами. Ведя борьбу с «ложными богами», они подсознательно пытаются воссоздать салафитскую идентичность (идентичность праведных предков. – *Прим. ред.*) и представляют себя продолжателями традиций древних завоевателей.

Многие ученые изучают джихадистскую радикализацию на примере конкретных стран. Так, Х. Гратруд и В.Б. Скреттинг [Gråtrud, Skretting, 2017] размышляют о перспективах связанной с

«Аль-Каидой» группировки «Ансар аш-Шариа» в Ливии, Э. Кармон [Karmon, 2017] напоминает о терактах, совершенных в 2017 г. гражданами стран Центральной Азии в Турции, России и Швеции, а также о подъеме уйгурского джихадизма в СУАР (Китай), К. Хэммингби [Hemmingby, 2017] исследует мишени террористических атак в Европе.

Причины исламистской радикализации в Италии рассматривает М. Гроппи [Groppi, 2017]. Применяя количественный анализ (выборка включает 440 мусульман из 15 итальянских городов), автор исследует отношение респондентов к насилию, определяемому в исламских терминах. В ходе тестирования большого количества моделей, связывающих насилие с различными предикторами, было установлено, что насилие поддерживают лица, недовольные неуважительным отношением к исламу со стороны европейцев, и сторонники исламской формы правления на Ближнем Востоке.

И еще две статьи по этой теме. Г. Лайэл [Lyll, 2017] применяет теорию социальных движений и теорию «молодежного бунта» О. Руа для объяснения радикализации британцев, уезжающих воевать в Сирию, а коллектив авторов [Fajmonová, Moskalenko, McCauley, 2017] анализирует отношение американских мусульман к войне с терроризмом путем телефонных и интернет-опросов.

Предпоследний блок статей посвящен дерадикализации и выявлению потенциально опасных лиц. Открывает его статья Н. Кызехаге [Käsehage, 2017], в которой рассмотрены практические приемы дерадикализации экстремистов. В ходе проведения 175 интервью с последователями салафизма в 10 странах (2012–2016) автору удалось выявить 38 человек, собирающихся примкнуть к организации «Джабхат ан-Нусра» в Сирии, и убедить 35 из них не делать этого. На основе бесед она также выделяет три типа людей, готовых присоединиться к джихаду: «все-или-ничего» – те, которые не видят в жизни иного смысла, кроме джихада; «влюбленные в жениха-джихадиста» – девушки, познакомившиеся с боевиками в Сети и готовые следовать за ними; «негативная солидарность» – те, кто получают удовольствие от лицемерия страдающих «неверных».

Еще одним «мягким» способом дерадикализации делится в своей статье А.Х. Аль Сауд [Al-Saud, 2017]. В 2003 г., в период подъема «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове, в Саудовской Аравии была запущена онлайн-платформа «Умиротворение»

(*Sakinah*) – независимая инициатива по «назиданию и интерактивному общению» под наблюдением Министерства исламских дел. Она представлена в социальных сетях и онлайн-форумах и сумела сформировать антиэкстремистский нарратив.

О проблемах системы образования как агента социализации молодежи в Иордании пишет К.Х. Совелл [Sowell, 2017]. Как ни парадоксально, Иордания, которая считается умеренной в религиозном отношении страной, является в пересчете на душу населения главным «мусульманским поставщиком» иностранных джихадистов. С точки зрения автора, это объясняется двумя причинами: слабостью национальной идентичности и «квазиджихадистской» образовательной системой.

Тюрьма также является одним из агентов социализации, где может происходить как радикализация заключенных, так и их дерадикализация. Э. Силке и Т. Вельдхайс [Silke, Veldhuis, 2017] представляют обзор научных работ по этой проблематике и выявляют существующие в исследованиях пробелы.

Внимание Т. Киггина [Quiggin, 2017] привлекает проблема выявления потенциальных террористов в странах ЕС, а Й. ван Вейк и М.П. Болхаос [Van Wijk, Bolhuis, 2017] рассматривают этот вопрос на примере Нидерландов. Оценку эффективности указа Д. Трампа, запретившего въезд в США мигрантов-мусульман из некоторых стран, предпринимает Д. Милтон [Milton, 2017].

Статьи Ч.П. Киршофера [Kirchofer, 2017] и Б. Ганора [Ganor, 2017] посвящены борьбе с терроризмом в Израиле.

Последнее тематическое поле включает работы, посвященные подъему крайне правых и правопопулистских сил. В статье Т. Аббаса [Abbas, 2017] представлен критический обзор существующих подходов к выявлению побудительных мотивов, целей, а также социальных и политических отличий двух типов экстремистов – крайне правых и исламистов. А. Кох [Koch, 2017] рассматривает подъем правого популизма в странах Запада, описывает его характерные черты и приемы правых популистов в борьбе за электорат. Он также обращает внимание на использование этими силами символов крестоносцев как источника вдохновения и оправдания насилия в регионе Ближнего Востока защитой христианства.

Список литературы

- Abbas T.* Ethnicity and politics in contextualizing far right and Islamist extremism // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 3. – P. 54–61.
- Al-Saud A. bin K.* The tranquility campaign: A beacon of light in the dark world wide web // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 58–64.
- Al-Tamimi A.J.* Success for al-Qaida in Syria? // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 131–139.
- Basit A.* IS Penetration in Afghanistan-Pakistan: Assessment, impact and implications // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 3. – P. 19–39.
- Bötticher A.* Towards Academic consensus definitions of radicalism and extremism // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 73–77.
- Bowie N.G.* Terrorism events data: An Inventory of databases and data sets, 1968–2017 // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 50–72.
- Drevon J.* The jihadi social movement (JSM): Between factional hegemonic drive, national realities, and transnational ambitions // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 55–62.
- Fajmonová V., Moskalenko S., McCauley C.* Tracking radical opinions in polls of U.S. Muslims // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 36–48.
- Farrall L.* Revisiting al-Qaida's foundation and early history // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 17–37.
- Filiu J.-P.* Al-Qaida in the Islamic Maghreb and the dilemma of jihadi loyalty // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 167–173.
- Franco J.* Assessing the feasibility of a «Wilayah Mindanao» // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 29–38.
- Ganor B.* Israel's policy in extortionist terror attacks (abduction and hostage barricade situations) // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 2–15.
- Gohel S.M.* Deciphering Ayman Al-Zawahiri and Al-Qaeda's strategic and ideological imperatives // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 54–67.
- Gråtrud H., Skretting V.B.* Ansar al-Sharia in Libya: An enduring threat // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 40–53.
- Groppi M.* An Empirical analysis of causes of islamist radicalisation: Italian case study // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 68–76.
- Hammin T.R.* Jihadi competition and political preferences // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 63–88.
- Heller S.* The strategic logic of Hayat Tahrir al-Sham // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 140–153.
- Hemmingby C.* Exploring the continuum of lethality: Militant Islamists' targeting preferences in Europe // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 5. – P. 24–40.
- Holbrook D.* The Spread of its message: Studying the prominence of al-Qaida materials in UK terrorism investigations // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 89–100.
- Karmon E.* Central Asian jihadists in the front line // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 78–86.

- Käsehage N.* De-Radicalising militant salafists // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 77–79.
- Khelghat-Doost H.* Women of the caliphate: the Mechanism for women's incorporation into the Islamic state (IS) // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 17–25.
- Kirchofer C.P.* Managing non-state threats with cumulative deterrence-by-denial // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 21–35.
- Koch A.* The new crusaders: Contemporary right symbolism and rhetoric // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 5. – P. 12–23.
- Lakomy M.* Cracks in the online «caliphate»: How the Islamic state is losing ground in the battle for cyberspace // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 3. – P. 40–53.
- Lister C.* Al-Qaida's complex balancing act in Syria // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 123–130.
- Lutz J.M., Lutz B.J.* The Ambiguous Effect of Population Size on the Prevalence of Terrorism // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 49–57.
- Campion K.* Blast through the past: Terrorist attacks on art and antiquities as a reconquest of the modern jihadi identity // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 26–39.
- Lyall G.* Identifying salient biographical factors in the radicalization process // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 3. – P. 62–70.
- McCabe T.* The Islamic state after the caliphate – can IS go underground? // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 95–101.
- Milton D.* Does the cure address the problem? Examining the Trump administration's executive order on immigration from Muslim-majority countries using publicly available data on terrorism // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 87–94.
- Quiggin T.* On and off the radar: Tactical and strategic responses to screening known potential terrorist attackers // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 5. – P. 41–49.
- Rassler D.* Al-Qaida and the Pakistani harakat movement: Reflections and questions about the pre-2001 period // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 38–54.
- Silke A., Veldhuis T.* Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 5. – P. 2–11.
- Smith R., Pack J.* Al-Qaida's strategy in Libya: Keep it local, stupid // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 191–200.
- Soell K.H.* Downplaying Jihad in Jordan's educational curriculum, 2013–2017 // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 154–166.
- Speckhard A., Yayla A.S.* The ISIS Emni: Origins and inner workings of ISIS's intelligence apparatus // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 2–16.
- Stenersen A.* Thirty years after its foundation – where is al-Qaida going? // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 5–16.

- Tønnessen T.H.* Islamic state and technology – a literature review // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 101–111.
- Van Wijk J., Bolhuis M.P.* Awareness trainings and detecting jihadists among asylum seekers: A case study from the Netherlands // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 39–49.
- Whiteside C.* A Pedigree of terror: The Myth of the Ba'athist influence in the Islamic state movement // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 3. – P. 2–18.
- A mixed methods empirical examination of changes in emphasis and style in the extremist magazines Dabiq ana Rumiya / P. Wignell, S. Tan, K.L. O'Halloran, R. Lange // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 2–20.
- Zeidel R.* The Dawa'ish: A collective profile of IS commanders // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 16–28.
- Zenn J.* Demystifying al-Qaida in Nigeria: Cases from boko Haram's founding, launch of jihad and suicide bombings // Perspectives on terrorism. – Vienna, 2017. – Vol. 11, N 6. – P. 174–190.

*Е.А. Захарова**

* **Захарова Евгения Александровна**, аспирант кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, e-mail: eva5094@mail.ru

Zakharova Evgenia, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: eva5094@mail.ru

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.Г. ГЛИНЧИКОВА*

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ: ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД?¹

Рецензия на книгу: *Веретевская А.В.* Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 180 с.

Народ в своей самобытной особенности есть великая *земная сила*. Но чтобы быть силой *творческой*, чтобы принести плод свой, народность, как и всякая земная сила, должна быть оплодотворена воздействиями извне, и для этого она должна быть *открыта* таким воздействиям. Если же народная сила затворяется от этих внешних воздействий и обращается на саму себя, то она неизбежно остается бесплодной.

В.С. Соловьёв²

Проблема

«Мультикультурализм», которого не было, «социализм», которого не было, «капитализм», которого не было, «феодализм»,

* **Глинчикова Алла Григорьевна**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии ИИиП МПГУ, e-mail: alla.glinchikova@gmail.com

Glinchikova Alla, Institute of History and Politics of Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia), e-mail: alla.glinchikova@gmail.com

¹Материал подготовлен в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 17-03-00644-ОГН «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

²Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. – М.: Правда, 1989. – С. 282.

которого не было. Как справедливо заметил в сходной ситуации один из персонажей булгаковского романа, «чего нихватишься, ничего-то у вас нет».

Но проблемы от таких констатаций не исчезают. И прежде всего это проблема соотношения социально-политической теории и практики. Может ли практика посрамить теорию, дискредитировать ее? Нужна ли вообще в этом случае теория, которая все равно всегда никуда не вписывается и не соответствует никакой практике? Может, не нужно никаких «измов», не нужно ставить вопросы – куда мы идем и тем более куда мы *хотим* идти? Просто просчитывать сиюминутные опции для выживания, «пока смерть не разлучит нас»? Такой «трезвый подход» в политической науке тоже существует, но автор книги «Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств» думает иначе. Для нее несовпадение теории и практики в вопросе об эффективности политики мультикультурализма есть проблема, в которой очень важно разобраться.

Проблема действительно острейшая – как относиться к «другому», как сделать демократию пространством для диалога и соразвития культур, а не инструментом для аннигиляции и исключения представителей «иных цивилизаций» из политического процесса? Казалось бы, вот, найдено решение: мультикультурализм, замечательная стратегия, которая прошла успешную проверку политической практикой в государствах Нового Света... Но то, что смогло демократически консолидировать общества в Канаде, Австралии или Новой Зеландии, почему-то не сработало в демократической Европе. И все бы, может, и ничего, если бы срыв мультикультурной перспективы для Европы не обернулся резким нарастанием обратной тенденции – национализмом, традиционализмом, ксенофобией, откровенным неорасизмом. И все это во имя самого святого – во имя «сохранения корней», во имя «верности христианской традиции», даже «во имя ценностей Просвещения и гуманизма» и, разумеется, во имя защиты демократии как основной, стержневой политической ценности современной Европы.

Автора книги не устраивает подобный поворот событий, и она ставит следующие пять вопросов.

1. Что такое мультикультурализм в теоретическом плане, как сформировалась эта концепция и какие компоненты являются ба-

зовыми, определяющими для характеристики этой политической стратегии?

2. При каких конкретных условиях данная стратегия реально способна демократически консолидировать поликультурное общество?

3. Что в реальности представляла собой та политика, которая проводилась в ведущих европейских странах (Великобритании, Франции и Германии) под лозунгами мультикультурализма?

4. Почему провал этой политики не может быть основанием для дискредитации принципов мультикультурной стратегии, а скорее дает повод для ее уточнения и углубления?

5. В каком направлении возможно развитие теории мультикультурализма и какие проблемы предстоит решать на этом пути как политической теории, так и политической практике.

Двигаясь вслед за автором от вопроса к вопросу как по ступенькам исследования, мы можем в целом воспроизвести ее концепцию.

Концепция

Основные черты концепции могут быть сформулированы следующим образом. Поскольку под влиянием глобализации современные общества становятся все более и более поликультурными, то возникает настоятельная необходимость выработки новой стратегии и тактики формирования политического консенсуса относительно «общего блага». Сложность и новизна проблемы состоят в том, что речь идет о согласовании разных индивидуальных и групповых интересов не просто в рамках более-менее единой цивилизационной парадигмы, как это было раньше в христианской или постхристианской Европе, а в рамках столкновения различных цивилизационных парадигм, находящихся, кроме всего прочего, еще и на разных уровнях развития цивилизационного времени, когда христианский и постхристианский модерн встречаются, скажем, с исламским предмодерном. (с. 16)¹. В этих условиях чисто процессуальные и институциональные принципы либеральной демократии оказываются недостаточными для интеграции общества

¹ Здесь и далее в скобках – ссылки на страницы рецензируемой монографии.

и должны быть реконструированы с учетом новой политической стратегии, получившей название мультикультурализма. Под этим термином понимается одновременно «поддержка этнокультурного разнообразия и политика включения, проводимая в отношении этнокультурных меньшинств» (в Канаде и Австралии), и «политика поддержки особой культурной идентичности иммигрантов» (в Европе), и «политика сохранения и поддержки коренных народов» (в странах Латинской Америки) (с. 17). Однако не следует смешивать гетерогенность общества как таковую и собственно политику мультикультурализма. Вслед за Б. Парекхом автор говорит о том, что «общество следует называть мультикультурным, если многообразие в нем признается ценностью и поддерживается (в том числе и политически – посредством особых принципов и механизмов управления)» (с. 34). В этом смысле мультикультурализм непосредственно связан и с характером проводимой политики, и с доминирующим типом политической культуры. Для поиска более универсального определения сущности этой политики автор последовательно рассматривает этапы развития теории мультикультурализма начиная с 70-х годов прошлого века, дискуссию «либералов» (У. Кимлика и др.) и «коммунитаристов» (Ч. Тейлор и др.), анализирует работы таких теоретиков «второй волны» начала 2000-х, как Б. Парекх и Т. Модуд и др. И затем обращается к анализу реального и успешного опыта мультикультурной политики на примере Канады. В итоге основной вывод первой части книги звучит следующим образом: мультикультурализм есть политика, включающая в себя следующие основные компоненты.

1. Осознание важности культурной составляющей в социальной и политической жизни личности и общества.

2. Равное включение представителей всех культурных групп общества в общественную жизнь, обеспечение доступа к участию в определении общего блага.

3. Взаимное признание необходимости частичной добровольной культурной трансформации ради достижения политического консенсуса по поводу общего блага.

4. Восприятие широкого полиформатного мультикультурного диалога (полилога) как наилучшего способа достичь легитимного мультикультурного компромисса (с. 100).

Во второй части исследования автор приступает к детальному анализу тех стратегий, которые применялись в отношении пре-

имущественно иммигрантских сообществ в Великобритании, Франции и Германии под лозунгами мультикультурализма и в итоге привели к дискредитации последнего, что во многом обусловило консервативный поворот в нынешней европейской политике. Проведенный автором анализ приводит к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что широко разрекламированный консерваторами-националистами «провал мультикультурной политики» в Европе есть в лучшем случае заблуждение, а в худшем – неизбежное следствие симуляции этой политики и стратегии. В отношении иммигрантских сообществ в этих странах, как полагает автор, «мультикультурализм» представлял собой лишь разного рода уступки, призванные снизить остроту протеста их представителей против отсутствия у них реальных возможностей полноценно участвовать в политической жизни, т.е. участвовать в определении будущего государства, в котором живут они и их дети.

Любопытно, что при всем сходстве конечного результата правящие круги каждой из этих стран при осуществлении стратегии симуляции мультикультурной политики использовали особенности «национальной» политической культуры. Так, в Великобритании лозунги «мультикультурализма» употреблялись лейбористами преимущественно для усиления своей электоральной базы за счет проблемной иммигрантской аудитории (с. 144). Во Франции фактическое исключение инокультурных меньшинств из процесса определения общего блага осуществлялось под эгидой «универсальных» политических принципов французского Просвещения, предполагавших «жесткое разделение между общественной и частной сферами» (с. 147). Наконец, в Германии явно или неявно представленный в массовом сознании и активно поддерживаемый истеблишментом принцип *jus sanguinis* (буквально «право крови»), исторически связывавший право на гражданство с этнокультурными характеристиками, позволил под видом «мультикультурализма» проводить политику мягкой сегрегации, направленной на поддержание привилегий этнических немцев относительно гастарбайтеров как в экономической, так и в политической жизни (с. 124).

Вывод автора: европейский опыт не может служить дискредитации политики «мультикультурализма» просто потому, что эта политика не применялась в Европе в своих существенных и определяющих компонентах, а лишь использовалась как модное при-

крытие, как уступки, призванные снизить остроту проблемы и обеспечить политические дивиденды в избирательной борьбе.

Идея работы

Представленная в работе концепция целостна и оригинальна, однако интерес представляют также и ряд отдельных идей автора, которые призывают читателя к дальнейшему размышлению. Первым из таких интересных моментов, затронутых в книге, является проступающий в тексте тезис об органической связи секулярного европейского Модерна с историческим европейским типом религиозности. Эта идея по существу взрывает устоявшееся представление об универсальной приемлемости тех секулярных форм и лозунгов, в которых воплощается западный вариант политического Модерна. И действительно, если кантовская система морали и связанная с ней политическая культура европейского общества есть в определенном смысле не просто отрицание, а продолжение и развитие христианской традиции, то становится понятно, почему этот «культурный продукт» оказывается не вполне органичен для общества, вырастающего из других форм религиозного сознания.

Это, в свою очередь, рождает новую интересную идею о том, что система ценностей не есть просто фактор сознания или продукт его трансформации. Для ее принятия недостаточно понимания важности и полезности ценностей и даже их абстрактной справедливости «для людей вообще». Система ценностей всегда есть продукт эволюции социальной практики конкретного общества и усваивается она не просто сознанием, а через привыкание людей к ежедневному использованию составляющих ее суть принципов повседневной жизни. Такое привыкание возможно лишь в том случае, если окружающая людей экономическая и социальная реальность соотносима с обозначенными принципами. Следовательно, чтобы система ценностей была эффективной и приемлемой для той или иной части общества, она должна быть соотносима не только с абстрактными представлениями о добре и зле, но с ежедневной жизненной практикой людей, в частности, с их религиозной традицией (если она для них важна). Поэтому, коль скоро и до тех пор, пока сохраняется ситуация, когда в одной и той же стране могут жить люди, фактически находящиеся на разных этапах со-

циально-экономического развития и черпающие свои нравственные установки из разных форм религиозного и пострелигиозного опыта, никто не может и не должен претендовать на то, чтобы система ценностей, выраженная в форме органичной для одной части общества, была признана универсальной и тем более навязывалась всем в качестве таковой.

Дело вовсе не в том, что одним с культурной точки зрения «подходят» «права человека», а другим – только «самодержавие, православие, народность», а в том, что «права человека» должны найти адекватное выражение, органично связанное с типом индивидуализации, характерным для православного, мусульманского, буддистского и др. типа религиозности и уже в *такой форме* стать важным компонентом модернизации политической культуры, быта и практики соответствующего общества.

Западная система ценностей, к примеру, действительно имеет большое значение для всего мира, однако ее освоение не сводится к пониманию того, из чего она состоит. А если мы хотим «использовать» ее целиком или частично для своего общества, то важно помнить, что требуется *социальный перевод ее на язык нашей культуры*, перевод, который будет рождать и новые формы ее воплощения, и собственные органичные практики и институты, основанные на этих подходящих для *нашего* общества новых формах морали.

Третья важная идея – идея об ограниченности и, *в этом смысле*, неуниверсальности самого западного ценностного горизонта. Трудно спорить с Хабермасом, который восклицает, что ничего лучше, чем западная система ценностей, на которой базируется принцип «прав человека» и демократии, на сегодняшний день не существует, и альтернативой кантовским принципам морали может быть только постмодернистский аморализм, а альтернативой демократии – только деспотия в разных формах¹, однако важно осознавать, что принцип прав человека в одной культуре может сочетаться с правом носить хиджаб и иметь трех жен, а в другой –

¹ «Universalist egalitarianism, from which the autonomous conduct of life and emancipation, the individual morality of consciousness, human rights and democracy is the direct legacy of the Judaic ethic of justice and Christian ethics of love. This legacy, substantially unchanged has been the object of continual critical reappropriation and reinterpretation. Up to this very day there is no alternative to it. Everything else is an idle postmodern talk [Habermas, 2002, p. 148].

нет. Кант, к которому обращается Хабермас, со своим категорическим императивом в целом вполне универсален, только разное *содержательное наполнение* этой нормы в *разных культурах* начинает препятствовать ее практической применимости, когда мы выходим за *границы европейской культурной ойкумены* и вступаем в новую эпоху глобального «столкновения цивилизаций». Значит ли это, что диалог невозможен, возможны только сегрегация или ассимиляция (либо жесткая, как у консерваторов, либо мягкая, как у толерантных либералов)?

Автор полагает, что существует еще один вариант – уважительное соразвитие, изначально признающее взаимную ограниченность и стремление не «вернуться к собственным корням», а вместе сделать усилие и выйти на более широкие горизонты взаимодействия. Применительно к тем же правам человека речь должна идти о ценности каждого человека, недопустимости лишения его морального суждения и моральной ответственности, равноценности людей и праве каждого следовать этим нормам свободно – эти ценности есть в любой религии, в любой культуре, и на них надо опираться и искать точки соприкосновения в политике. К слову сказать, любая (и христианская в том числе) традиция содержит и набор противоположных ценностей: человек – это прах, его миссия – подчинение и слепая вера, отказ от морального суждения и личной ответственности за свои действия, готовность принять на себя роль средства для достижения «великих целей».

Процесс «соразвития» не должен сводиться к международным конференциям, фольклорным фестивалям и формальным призывам к толерантности. Здесь возникает еще одна важная тема, затронутая в этой книге, – это тема политических и экономических интересов, которые сталкиваются сегодня вокруг проблемы поликультурности, использования лозунгов мультикультурализма в качестве неких симулякров для достижения узких экономических и политических целей. А.В. Веретевская обращает внимание на то, что так называемый «провал политики мультикультурализма» в Европе на самом деле был спровоцирован теми силами, которые изначально не были заинтересованы в выравнивании социально-экономического пространства и формировании условий для культурного диалога-соразвития ни в Европе, ни в мире в целом. Автор детально рассматривает конкретные схемы использования лозунгов «мультикультурализма» во Франции, Великобритании и Гер-

мании для дискредитации идеи «соразвития», а также выявляет их роль в подготовке консервативного поворота в политике Европы в конце первой декады нашего века. Невольно напрашивается параллель между логикой симуляции демократии и логикой симуляции мультикультурализма, симуляций, в обоих случаях приведших к торжеству принципов национализма, традиционализма и консервативных установок в политике.

Среди интересных аспектов можно было бы отметить и то, как автор затрагивает проблему цивилизационного времени. Анализируя тему транскультурных отношений, с легкой руки С. Хантингтона мы привыкли обращать внимание прежде всего на различие цивилизационных предпосылок, уходящих корнями в религиозное разнообразие современного мира. Но это разнообразие при правильном к нему отношении, наоборот, открывает новые возможности для выхода из тупиков, в которые время от времени заходит любая культура или цивилизация. Настоящая, действительная проблема – это разница цивилизационного времени, когда в рамках одной и той же социально-политической системы соединяются культуры модерна и предмодерна в виде значительных общественных групп, живущих по существу в разных цивилизационных эпохах и при этом призванных взаимодействовать посредством общих политических институтов.

Пожелания на будущее

Адекватное понимание причин и механизмов симуляции мультикультурализма в Европе, безусловно, важно, однако проблема, которая стоит перед нами, вероятно, гораздо шире. Даже взятый в самом «чистом» канадском варианте своего воплощения мультикультурный подход остается ограниченным. Не будем забывать, что успешный канадский опыт совместного «конструирования общего блага» в основном был направлен на организацию диалога относительно близких цивилизационных сегментов (английского и французского), имеющих хотя и различный по форме, но общий по истокам христианский тип религиозности... Попытки практического применения теории мультикультурализма (понятно, что рассматривать нужно истинные такие начинания, а не симуля-

кры) в более гетерогенной в культурном плане среде все же вызывают известные сложности.

Дело в том, что мультикультурный подход, как и вся политология в целом в том виде, в котором мы имеем ее сегодня, есть в основе своей дитя англосаксонского нормативного и методологического направления философии. Ограниченность концепции мультикультурализма, как и всех основных форм и разновидностей либеральной идеологии, не может быть преодолена без выхода за пределы этой достаточно узкой методологической и нормативной перспективы. Даже Хабермасу и Деррида узко в этих рамках [см.: Habermas, Derrida, Borradori, 2003, p. 128], что же говорить о представителях индийской или китайской традиций. Кстати, не случайно наиболее интересные идеи о поликультурном диалоге как соразвитии высказывают именно авторы, имеющие наряду с англо-американскими и иные социокультурные корни (такие, как Парекх [Parekh, 2006] и Модуд [Modood, 2007]). Думается, что и уникальный российский опыт тоже может и должен внести свой важный вклад в расширение границ поликультурного дискурса и преодоление ограниченности концепции мультикультурализма.

Список литературы

- Веретевская А.В. Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 180 [1] с.
- Habermas J., Derrida J., Borradori G. Philosophy in a time of terror. Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2003. – 224 p.
- Habermas J. Religion and rationality. Essays on reason, God, and Modernity / Ed. by E. Mendieta. – Cambridge: Polity press, 2002. – 184 p.
- Modood T. Multiculturalism. A civic idea. – Cambridge: Polity press, 2007. – 193 p.
- Parekh B. Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – 424 p.

А.С. КОЗИНЦЕВ*

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НА МУСУЛЬМАНСКОМ ЗАПАДЕ

Рецензия на книгу: *Hill J.N.C. Democratization in the Maghreb.* –
Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2018. – 218 p.

Рост нестабильности в странах Ближнего Востока и Северной Африки, получивший название «арабской весны», оживил дискуссии о путях демократического транзита: произошедшие в регионе изменения продемонстрировали не только слабость институциональных механизмов разрешения конфликтов (Ливия, Сирия, Йемен), но и успешную адаптацию современных авторитарных режимов (Алжир, Тунис, Марокко) [см.: Кудряшова, 2012]. Новые эмпирические материалы позволяют исследователям проверить пределы применимости концепций электорального авторитаризма и неопатримониализма, углубить анализ роли политических институтов в условиях автократии, вписать развитие отдельных арабских стран в общую логику режимных трансформаций. Исследовательских сюжетов в этой области немало. Как связана устойчивость режима с траекториями его эволюции? Какой этап является «точкой невозврата»? Каковы структурные предпосылки изменений? Можно ли считать процессы, происходящие в регионе, демократизацией? Как эти процессы вписываются в мировую политико-институциональную динамику? Актуаль-

* **Козинцев Александр Сергеевич**, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

Kozintsev Alexander, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

ная арабская проблематика привлекла внимание и профессора международных отношений Королевского колледжа Лондона Джонатана Хилла.

В книге «Демократизация в странах Магриба¹» Хилл ставит целью выявить и контекстуализировать траектории трансформации политических режимов стран Северной Африки. Отправной точкой его работы стал тезис, что большинство исследователей региона были слишком увлечены анализом общих характеристик стран Магриба и не уделяли достаточного внимания различиям. Для самого Хилла парадокс «арабской весны» состоит в сочетании единого географического охвата и синхронности происходящих процессов на региональном уровне с совершенно не похожими друг на друга изменениями в отдельных политиях. Другими словами, он пытается ответить на вопрос, почему события 2011 г. имели разные результаты в Тунисе, Алжире, Марокко и Мавритании. Для этого ученый анализирует новейшую историю этих стран, характер связей с международными акторами и управленческие решения. Утверждается, что за исключением Туниса, где демократизация произошла, остальные режимы адаптировались к социальным изменениям и остались авторитарными.

Структурно монография состоит из двух частей. В первой части (введение и первая глава) автор определяет план исследования и единую для всех страновых казусов концептуальную рамку, проводит операционализацию переменных. Вторая часть включает в себя четыре главы (анализ казусов) и завершается выделением общих закономерностей политических изменений в странах Магриба.

В качестве теоретической рамки исследования Хилл выбирает концепцию «соревновательного авторитаризма» Стивена Левицки и Люкана Уэя [Levitsky, Way, 2010]. Авторы концепции пытаются ответить на вопрос, почему после завершения существования СССР одни режимы успешно прошли процесс демократизации, а другие потерпели неудачу. Они утверждают, что история отношений с Западом, географическая близость к нему, экономическое сотрудничество, а также наличие у демократических государств разнообразных инструментов влияния подталкивают автократов к проведению демократических реформ и повы-

¹ Магриб в переводе с арабского означает «запад», «место, где заходит солнце».

шают издержки злоупотребления полномочиями. Даже хорошо организованные авторитарные режимы при существовании прочных связей с западными странами вынуждены склоняться к демократизации.

Хилл справедливо отмечает, что работа Левицки и Уэя обходит вниманием регион Ближнего Востока и Северной Африки, вынося его за рамки «волн демократизации». Он стремится преодолеть это упущение, утверждая, что разработанная теоретическая модель применима и к анализу траекторий режимных изменений арабских стран в постбиполярную эпоху. Для обоснования этого тезиса автор монографии относит рассматриваемые режимы к «соревновательному авторитаризму», для которого, как отмечают Левицки и Уэй, характерна гибридность: демократические институты функционируют, но инкубенты систематически злоупотребляют полномочиями с целью сохранения власти. Так, выборы могут проводиться регулярно и с участием различных партий и кандидатов, однако оппозиция не обладает достаточными для победы ресурсами, а барьеры участия запретительно высоки. Подобные выборы, как показывает Хилл на примере Туниса, нужны для получения информации о настроениях избирателей и легитимации режима на международной арене. В Алжире такие выборы направлены на дробление оппозиции и сохранение лояльности режиму.

Характеризуя необходимые для качественного анализа казусов переменные, исследователь выделяет внешние и внутренние факторы, формирующие траекторию изменений. Среди внешних факторов называются *связи (linkage)* рассматриваемой страны с Западом и его способность оказать *влияние (leverage)* на нее. Связи определяются как *интенсивность взаимозависимостей* в экономической, межправительственной, технократической, социальной, информационной и гражданской сферах, а также как *уровень трансграничных потоков* капитала, товаров, услуг, рабочей силы и информации между страной и США / ЕС или западным многосторонним институтом. Чем интенсивнее связи, тем быстрее происходит диффузия социальных норм и рост количества групп интересов, которые вынуждают автократа вступить на путь демократизации.

Инструменты влияния рассматриваются в двух измерениях. С одной стороны, это *способность и желание* Запада совершить действия, прямым следствием которых станут политические изме-

нения. С другой – готовность авторитарного режима к *внутренней мобилизации* для противодействия давлению. Эффективность инструментов влияния находится в зависимости от размера экономики страны, наличия у нее в качестве союзника «черного рыцаря», т.е. мощного государства-спонсора (прежде всего России или Китая), и степени координации действий Запада. К внутренним факторам, оказывающим воздействие на трансформацию, относится *организационная структура* режима, т.е. ресурсы, которыми обладает и может воспользоваться автократ для сохранения власти. Структура режима складывается из эффективности аппарата принуждения (применение насилия) и согласованности партийной организации (купирование насилия).

Таким образом, в этой модели значимое влияние оказывают три переменные: степень связи с западными странами, способность последних оказать влияние на происходящие процессы и организационные ресурсы авторитарного режима. В зависимости от значимости влияния на режим переменным присваиваются значения – *высокая, средняя и низкая* интенсивность. Если интенсивность связей высокая, а инструменты влияния разнообразны, то независимо от структурной устойчивости режимная трансформация предопределена. Если интенсивность связей низкая, а влияние высокое, то давление на режим со стороны демократических стран хотя и ощутимо, но непоследовательно. Наконец, если интенсивность связей и влияния Запада низкое, то политическая трансформация детерминирована внутренними факторами, т.е. совокупностью элементов организационной структуры режима.

При анализе страновых казусов Хилл сквозь теоретическую призму Левицки и Уэя выявляет различия траекторий в Тунисе, Алжире, Марокко и Мавритании. Так, анализ траекторий Туниса и Марокко подтверждает тезис о прямом влиянии Запада на политические изменения. Однако в Тунисе, где состоялся транзит к демократии, в течение 25 лет у власти находился бессменный лидер Бен Али. Автор монографии отмечает сложность интерпретации этого казуса и подчеркивает, что, учитывая высокую интенсивность связей страны с Западом и наличие мощных рычагов влияния у западных стран, трансформация режима должна была произойти гораздо раньше. С его точки зрения, причина запаздывания изменений в том, что Бен Али поддерживал «демократический фа-

сад» политических институтов и создавал для западных элит «модернизационный нарратив».

Еще одна причина устойчивости тунисского режима кроется, по мнению британского ученого, в нерешительности и несогласованности действий демократических стран. Нерешительность была вызвана опасением роста террористической и экстремистской угрозы в случае дестабилизации. Несогласованность действий стала результатом расхождения национальных интересов не только ЕС и США, но и отдельных европейских стран по линии «Юг – Север». Однако распространение демократических норм все-таки произошло: экономика Туниса оказалась слишком мала, а историческая и географическая близость Европы слишком значима. Именно их распространение в конечном итоге способствовало политической трансформации. В итоге Хилл приходит к заключению, что в случае Туниса ведущую роль сыграл внутренний организационный дисбаланс самого режима.

Характеристики переменных сближают с Тунисом Марокко. Марокканский режим поддерживает связи высокой интенсивности с западными странами, обладает высокой организационной устойчивостью. Как и в случае с Тунисом, внешнее давление к демократизации на него практически не оказывалось. Объясняется это стратегическим значением страны во внешней политике США и ЕС и нежеланием нарушать сложившееся равновесие. Тогда почему «арабская весна» привела к изменениям в Тунисе, но не затронула Марокко? Хилл находит ответ на этот вопрос в «неэлекторальной природе» авторитарного режима при высокой заинтересованности монарха в проведении выборов и партийном строительстве. Вместо того чтобы пойти по пути Бен Али и создать одну партию¹, которая концентрировала бы все полномочия, Мухаммад VI распределил властные ресурсы между большим количеством партий – как проправительственных, так и оппозиционных. Это позволило избежать чрезмерного усиления какой-либо группы интересов и ее возможного давления на монарха. Более того, политические силы страны убеждены в том, что партийная конкуренция необходима для получения доступа к ресурсам.

¹ С 1988 по 2011 г. «партией власти» в Тунисе являлось «Демократическое конституционное объединение», основанное на базе Социалистической дустуровской партии после прихода к власти Бен Али.

В этом контексте Мухаммад VI воспринимается как независимый арбитр, гарантирующий соблюдение установленных правил и функционирование института выборов. Так, во время «арабской весны» монарх пошел на отмену статьи 24 Конституции 1996 г., позволявшей ему самостоятельно формировать кабинет и назначать премьер-министра, и выступил за то, чтобы правительство формировала победившая на выборах партии (статья 47 Конституции 2011 г.). Более того, теперь перед отстранением министра от должности монарх должен провести консультации с премьер-министром. Подобные конституционные изменения не только помогли смягчить протесты, но и продемонстрировали союзникам монарха, прежде всего США, что правящий режим готов учитывать требования граждан. Необходимый эффект был достигнут, хотя Мухаммад VI остался главным актором марокканской политической жизни.

Вместе с тем внимательный читатель отметит, что Левицки и Уэй при отборе казусов для своей модели намеренно исключили Марокко из анализа. По их мнению, монархии обладают иной динамикой режимных изменений. Это связано прежде всего с тем, что такие режимы не являются выборными. Хилл стремится опровергнуть данный тезис, указывая, с одной стороны, на значительную роль электорального процесса для обеспечения авторитарной стабильности, а с другой – на высокую важность этого механизма при распределении полномочий среди борющихся друг с другом фракций. Таким образом, исследователь распространяет модель Левицки и Уэя на государства с монархической формой правления.

Алжир и Мавритания гораздо успешнее вписываются в модель Хилла. Алжир, как и его монархический сосед, продемонстрировал высокие способности к адаптации. Этот режим, несмотря на физическую слабость своего лидера¹, обладает мощным организационным ресурсом, который представлен диверсифицированным аппаратом принуждения, включающим опытные силовые структуры. Костяк режима формируют выходцы из армии и приближенные лидера. Имеют значение также историческое бремя Алжира (колониальное прошлое и война за независимость) и кри-

¹ Нынешний президент Алжира Абдель Азиз Бутефлика родился в 1937 г. В 2014 г., баллотируясь на четвертый срок, он практически не появлялся на публике и делегировал ведение избирательной кампании помощникам, однако победил на выборах в первом туре, получив более 80% голосов избирателей.

зис 1999 г., в ходе которого Бутефлика, поддержанный алжирцами на референдуме, пришел к власти.

В ходе «арабской весны» режим пошел на частичные уступки протестующим и отменил чрезвычайное положение, действовавшее в течение 19 лет. В стране облегчили деятельность оппозиционных партий, была утверждена социально-экономическая программа по созданию рабочих мест. Учитывая способность режима к адаптации, Хилл формулирует следующий вопрос: почему западные страны не оказали достаточного давления в ходе переизбрания президента в 2014 г.? Ответ в данном случае полностью согласуется с предложенными теоретическими построениями: у Запада не было достаточных рычагов давления, а связи с ним характеризовались средней интенсивностью. Европейские соседи Алжира оказались более заинтересованы в сотрудничестве с режимом в целях пресечения деятельности «Аль-Каиды», действующей на территории страны. Не менее важным был вопрос о стабилизации газовых поставок на мировой энергетический рынок, особенно с учетом ливийского кризиса. Связи с Западом, выражавшиеся в воспоминаниях о колониальном наследии, активно эксплуатировались официальными властями, рождая у части алжирцев resentment. В конце концов у граждан страны не оказалось яркой демократической альтернативы, которая при этом была бы поддержана странами Запада.

Казус Мавритании, которая часто остается на обочине исследований, полностью согласуется с динамикой изменений по модели Левицки и Уэя. После отстранения от должности президента Муавийа ат-Тайи в 2005 г. в стране прошли демократические реформы, которые стали приятной неожиданностью для стран Запада. Президентские выборы 2008 г. оказались наиболее транспарентными за всю историю существования государства. Однако после 2009 г. демократический импульс угас, и начался возврат к авторитаризму. Хилл объясняет подобную динамику средней интенсивностью связей и инструментов влияния США и ЕС на Мавританию при низком организационном ресурсе страны. Эта характеристика позволяет понять «маятникообразную траекторию» политических изменений. Более того, запуск этапа преобразований произошел по мавританской инициативе. Они угасли, как только режим понял, что США и ЕС не будут последовательны в укреплении зарождающихся демократических институтов.

В заключение Хилл кратко характеризует результаты режимных трансформаций, группируя их согласно концептуальной схеме Левицки и Уэя. Теоретической новацией стало, без сомнения, ее применение к странам Северной Африки. Какие значимые результаты принес новый ракурс анализа? Случай Алжира продемонстрировал, что историко-географическая близость, «общий опыт сосуществования» с демократическими странами может стать препятствием на пути политической трансформации и сместить акцент в сторону защиты суверенитета и особого пути развития страны. Анализ марокканского казуса показал, что модель может быть релевантна и для монархий. Хотя власть Мухаммада VI надежно защищена от «скачков и поворотов» электорального процесса, эволюция подобных режимов находится в зависимости от результатов выборов. Более того, сравнительное исследование дает возможность выстроить шкалу зависимости лидеров от партий. В этом контексте наиболее независимым окажется Мухаммад VI, следом за ним расположатся Бутефлика (Алжир) и Абдель Азиз (Мавритания). В заслугу автору монографии можно поставить удачную попытку совмещения элементов структурного и процедурного подходов к режимным изменениям, что позволяет учитывать контекст при анализе потенциала акторов (о структурном и процедурном подходах при анализе режимных изменений см.: [Харитоновна, 2017, с. 387–388]).

Анализ организационных ресурсов авторитарных режимов Северной Африки не подтвердил содержавшееся в концепции положение о неизбежности политической трансформации при высокой интенсивности внешних факторов. Оказалось, что внешняя и внутренняя среды находятся в нелинейной зависимости и, следовательно, значимость параметров в каждом случае должна определяться особо. Также важным для Хилла результатом, который характерен для всех случаев, стало очевидное нежелание западных государств напрямую влиять на происходящие в Северной Африке процессы. Даже при наличии необходимых рычагов давления и прочных связей США и страны ЕС оказываются либо не заинтересованы в происходящих изменениях, либо не едины при выработке общей стратегии. Этот вывод помогает понять причины расширения спектра участников внутригосударственных конфликтов, а также рост влияния региональных держав на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Список литературы

- Кудряшова И.В.* Режимные трансформации на современном Арабском Востоке // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 149–167.
- Харитонова О.Г.* Политические режимы и режимные изменения в зеркале научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2017. – Т. 19, № 4. – С. 379–391.
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive authoritarianism. Hybrid regimes after the cold war. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 537 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах *.doc или *.rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах форматов .xls; .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах *.ppt, *.pptx или *.jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5.–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (до 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews, abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inon.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or *.rtf format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in *.xls or *.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in *.ppt, *.pptx, or *.jpeg format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow

the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21.
ИНИОН РАН. Отдел политической науки.
E-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 19 / XII – 2018 г.
Формат 60 х 84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,25 Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 500 экз. (100 – 1-й завод) Заказ № 155

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ NФС77–36084

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33